А. А. Ивин, И. П. Никитина

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ

Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru, а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2022

УДК 101(075.8)
ББК 87я73
И25

Авторы:

Ивин Александр Архипович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук;

Никитина Ирина Петровна — профессор, доктор философских наук, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова, профессор Московского политехнического университета.

Рецензенты:

Доброхотов А. Л. — доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

Ивлев В. Ю. — доктор философских наук, профессор кафедры логики философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Ивин, А. А.

И25 История философии : учебное пособие для вузов / А. А. Ивин, И. П. Никитина. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 169 с. — (Высшее образование). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-9916-8946-5

Учебное пособие представляет собой базовый курс философии. В нем рассматриваются предмет философии и основные этапы ее исторического развития. Основное внимание уделяется задачам философии и ее структуре. Материал излагается в доступной и лаконичной форме.

УДК 101(075.8)
ББК 87я73

ISBN 978-5-9916-8946-5

Оглавление

Предисловие

Философия исследует общие принципы видения мира человеком и обществом. Она меняется вместе с изменением человеческой культуры. Именно поэтому в каждую новую историческую эпоху философия становится другой.

Постоянное развитие — одна из фундаментальных характеристик философии. Всякая философская концепция есть результат предшествующей истории, точка пересечения разнородных, а зачастую и противоречивых тенденций, идущих из прошлого через настоящее в будущее. Изложение философии, не принимающее во внимание исторически конкретное время существования философских теорий, абстрактно и малополезно.

Философия всегда существует в рамках определенной культуры. Никакая отдельная черта культуры, будь то ее догматизм, авторитарность, иерархичность и другие, взятая сама по себе, не определяет характер философии данной культуры.

В учебном пособии обсуждаются проблемы возникновения философии и ее развития, охватывающего почти две с половиной тысячи лет. Дается представление о задачах философии и ее структуре. В заключительной главе излагаются философские представления о будущем человечества.

В учебном пособии излагается не абстрактная, претендующая на универсальную приемлемость концепция философии, а вполне конкретная философская теория, которую можно было бы назвать аналитической, но не в традиционном смысле этого слова, подразумевающем главным образом «анализ языка». Две основные, взаимосвязанные особенности аналитической философии в современном смысле сводятся к стремлению соответствовать, насколько это вообще возможно для философии, научному методу и тем идеалам и нормам, которые предъявляются к современным научным теориям, и рассуждать без «метафизиче-

ского тумана», насколько это опять-таки возможно в философии, с использованием ясных и точных понятий.

В результате изучения курса философии студент должен:

знать

- предмет философии и ее место в системе наук;
- историю возникновения и основные этапы развития мировой и отечественной философской мысли;
- основные философские школы и учения;
- ключевые философские категории;
- основы учения о бытии, движении и развитии, пространстве и времени, детерминизме и индетерминизме;
- структуру общества, связь гражданского общества и государства, роль личности и масс в истории, формационную и цивилизационную концепции общественного развития;
- философское представление о природе человека;
- задачи теории познания, соотношение знания, убеждения, веры и сомнения, понятия истины и обоснования знания, связь рационального и иррационального в познании, роль критерия практики в познании;
- особенности научного познания и научного метода, специфику социальных и гуманитарных наук;
- основы этики, значение нравственных ценностей, эволюцию представлений о справедливости и совершенном человеке, особенности моральной аргументации;
- своеобразие эстетических ценностей, их роль в человеческой жизни, функции искусства в обществе;
- задачи философии права, соотношение правовых норм, оценок и описаний;
- эволюцию религии и философских представлений о ней, принцип свободы совести;
- элементы логики;
- представления о будущем человечества, стоящих перед ним глобальных проблемах, о формировании единого человечества в диалоге цивилизаций;

уметь

- обоснованно и творчески применять широкий, философский подход при анализе конкретных проблем;
- анализировать связь философии с другими науками и современной общественной жизнью;
- давать общую характеристику развития современной философии;
- объяснять, в чем смысл человеческого бытия, как соотносятся между собой насилие и ненасилие;

• определять взаимосвязь свободы, равенства и справедливости;

• характеризовать основные факторы развития общества и стоящие перед ним проблемы;

• выявлять основные черты природы человека и ее изменения в ходе истории;

• характеризовать основные ценности современной эпохи;

владеть

• ясным представлением о философии и ее эволюции;

• навыками аналитического исследования основных классических и современных философских концепций;

• навыками истолкования философских текстов;

• умением аргументированно обосновывать определенную позицию в ходе дискуссии и полемики;

• философским пониманием человека, общества и природы;

• представлением о современном диалоге культур и цивилизаций.

Глава 1
ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ

В результате изучения главы студент должен:

знать

• задачи, которые ставит перед собою философия;

• промежуточное положение философии между наукой и искусством;

• связь философии с мудростью;

• характер влияния культуры на философию и философии на культуру;

уметь

• анализировать связь философии с другими науками;

• выявлять основные разделы философии;

• воспринимать философию как особый раздел знания;

владеть

• умением усваивать абстрактные философские категории;

• способностью вести дискуссию о значении философии и ее воздействии на культуру своей эпохи;

• способностью критически усваивать философские рассуждения.

1.1. Предмет философии

Философия (от др.-греч. *philia* — любовь и *sophia* — мудрость; *philosophia* — любовь к мудрости) — это особая форма познания мира, стремящаяся выявить фундаментальные основы человеческого бытия и того мира, в котором оно протекает, сформулировать наиболее общие и существенные характеристики отношения человека к природе, обществу и духовной жизни во всех ее проявлениях.

Коротко говоря, **философия** — *это наука, изучающая наиболее общие проблемы человека, общества и природы.*

Философия является теоретическим ядром *мировоззрения* — системы взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, на отношение человека к миру

и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы и принципы деятельности.

Философия возникла примерно в одно и то же время (в V—IV вв. до н.э.) в Древней Греции, Индии и Китае. Она пришла на смену мифологическому представлению человека о мире. Иногда возникновение философии так и характеризуют — «переход от мифа к логосу», т.е. переход от объяснения человеком окружающего его мира не в форме своего рода сказки, какой являлся миф (его героями являются не только люди, но и вымышленные существа, боги и т.п.), а в форме разумного, логически последовательного рассказа о мире, человеке и обществе.

Первым автором, назвавшим любомудрие философией, а самого себя философом, был, как говорят, Пифагор. Однако после Пифагора не осталось сочинений. Слово «философ» употреблялось Гераклитом, говорившим, что «очень много должны знать философы». Термин «философия» впервые встречается в диалогах Платона. Из Древней Греции термин распространился в странах Запада и Ближнего Востока.

Особенности философии как науки. Философия настолько не похожа на другие науки, что иногда высказываются сомнения в ее принадлежности к наукам.

Английский философ и логик XX в. Б. Рассел формулирует эту точку зрения осторожнее[1]. Философия является, говорит он, той своеобразной областью знания, которая лежит между наукой и теологией (богословием). Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым. Но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все определенное знание принадлежит к науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, относятся к теологии. Но между теологией и наукой имеется «Ничейная Земля», открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы богословов уже не кажутся

---

[1] См.: *Рассел Б.* История западной философии : в 2 т. М. : МИФ, 1993. Т. 1. С. 7—9.

столь убедительными, как в предшествующие столетия. Разделен ли мир на дух и материю, и что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи, или он обладает независимым существованием? Имеет ли Вселенная какое-либо единство? Развивается ли Вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы, или мы просто верим в них благодаря присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы можем его достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если Вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется мудростью, — просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории. Теологи претендовали на то, чтобы дать на эти вопросы ответы, и притом весьма определенные, но самая определенность их ответов заставляет современные умы относиться к ним с сомнением. Исследовать эти вопросы и искать ответы на них — дело философии. Философия пытается высказаться о тех же вещах, что и теология: существует ли бог, какую роль он играет в жизни созданного им человека, в чем смысл человеческой жизни и предназначение человека, что такое человеческое счастье, как вознаграждаются добрые дела и т.д. Но философия говорит обо всем этом на языке, подобном языку науки, не обращается в ходе аргументации к откровению или прозрению, к чудесам, противоречащим законам природы, и т.п. Философия зачастую высказывается о тех вещах, которые лежат за пределами научного познания, но стремится не отступать при этом от идеалов и требований науки.

При обсуждении научного характера философии нужно учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, современная философия постепенно все более отходит от теологии и сближается с наукой. Современное индустриальное (и тем более постиндустриальное) общество является светским,

религия отделена в нем от государства. От науки теперь не требуется согласовывать свои выводы с религией и посвящать свои силы оправданию теологических представлений.

Можно сказать, что философия как особая область знания в нынешнюю эпоху лежит не столько между наукой и теологией, сколько *между наукой* и (*художественной*) *литературой*. Не случайно в XX в. пять выдающихся философов получили Нобелевские премии по литературе (такой премии по философии, как и по математике, нет), в их числе А. Бергсон, Б. Рассел, А. Камю и Ж.-П. Сартр.

Во-вторых, философия, конечно же, весьма своеобразна в сравнении с другими науками. Но тем не менее философию — при всей ее необычности, связанной с промежуточным положением между наукой, литературой и теологией, — принято все-таки считать наукой. Философия стремится в своих рассуждениях не отступать от научного метода. Она старается пользоваться ясными и точными понятиями, избегает по мере возможности образности, без которой нет литературы, и т.д. Важно также отметить, что философия преподается во всех высших учебных заведениях. Ее изучают не только на социальных и гуманитарных факультетах, но и на физических, химических, биологических факультетах, в технических университетах. Теория же литературы и теология преподаются довольно узкому кругу людей.

При обсуждении вопроса о том, является ли философия наукой, нужно также иметь в виду, что существующие науки настолько разнородны, что до сих пор нет сколько-нибудь приемлемого определения общего понятия «наука». Физика совершенно не похожа на никогда не прибегающую к опыту логику. Утонувшая в массе разнородных фактов биология мало чем напоминает химию или астрономию. Этика, формулирующая оценки и нормы, мало чем напоминает нейрофизиологию или физиологию человека. Космология, являющаяся, как принято считать, частью физики, использует, в отличие от всех других ветвей последней, временной ряд «было — есть — будет», имеющий «стрелу времени», тогда как в физике применяется только временной ряд «раньше — позже — одновременно», не задающий направления времени.

Помимо естественных, социальных и гуманитарных наук существуют также формальные науки (математика и логика) и так называемые нормативные науки (этика, эстетика, искусствознание, теория права и др.). Результаты математики и логики лишь косвенно сопоставимы с эмпирическими

данными. Эти результаты совершенно отличны от заключений естественных наук. Математика и логика допускают сопоставление с действительностью не сами по себе, а только в рамках тех содержательных теорий, фрагментами которых они являются. Нормативные науки говорят не только о том, *что есть*, но и о том, что *должно быть*, чего избегают делать все другие науки.

Таким образом, разговор об особенностях философии как науки является только одним из фрагментов сложной темы единства ныне существующего и чрезвычайно разнородного множества наук. Представляется, что своеобразие философии не является непреодолимым препятствием для того, чтобы относить ее к наукам.

1.2. Философия как любовь к мудрости

Философия — редкое и с трудом достигаемое соединение знания, опыта и ценностей, позволяющее выносить взвешенные, глубокие и дальновидные суждения о человеке, обществе и мире.

Термин «философия», как уже говорилось, происходящий от греческих слов «любовь» и «мудрость», посему любовь к мудрости (знанию, разумению).

Мудрость — понятие, обозначающее высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и достигаемое через духовно-жизненный поиск истины субъектом знания. Большинство определений мудрости, встречающихся в классической этико-философской традиции, подчеркивают в ней именно момент высшего знания в его ценностном выражении. Например, по Г. В. Лейбницу, мудрость есть «знание высшего блага»; по И. Канту, мудрость — это «свойство воли согласовываться с высшим благом как конечной целью всех вещей»; Л. Н. Толстой определяет мудрость как «знание вечных истин, приложимых к жизни», и т.д.

Мудрость не сводится к обширным знаниям о мире, человеке и обществе. Проницательность в отношении природы позволяет наукам о природе глубоко судить о ее объектах, но такие суждения никогда не называются мудрыми. Как говорил еще Гераклит, впервые употребивший слово *philosophos* для обозначения исследователя природы вещей, «многознание не научает мудрости, которая заключается

в постижении оснований и причин». Вместе с тем знание представляет собой одну из необходимых предпосылок мудрости.

Касающаяся прежде всего человека и его непосредственного окружения, мудрость может быть скорее обнаружена в науках о человеке и обществе, чем в науках о природе, хотя и в первых она является довольно редкой и ее трудно выделить из общей массы эмпирического, субъективного и поверхностного знания. Мудрость связана с деятельностью человека и, значит, с теми ценностями, которыми он руководствуется в своей жизни и в своих действиях.

Мудрость опирается на здравый смысл, но идет гораздо дальше его и встречается значительно реже. Мудрость требует опыта жизни и известного отдаления от тех событий, о которых приходится судить. Как говорил Гегель, «сова Минервы (богини мудрости. — *Авт.*) вылетает в сумерки».

1.3. Роль философии в жизни человека и общества

Не существует философии вообще. Современное философское знание представляет собой комплекс наук и учений, основными из которых являются:

1) *онтология* — учение о всеобщей структуре и динамике существующего мира (природы, общества, человека);

2) *эпистемология*, или *гносеология* (теория познания), — учение о познании человеком окружающего мира и самого себя с помощью разума, эмоций, чувств, абстрактного мышления, интуиции;

3) *социальная философия*, или философия общества;

4) *политическая философия*, изучающая проблемы распределения власти в обществе;

5) *логика* — учение о законах и операциях правильного мышления;

6) *аксиология* — учение о ценностных ориентирах существования человека в мире;

7) *этика* — теория нравственных отношений человека к другим людям и самому себе, принципов морали, общих проблем добра и зла в человеке, обществе и мире;

8) *эстетика* — учение об эстетическом измерении человеческого существования, о соотношении прекрасного и безобразного, трагического и комического, возвышенного и низменного, гармонии и хаоса; рассмотрение общих особенностей искусства и его развития;

9) *философская антропология*, или философия человека;

10) *философия религии.*

Выделяются также другие разделы философии, но, очевидно, что в этом случае основания для выделения являются уже иными. Говорят, например, о *методологии* — учении о самых общих методах, способах, путях познания человеком окружающего мира (эмпирические, теоретические и экспериментальные методы); о *философии природы* — различных сторонах органической и неорганической природы (биосферы и космоса) и т.д.

Задачи философии. Философия претендует на выполнение следующих функций:

- *мировоззренческой функции* — философия помогает сформировать целостную картину мира;
- *воспитательной и образовательной функции* — философия активно участвует в формировании личности;
- *функции социальной критики* — философия постоянно и активно участвует в критике существующей в обществе системы связей;
- *идеологической функции* — философия всегда участвует в формировании представления о желательном политическом и общественном устройстве;
- *эвристической* (*поисковой*) *функции* — философия участвует в создании новых областей теоретического исследования;
- *футурологической функции* — философия пытается ответить на вопрос, каким должно быть будущее, как от критики существующего политического и общественного устройства перейти к более совершенному обществу;
- *методологической функции*: философия формулирует определенные категории и принципы познания, в частности, философия науки активно разрабатывает идеалы и нормы науки, способы научного обоснования, проблему роли ценностей в науке и т.д.

Мировоззрение. Мировоззрение — это система взглядов на окружающую действительность и место человека, общества и человечества в мире, на отношение человека к миру и к самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации.

Мировоззрение является не суммой всех взглядов и представлений об окружающем мире, а их предельным обобщением. Оно имеет сложный, описательно-оценочный характер

и является в значительной мере имплицитным, не артикулированным. Понятию мировоззрения близки понятия «общая картина мира», «мировосприятие», «мироощущение», «миросозерцание», «миропонимание».

Мировоззрение меняется от эпохи к эпохе и складывается под воздействием культуры эпохи как целого, а не в результате воздействия тех или иных сторон социальной жизни и тем более не под воздействием популярных в конкретную эпоху идей. Существенной составляющей мировоззрения, являющегося отражением мира (прежде всего мира культуры) и ценностным отношением к нему, является стиль мышления исторической эпохи, задающий общие принципы теоретического освоения мира и определяющий самый горизонт мышления эпохи.

Важную роль в формировании мировоззрения играет философия. Мировоззрение скрывает в себе философию, идет, как и она, к целому, универсальному, конечному, включает в себя не только знание о человеке и мире, но также и оценки. Согласно немецкому философу, основоположнику философской антропологии М. Шелеру, мировоззрение — это «управляющий всей культурой или одной личностью вид селекции и членения, в котором оно (мировоззрение) фактически вбирает чистую сущность физических, психических и идеальных вещей, независимо от того, как совершается их осознание и даже происходит ли это осознание вообще»[1]. «Чистая сущность» всего того, что окружает человека, и тем более того, как он должен действовать в будущем, является во многом результатом философского мышления, пытающегося объединить в единое целое разные формы познания мира, начиная с результатов конкретных наук и кончая анализом традиций, духа эпохи и стиля ее мышления.

Вместе с тем опрометчиво было бы утверждать, как это делал, в частности, марксизм-ленинизм, что какая-то конкретная философская система способна составить ядро мировоззрения общества. Мировоззрение определяется культурой в ее целостности, а не одной идеологией, ядром которой в коммунистическом обществе действительно являлся марксизм-ленинизм.

Философия в современном образовании. Изучение философии является обязательным элементом современной

---

[1] *Шелер М.* Положение человека в космосе // М. Шелер. Избранные произведения. М., 1994. С. 11.

модели высшего образования. Не мешает ли требование обязательного преподавания философии мировоззренческому плюрализму? Ведь отрицание возможности государственной идеологии и признание плюрализма мировоззрений означает указание на то, что мировоззрение является частным делом.

Однако философия не просто мировоззрение. Она является также наукой. Это — мировоззрение, претендующее на научный статус. Рассматривая универсальные, всеобщие основания культуры, такие как пространство, время, бытие, благо, истина, смысл жизни и другие, философия обращается к разуму, к логической доказательности и претендует на эмпирическую достоверность своих суждений. В этом смысле философия является способом утверждения науки, научного знания, рациональности как решающей основы ответственной и продуктивной практической деятельности. Философское мировоззрение отличается от мировоззрений, в основе которых религиозные, этно-национальные, политико-идеологические убеждения, именно тем, что оно опирается на науку и поэтому имеет всеобщее значение. Оно играет незаменимую роль при выработке и усвоении того языка ценностей, который позволяет вступать в диалог людям, принадлежащим к различным конфессиям, этносам, социальным группам. Философия — особый уровень знания, благодаря которому знание приобретает прочность последнего основания ответственных суждений и действий. Без нее образование может быть каким угодно, но оно не будет ни современным, ни высшим.

Философия помогает студенту любой специальности увидеть ее место в структуре научного знания, усвоить общие нормы и идеалы научного метода, понять место науки в современном обществе. Кроме того, хороший специалист должен также уметь руководствоваться в своем профессиональном поведении общегражданскими ценностями, быть способным к рациональному обсуждению возникающих проблем. Все эти задачи предполагают определенное знание философии.

1.4. Направления в философии

Философия всегда слагалась и теперь слагается из множества конкурирующих между собою концепций, различающихся не только ответами на основные вопросы, касающиеся основных философских понятий и природы

философии, но и самим кругом таких вопросов. Современная философия не является исключением в этом смысле. В ней существуют многочисленные направления и школы, по-разному определяющие предмет философии, сущность философского исследования, его основные задачи и этапы его развития, движущие силы этого развития, характер связей философии с культурой и т.д. Можно упомянуть, в частности, феноменологию, экзистенциализм, аналитическую философию, неопозитивизм, неомарксизм, неопрагматизм, неотомизм и др.

Нередко изложение философии ведется так, как если бы никаких исключающих друг друга направлений в ней не существовало. Это не должно, однако, вводить в заблуждение. Многие авторы, стремясь к объективности, пытаются не обнаруживать своего тяготения к какому-либо конкретному направлению в философии, создать видимость равной удаленности от всех существующих философских течений и найти, так сказать, золотую середину между ними.

Эта позиция допустима, но только в качестве временной. Она не должна создавать впечатления, что в философии можно стоять над всеми ее направлениями и излагать некую «объективную», совершенно не зависящую от этих направлений концепцию. Философия всегда слагалась и будет слагаться из конкурирующих, несовместимых друг с другом направлений и концепций. Со временем исчезнут, судя по всему, неомарксизм, феноменологическое, неотомистское и другие течения в философии. Но на смену им придут другие философские направления, и философия останется, как и всегда ранее, пестрой мозаикой направлений и школ, во многом несовместимых между собою. Уже одно это исключает возможность открытия приемлемых для всех философских направлений, представлений об основных понятиях и проблемах философии, философских суждений о пространстве, времени, движении и т.д.

Некоторые философы среди многообразных и довольно разнородных проблем, рассматриваемых философией, выделяют так называемый «основной вопрос философии». Французский философ А. Камю полагал, что основной вопрос — это вопрос о том, стоит ли жить. К. Маркс и Ф. Энгельс считали основным вопрос об отношении сознания к бытию, духовного к материальному вообще. Один современный философ основным считает вопрос: почему есть нечто,

а не ничто? Предлагались и многие другие варианты того, что можно было бы назвать основным вопросом философии.

Сразу же возникает проблема: почему в одной из необъятного множества наук есть некий «основной вопрос», ответ на который предопределяет будто бы ответы на все остальные вопросы этой науки, а ни в какой другой науке подобного вопроса нет. Почему нет основного вопроса химии, логики, лингвистики и т.д.?

Признание существования специального «основного вопроса» сразу же поставило бы философию на особое, можно сказать исключительное, место среди других наук. Сомнительным бы стал сам статус философии как науки. Никакого основного вопроса, предопределяющего ответы на все иные философские проблемы, в философии, конечно же, нет. В этом плане она не отличается от всех иных наук.

1.5. Философия и культура

В заключение разговора о том, что такое философия, нужно сказать несколько слов о соотношении философии и культуры своего времени.

Каждая историко-культурная эпоха смотрит на мир своими глазами, создает собственную картину мира и собственную, только для нее характерную философию. С изменением культуры меняется также порождаемая ею философия. Иными словами, философия *социально детерминирована*, она не является чистой последовательностью идей, совершенно не зависящих от культуры того времени, в которое существует. Смена исторических эпох означает революцию в способе философского видения и, значит, радикальный переворот в философской трактовке мира. Античный человек ощущает себя простой частицей огромного гармоничного космоса. Он растворен в непрестанном круговом движении космического целого и видит свое отличие от других живых существ только в своей разумности. Античная философия представляла человека и окружающий его мир как естественную и неотъемлемую часть космического целого. В культуре Средневековья главным объектом внимания является трансцендентальный Бог, создавший человека и весь окружающий его мир и продолжающий определять взаимные связи всех существующих вещей. Следовательно, средневековая философия должна была прежде всего с помощью разума

познавать Бога и вырабатывать доказательства его бытия. То есть философия, как сформулировал Фома Аквинский, должна быть «служанкой богословия». В период Возрождения человек сосредоточивается на самом себе, на своих богоподобных творческих способностях, благодаря которым создается мир «второй природы» — культуры. Формируется новый тип отношения к жизни и творчеству. Происходит отказ от средневекового идеала жертвы в пользу ценностей земного бытия, облагороженных гуманитарным знанием. В эпоху Нового времени — времени формирования современной науки, своеобразного «открытия природы» — философия, наряду с миром культуры, «открывает» существующий независимо от человека и в известном смысле более фундаментальный мир природы.

Проблема единства и целостности культуры. Способ философского видения слагается под воздействием культуры как целого, а не отдельных ее областей (религии, науки, искусства и др.). Влияние культуры как целого опосредуется вырабатываемым ею духом времени и сказывается на всех ее частях. Самые, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга области культуры оказываются в конце концов связанными друг с другом.

Пейзажный парк, пишет искусствовед Н. Певзнер, был изобретен философами, писателями и знатоками искусств, а не архитекторами и не садоводами. Он был изобретен в Англии, ибо это был сад английского либерализма. Партия вигов — это первый источник пейзажного сада, философия рационализма — второй. О регулярном саде Д. С. Лихачев пишет, что он не был философски противопоставлен природе, как это обычно представляется. Напротив, регулярность сада мыслилась как отражение регулярности природы, ее подчинения законам ньютоновской механики и принципам декартовской разумности.

В начале XX в. немецкий философ О. Шпенглер, говоря о цельности и связности культуры исторической эпохи, настаивал на глубоком внутреннем единстве всех элементов культуры, начиная с мифа, театра, живописи и кончая абстрактными математическими построениями. Л. Витгенштейн, испытывавший влияние Шпенглера, также полагал, что существует «семейное сходство» между различными элементами одной и той же культуры: ее математикой, архитектурой, религией, политическими организациями и т.д. Одновременность появления нового видения, новой тенден-

ции в разных сферах культуры исторической эпохи отмечал и испанский философ XX в. Х. Ортега-и-Гассет. Он иллюстрировал эту идею примером параллельного развития таких, казалось бы, достаточно далеко отстоящих друг от друга ее областей, как живопись и философия. Живопись прошла за последние шесть столетий путь от изображения предметов к изображению ощущений и затем к изображению идей. Подобный же путь прошла и западная философия.

Очевидно, что дух времени и тем более дух исторической эпохи не совпадает с ее мировоззрением. Мировоззрение как система достаточно отчетливо аргументированных идей не способно пронизать все сферы культуры, придать им глубинное внутреннее единство и быть инструментом их объединения. Дух времени же выражает не только миропонимание эпохи, но и ее мироощущение, оценку ею прошлого и ее представления о будущем. Дух времени, являющийся духовной почвой философии и глубинным условием ее духовного единства, почти незаметен для своих современников. Чем глубже, изначальнее тот или иной компонент наших убеждений, тем меньше мы заняты им, мы попросту не воспринимаем его. Мы им живем, он является обоснованием наших действий и идей. Он словно находится у нас за спиной или под ногами, подобно пяди земли, на которой стоит наша нога.

Тему взаимоотношений культуры и философии рассматривает и современный философ К. Поппер. Он справедливо указывает, что все люди являются философами, хотя некоторые в большей степени, чем другие. Существует также особая, замкнутая группа так называемых *академических философов*. Однако, согласно Попперу, нет особых оснований разделять восхищение их деятельностью и взглядами. Многое говорит в пользу тех людей, которые не доверяют академической философии и не спешат присоединиться к *теории существования философской элиты*.

Можно согласиться с тем, что лишь незначительное число философов были действительно великими и лишь некоторые из них достойны восхищения. И хотя сделанное ими чрезвычайно значимо для академической философии, тем не менее философию нельзя считать в буквальном смысле их творением, подобно тому, как картина есть творение великого художника, а музыка — творение великого композитора.

Философия возникает из глубин культуры (общества, цивилизации) и без непрофессионалов она попросту была

бы невозможна. Главное, чем непрофессионалы воздействуют на философию, — это *здравый смысл*, который они в конечном счете привносят в нее и с помощью которого они исправляют грубые ошибки профессиональных философов. Здравый смысл — это общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом.

На профессиональных философах, считает Поппер, лежит некоторая «вина», и они нуждаются в оправдании своего существования.

В защите нуждаются не только великие философы, но и сама философия, вовсе не являющаяся собранием абсолютных истин. И эта защита во многом обеспечивается той культурой, в рамках которой философия существует.

Контрольные вопросы

1. В чем отличие философии от религии?
2. Как соотносятся между собою философия и искусство?
3. Какие основные разделы включает философия?
4. Правомерен ли «основной вопрос» в философии?
5. Какие функции философия выполняет в обществе?
6. О чем говорит множественность философских направлений?
7. Как проявляется влияние культуры эпохи на философию?
8. Чем обеспечивается внутреннее единство культуры?
9. Как влияет философия на культуру своего времени?

Глава 2
АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

После изучения данной главы студент должен:

знать

• особенности развития античной философии;

• основных представителей античной философии;

• основную проблематику и категории;

уметь

• выделять то общее, что характерно для всех античных философов;

• характеризовать философские идеи Платона и Аристотеля;

• сравнивать разные философские школы античности;

владеть

• навыками сравнительного анализа разных направлений в философии;

• умением вести дискуссию по проблемам античной философии;

• способностью критически оценивать те или иные философские идеи и концепции.

2.1. Милетская школа. Гераклит. Пифагор

Античная философия зародилась в Греции в VI в. до н.э. и завершила свое существование с крушением Римской империи в V в. н.э. Она возникла и развивалась в греческих городах-государствах, главным образом в Афинах, продолжала существовать в период македонского господства и в Римской империи. Античная философия включает в себя ряд очень отличных друг от друга философских течений. Некоторые из них основывались на мистических представлениях и догме, другие отдавали предпочтение строгим доказательствам.

Греки, как и все остальные народы, имели собственные религиозные мифы о создании мира и происхождении цивилизации, но приблизительно за шесть веков до н.э. некоторые

из них начали поиск более рациональных и более эмпирически обоснованных теорий о строении и происхождении мира. Некоторые из этих первых философов (Фалес, Анаксимандр и Анаксимен) жили в городе-государстве Милете, расположенном на побережье нынешней Турции. Они известны как «милетская школа», по имени своего родного города. Главной задачей милетцев был поиск первовещества, или первоначала, из которого образуется все разнообразие мира.

Фалес (ок. 625 – ок. 547 до н.э.) был уроженцем Милета, процветающего торгового города в Малой Азии. Время жизни Фалеса определяется тем фактом, что он предсказал солнечное затмение, случившееся (как утверждают астрономы) в 585 г. до н.э. Известно также, что Фалес предпринял поездку в Египет и привез оттуда сведения по геометрии. Но если геометрические знания египтян служили главным образом для решения эмпирических задач, то греки, опираясь на эти знания, в дальнейшем создали математику как науку. Фалес считал, что *вода* является первичным веществом, которое лежит в основе всей Вселенной, а все остальное образуется из нее. Положение Фалеса, что все возникло из воды, можно рассматривать как вполне научную гипотезу, так как даже в начале XX в. мнение, что все состоит из водорода, который составляет две трети воды, было общепризнанным.

Анаксимандр (ок. 610 – после 547 до н.э.), ученик Фалеса, считал, что все многообразие мира проистекает из единой первичной субстанции, но это не вода и не какое-либо другое известное нам вещество. Анаксимандр считал, что первосубстанция не может быть ни водой, ни каким-либо другим известным элементом, так как воздух – холоден, вода – влажна, огонь – горяч, и если бы один из этих элементов был основным, то он поглотил бы остальные. Следовательно, первичная субстанция должна быть *нейтральной*. Анаксимандр считал, что наш мир сосуществует одновременно с другими постоянно рождающимися и умирающими мирами. Они возникли не в результате творения, а в результате развития. Эволюция существует, утверждал Анаксимандр, и в мире животных. Живые существа возникли из влажной субстанции. Идея возникновения жизни из водной среды и постепенной эволюции видов была исключительно новаторской для того времени.

Анаксимен (ок. 588 – ок. 525 до н.э.), ученик Анаксимандра, продолжает развивать главную идею милетских

натурфилософов. Но он предлагает в качестве первоначала воздушную субстанцию. *Воздух* — самая подвижная среда. Охлаждаясь, он становится водой, затем землей и, наконец, камнем. Эта идея интересна тем, что она все различия между разными субстанциями трактует как количественные различия, зависящие только от степени сгущения. Анаксимен обожествляет воздух. «Подобно тому, — говорит он, — как душа наша, будучи воздухом, сдерживает нас, так дыхание и воздух объемлют весь мир».

Первые досократики из Милета — Фалес, Анаксимандр и Анаксимен — пытались выработать космологические концепции, дать обоснованные представления о мире, в котором мы живем.

Гераклит (ок. 544 — ок. 483 до н.э.). Если милетцы искали первооснову мира, то Гераклит указал на одну из основных черт мира (реальности) — бесконечное становление. Существенная черта всего сущего — *движение*, ибо ничто не остается неизменным, ничего постоянного нет. «Все течет, все изменяется», — так обобщил Гераклит рассуждения милетцев. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Кажется, река остается одной и той же, но на деле ее воды сменяются.

Отвечая на вопрос о первоначале мира, Гераклит предложил рассматривать *огонь* как основную субстанцию. Огонь — совершенный образ движения: пламя непрерывно меняется и в то же время сочетает в себе гармонию контрастов. Все, подобно пламени в костре, рождается благодаря чьей-либо смерти.

С именем Гераклита связана и другая доктрина, которой он придавал даже большее значение, чем идее вечного изменения — *теория о слиянии противоположностей*. В мире существует единство, но это единство образуется сочетанием противоположностей. В борьбе противоположности соединяются, чтобы породить движение, которое и есть гармония. Как следствие, Гераклит превозносил войну. «Война, — говорил он, — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными», «Следует знать, что война всеобща и правда — борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости». Эта теория содержит в себе зачатки гегелевской философии, которая также исходит из «единства и борьбы противоположностей». И так же, как Гераклит, Гегель будет считать, что война имеет величайшее значение.

Можно предположить, что высокая оценка войны как источника развития связана с презрением, которое Гераклит питал к человечеству. Он считал, что только силой можно принудить людей жить добродетельно: «Всякое животное направляется к корму бичом». Если с этим взглядом Гераклита вряд ли можно согласиться, то его высказывание: «Многознание не научает быть мудрым, мудрость — это знание оснований и причин» можно считать вполне приемлемым.

Пифагор (VI в. до н.э.). У Пифагора понятие «первоначало» теряет связь с физическими элементами. Пифагорейское начало всех вещей — *число*. Математика в смысле доказательного дедуктивного обоснования также начинается именно с Пифагора. У Пифагора она оказалась тесно связанной с особой формой мистицизма.

Пифагор основал мистическое учение, главные положения которого состояли в учении о переселении душ и греховности употребления в пищу бобов. Взгляды Пифагора нашли свое воплощение в особом религиозном ордене, предписания которого выглядят достаточно своеобразно, например:

1) воздерживайся от употребления в пищу бобов;
2) не поднимай то, что упало;
3) не прикасайся к белому петуху.

Все эти правила, относятся к примитивным запретам — табу. Через всю историю греческой культуры проходит противоположность между рациональным и мистическим. Таким образом, две противоположные традиции — научная и мистическая — связаны с его именем.

Пифагор верил, что душа бессмертна, она просто переселяется в другие виды животных, поэтому Пифагор, подобно католическому святому Франциску Ассизскому (XII в.), произносил проповеди перед животными. Рассказывают, что, гуляя, Пифагор увидел собаку, которую били. «Прекрати, не бей ее, — вмешался Пифагор, — в ней душа моего друга, я узнал его по голосу». Так несколько иронично описывает взгляды Пифагора на бессмертие души философ Ксенофан.

В пифагорейский союз на равных условиях принимались как мужчины, так и женщины; все члены общества владели собственностью сообща и вели одинаковый образ жизни. Наука (занятия математикой) была для пифагорейцев средством для достижения определенного жизненного идеала: созерцательного образа жизни. «Именно беспристрастная наука является... важнейшим... средством очищения; и чело-

век, посвятивший себя науке, — настоящий философ, он наиболее полно освобождается от “круговорота рождения”»[1].

Как известно, Пифагор говорил, что «все вещи суть числа». Число является причиной любой вещи и выражает суть взаимосвязи всего сущего. Если все есть число, порядок, то и весь космос представляется в виде численно упорядоченной гармонии, познаваемой во всех его частях. Кстати, Пифагор первым, как свидетельствуют античные источники, назвал определенный порядок всего мирского космосом. Открытие математической регулярности всего сущего изменило направление познающего разума и ход развития всей западной культуры. С воцарением числовой гармонии изменился взгляд на мир. Вместо темных непонятных сил пришло число как символ разумного порядка и истины.

2.2. Элейская школа

Элеаты (Ксенофан, Парменид, Зенон, Мелисс Самосский) — представители другой греческой философской школы — завершили формирование античной философии, подняв ее до обсуждения абстрактных проблем бытия и небытия, бытия и мышления, отодвинув на второй план физические и математические картины мира (милетская школа, Гераклит, Пифагор и пифагорейцы).

Парменид (ок. 540 — ок. 470 до н.э.) — основатель элейской школы — известен тем, что описывал разные пути познания, среди которых он выделял «путь истины» и «путь мнения». На первом пути познания мы приходим к убеждению, что *бытие* есть, и оно не может быть небытием. Небытия не существует. Помимо бытия нет ничего. Также и *мышление* есть бытие, так как нельзя мыслить ни о чем. Все мыслимое и проговариваемое есть. Быть и мыслить — одно и то же по сути. Парменид утверждал, что бытие никем и ничем не порождено, иначе пришлось бы признать, что оно произошло из небытия, но небытия нет. Бытие есть вечное настоящее без начала и конца. Отсюда следует его знаменитое кредо: *ничто не изменяется.*

Второй путь познания есть путь заблуждений. Доверяя чувствам, мы допускаем реальность становления, изменения. Парменид считал чувства обманчивыми и рассматри-

---

[1] Цит. по: *Рассел Б.* История западной философии : в 2 т. Т. 1. М. : МИФ, 1993. С. 52.

вал множество чувственных вещей как простую иллюзию. Единственное истинное бытие — бесконечное и неделимое «Единое». Таким образом, наш чувственный опыт существования разнообразного и изменчивого множества объектов абсолютно обманчив.

Рассуждения Парменида о Едином и множестве объектов вызвали оживленную полемику. На защиту позиции элеатов встал **Зенон Элейский** (ок. 490—430 до н.э.). В полемике с оппонентами он стремился привести их тезисы к абсурду, низводя до бессмыслицы наши представления о множественности и изменчивости. Наиболее известными стали его аргументы против мыслимости движения и множественности. Широко известны три его аргумента против движения: «Дихотомия», «Ахиллес» и «Стрела». Аргументы против множественности основаны на том, что для существования множеств необходимы многие единицы. Однако внимательное рассмотрение показывает, что, вопреки чувственным данным, единое и единицы не являются подобиями, так как влекут к непреодолимым противоречиям. Проблема заключается в том, что эти аргументы трудно опровергнуть, но и с выводами нельзя согласиться. Тем не менее аргументы Зенона вряд ли можно назвать софизмами (хитрыми уловками). Аргументы Парменида и Зенона вызвали резкое изменение в философском видении мира, что отразилось на космологиях Анаксагора, Эмпедокла и атомистов Левкиппа и Демокрита.

2.3. Физики-плюралисты

Эмпедокла (ок. 490—430 до н.э.) обычно называют первым физиком-плюралистом. Он был демократическим политическим деятелем Сицилии. Наиболее важным его вкладом в науку было открытие воздуха как особой субстанции. Он обосновывал свое мнение, ссылаясь на то, что, когда ведро или иной подобный сосуд погружается кверху дном в воду, вода в него не проникает. Эмпедокл придерживался теории эволюции, правда, несколько фантастической. Так, он считал, что первоначально существовали разрозненные элементы: головы без ушей, руки без плеч, глаза без лбов, отдельные конечности, стремящиеся соединиться. Соединялось все это как попало: поэтому раньше были странные создания с бесчисленными руками, существа с лицом и грудью, обращен-

ными в разные стороны, туловища быка с лицом человека. В конце концов, выжили только наиболее приспособленные формы.

Космология Эмпедокла отличается от космологии ионийцев. Если последние думали, что в основе лежит одно первоначало, а все остальное получается путем трансформации, то Эмпедокл пришел к выводу о множественности первоначал. Он стал считать землю, огонь, воздух и воду четырьмя основными элементами. Он были вечными, а, смешиваясь, могли порождать сложные субстанции. Соединяла элементы Любовь, а разделяла Вражда (космические силы). Когда верх берет сила Любви, образуется совершенное единство — Сфера. Когда ненависть овладевает миром, возникает Хаос. В одни периоды преобладает Любовь, в другие — Вражда. Изменения в мире определяются не какой-либо целью, но только Случайностью и Необходимостью. Развитие происходит по кругу: когда элементы полностью смешаны Любовью, Вражда постепенно снова разделяет их, когда же Вражда их разделит, Любовь вновь начинает их постепенно соединять. Таким образом, всякая сложная субстанция преходяща, только элементы вместе с Враждой и Любовью вечны.

Оригинальность Эмпедокла состоит в его учении о четырех элементах и в применении принципов Любви и Вражды для объяснения изменения. Он отверг монизм и рассматривал ход вещей как регулируемый скорее *случайностью* и *необходимостью*, чем целью.

Анаксагор (ок. 500—428 до н.э.) был первым, кто познакомил афинян с философией, и во многом благодаря его усилиям Афины стали столицей античной философии. Он первым высказал мысль, что первопричиной физических изменений является Ум (Нус).

Для объяснения многообразия бесчисленных качеств вещей Анаксагор использует понятие «семена» (*spermata*). Это — элементы, которых столько же, сколько и качеств. Есть семена форм, цветов, вкусов любого рода, их разнообразие обеспечивает многоцветие жизни. Семян много с точки зрения не только качества, но и количества. Их можно делить до бесконечности. Именно в силу характеристики «быть-делимой-на-части-всегда-себе-равные» эти семена стали называться «гомеомериями», что означало «похожие части», «части, качественно равные».

Вначале гомеомерии были хаотично смешаны. Затем божественный Нус (Ум) организует хаотическую мешанину, создает упорядоченную смесь, из которой и возникают все вещи. Именно поэтому, говорит Анаксагор: «Все — во всем», или: «В каждой вещи есть часть каждой другой вещи». В зерне пшеницы преобладает данное семя, но во включенном виде — все другие: семена волос, плоти, кости и т.п. Так Анаксагор завершает проблематику элеатов: ничто исходит из ничто и уходит в ничто, но все есть в бытии от века и навсегда.

Нус (Ум) — источник всякого движения. Он является субстанцией, которая входит в состав всех живых существ и отличает их от мертвой материи. Ум в животном так же хорош, как и в человеке. Однако видимое превосходство человека обусловлено наличием у него рук, т.е. интеллектуальные различия, по Анаксагору, связаны с телесными различиями. Везде, где возможно, Анаксагор дает механическое объяснение. Он отвергает необходимость и случайность как причину происхождения вещей. Тем не менее в его космологии нет провидения.

Анаксагор был одним из тех, чье влияние способствовало формированию взглядов Сократа.

2.4. Атомисты

На вопросы, поднятые элеатами, попытались также дать свои ответы сначала Левкипп (V в. до н.э.), а затем его ученик Демокрит (ок. 470 или 460—360-е гг. до н.э.). Левкипп, родом из Милета, был продолжателем научной рационалистической философии, связанной с этим городом. Демокрит был современником Сократа и софистов, о которых речь пойдет дальше.

Философы считали, что все состоит из атомов, неделимых физически, но не геометрически; между атомами имеется пустое пространство; атомы неразрушимы; они всегда находились и будут находиться в движении; существует бесконечное количество как самих атомов, так и их разновидностей, отличающихся друг от друга формой и размером. Атомы всегда находятся в движении, которое первоначально было беспорядочным. Демокрит говорил, что в бесконечной пустоте нет ни верха, ни низа, и сравнивал движение атомов в душе с движением пылинок в солнечном

луче, когда нет ветра. В результате столкновения скопления атомов образуют вихри. Остальное происходит в основном так, как у Анаксагора. Шаг вперед состоял в том, что вихри объяснялись скорее механическими причинами, чем действием ума.

Без сомнения, Демокрит был материалистом: для него душа состоит из атомов, а мышление является физическим процессом. Вселенная не имеет целей, в ней есть только атомы, управляемые механическими законами. Он не был религиозным и выступал против Нуса Анаксагора. В своем этическом учении Демокрит утверждал, что целью жизни является бодрость, а умеренность и образование — наилучшие средства для ее достижения. «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства», — говорил Демокрит.

Можно сказать, что атомисты были строгими детерминистами: они полагали, что все происходит в соответствии с естественными законами. В отличие от Аристотеля атомисты объясняли мир, не используя понятий «цель» или «конечная причина». Атомисты ставили механистический вопрос и давали механистический ответ в отличие от их последователей вплоть до Возрождения, которые больше интересовались богословскими вопросами, а не наукой. Очевидно, что атомисты не исходили в своих теориях исключительно из эмпирических оснований. В те времена не проводилось четкого различия между эмпирическим наблюдением и логическим доказательством. Возможно, только по счастливой случайности атомисты высказали гипотезу, для которой лишь спустя две тысячи лет были найдены некоторые основания.

2.5. Софисты и Протагор

Во второй половине V в. до н.э. досократическим системам была противопоставлена скептическая доктрина — **софистика**. Слово софист не имело первоначально отрицательного смысла и означало «мудрый, искушенный, эксперт знания». Софистами были люди, которые зарабатывали средства на жизнь, давая молодым людям определенные знания, которые могли быть им полезны в практической жизни, например в судебных разбирательствах и поли-

тической деятельности. Будет справедливо заметить, что многие из софистов по-настоящему интересовались философией. У Платона мы встречаемся с карикатурным их изображением, так как он протестовал против практики софистов получать деньги за обучение. Но известно, что Платон обладал вполне достаточными средствами и поэтому был неспособен, по-видимому, понять нужды тех, кто не имел хорошего состояния. Поэтому о софистах не следует судить только по текстам Платона.

Наиболее известным среди софистов был **Протагор** (ок. 490 — ок. 420 до н.э.). Он родился в Абдерах — в городе, родом из которого был Демокрит.

Протагор разрабатывал доктрину, согласно которой «*человек есть мера всех вещей*». То есть, когда мнения разных людей отличаются друг от друга, не существует объективного критерия, благодаря которому можно определить, кто прав. Критерий — только сам человек: «Какими отдельные вещи предстают предо мной — таковы они есть для меня, какими пред тобой — таковы они для тебя». Неверие в объективную истину привело Протагора к защите закона, обычая и традиционной морали. В основе этой позиции лежит убеждение, что одно мнение может быть *лучше другого*, хотя оно *не может быть истинным*. Это, в общем-то, скептическое учение стало со временем основой западного релятивизма.

Итак, по Протагору, все относительно: нет абсолютной истины и нет абсолютных моральных ценностей. Но существует нечто, что более *полезно* и приемлемо. Задача философа (мудреца) — увидеть полезность относительного и убедить других принять эту точку зрения. Поэтому большое внимание Протагор уделял искусству спора, умению обсуждать разные аргументы, «организовать турнир доводов против доводов».

О Протагоре известен следующий рассказ. Протагор учил молодого человека на условиях, при которых тот должен был заплатить ему за учебу в том случае, если выиграет свой первый процесс. Но оказалось, что первый судебный процесс этого молодого человека был возбужден самим Протагором для получения платы за учебу. И Протагор оказался в безвыходном положении: если молодой человек выигрывает процесс, то он ничего не платит по решению суда, а если проигрывает — то опять-таки не платит, но уже на основании их договоренности. Вот так ученик Протагора, хорошо усвоив его уроки аргументации, наказал своего учителя.

Что касается взглядов на религию, то долгое время считалось, что Протагор — атеист. Однако это не так, скорее он — агностик, так как занимал нейтральную позицию по отношению к богам: «О богах я не имею возможности утверждать ни того, что они есть, ни того, что их нет».

Итак, софисты учили по преимуществу искусству спора. Можно предположить, что отчасти критика софистов не только широкой публикой, но и Платоном и последующими философами была вызвана их специфической интеллектуальной честностью. Преследование истины, когда оно ведется искренне, не должно считаться с моральными соображениями. Софисты были готовы следовать за доказательством, куда бы оно их ни вело. Часто это приводило их к скептицизму. Естественно, что Платону, который оценивал философские учения по их социальному значению, не могли понравиться такие утверждения.

2.6. Сократ: ориентация на человека

Сократ (469—399 до н.э.) был афинским гражданином, обладавшим небольшим состоянием, что давало ему возможность проводить свое время в беседах и спорах. Он учил молодежь философии, но, в отличие от софистов, не брал за это деньги. Очевидно, Сократ был широко известен в Афинах, поскольку знаменитый комедиограф Аристофан изобразил его в карикатурном виде в своей комедии «Облака». Кроме этих достоверных фактов остальные сведения о Сократе имеют спорный характер. Тем более что Сократ ничего не писал, полагая, что лишь живое слово может донести его мысль посредством устного диалога. Двое из учеников Сократа — Ксенофонт и Платон — написали о нем много, но достаточно разноречиво.

В 399 г. до н.э., когда Сократу было около 70 лет, против него были выдвинуты обвинения. Судебное преследование философа было основано на том, что «Сократ преступает закон и попусту усердствует, доискиваясь то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же». Скорее всего, основанием враждебного отношения к Сократу было подозрение, что он связан с аристократической партией, так как многие из слушателей Сократа были выходцами из аристократических семей. Большинством голосов Сократ был признан виновным, и суд приговорил его к смерти. Сократ предвидел этот исход. Но у него не было

желания избежать наказания путем уступок, которые могли быть восприняты как признание им своей вины, и, как полагалось свободному гражданину, сам принял яд.

Ученик Сократа Платон описал это событие в диалоге «Апология Сократа». Здесь мы видим человека спокойного, уверенного в себе, великодушно относящегося к другим людям, равнодушного к земному успеху, убежденного в том, что для добродетельной жизни самым важным условием является ясное мышление.

Вот как оценивает Сократа и диалог Платона о нем современный философ К. Поппер: «...мне вспоминается «Апология Сократа» Платона, поскольку из всех философских трудов больше всего меня восхищает эта работа. Я полагаю, что с исторической точки зрения «Апология...» подлинна: в общем и целом она есть подлинный рассказ о том, что говорил Сократ перед афинским судом. Я восхищаюсь ею: здесь говорит человек скромный, ироничный и бесстрашный. Защита его очень проста: он осознает свою интеллектуальную ограниченность, понимает, что он не мудр, за исключением, может быть, уверенности: он знает, что ничего не знает; он самокритичен и является критиком всякого надменного жаргона; но прежде всего он остается другом своих ближних и лояльным гражданином афинского государства. Это есть не только защита Сократа, но, как мне представляется, впечатляющая защита самой философии»[1].

Сократ, в отличие от философов-натуралистов, сосредоточился на проблематике человека, его интересовали этические вопросы, а не научные, человек, а не космос. Сущность человека по Сократу — *душа*. Под душой Сократ понимает разум и нравственное поведение. Поэтому именно душа, а не тело, нуждается в особой заботе. Тело лишь инструмент, оно служит душе. Но Сократа интересует не просто человек, а человек познающий. Сократ известен своим знаменитым утверждением, что *«он знает лишь то, что ничего не знает»*. Однако Сократ не считает знание недостижимым, наоборот, он уверен, что приобретение знания имеет самое важное значение. Ведь ни один человек не грешит сознательно, убежден Сократ, и поэтому необходимо лишь знание, чтобы сделать всех людей нравственными.

---

[1] *Поппер К.* Все люди — философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант — философ Просвещения : пер. с нем. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 38.

Для Сократа характерно утверждение тесной связи между моральным поведением и знанием. Знание, познание является абсолютной нравственной ценностью, в то время как отсутствие знаний, невежество — порок, нравственная ущербность. Такая позиция называется *этическим рационализмом*. До некоторой степени это характерно для всей греческой философии в противоположность философии христианства. Грех — не только для Сократа, но и для всей античной философии, — есть ошибка разума, непонимание истинного блага.

Важными понятиями в философии Сократа являются *свобода* и *счастье*. Свобода, по Сократу, это — самообладание, то есть умение человека силой своего разума (рациональностью) обуздывать животные страсти (витальность). Сократ устанавливает также тесную связь между понятиями свободы и самообладания, с одной стороны, и понятием *автаркии* (автономии), с другой. Абсолютной свободой обладает только Бог, который ни в ком и ни в чем не нуждается. Поэтому человек, стремящийся к мудрости, должен довольствоваться минимальным, и тогда он будет счастлив. Таким образом, счастье проистекает не из чего-то внешнего, а из души. Человек счастлив, когда его душа упорядочена, добродетельна, наполнена внутренней гармонией.

Диалектику, т.е. метод приобретения знания путем вопросов и ответов, которой пользовался Сократ в беседах со своими оппонентами, часто считают его изобретением. Но все-таки впервые ее стал применять Зенон. Диалектический метод Сократа совпадает с диалогом, который состоит из двух моментов — *опровержения* и *майевтики*. Результатом опровержения является очищение разума от заблуждений и ошибок. Второй момент означает помощь учителя ученику в отыскании истинного знания, как помощь повивальной бабки (акушерки) роженице. Сократ всегда претендует на то, что он лишь выявляет знание, которым уже обладает человек, которого он подвергает испытанию.

Важной характеристикой сократовского метода является *ирония*. Это своего рода хитрость, с помощью которой Сократ пытался уличить своего собеседника в невежестве. Она состояла в том, что Сократ притворялся несведущим в каком-либо вопросе и провоцировал оппонента поучать его. В результате собеседник Сократа сам разоблачал свое собственное невежество. Иногда недовольный собеседник награждал Сократа за свой позор тумаками.

Диалектический метод подходит не для всех ситуаций, прежде всего он не приемлем для эмпирической науки. Проблемы, которые могут быть рассмотрены посредством метода Сократа, — это те проблемы, о которых мы уже имеем достаточные познания, чтобы прийти к правильному выводу, но из-за путаницы или неточного анализа не сумели логически использовать то, что мы знаем. Диалектический метод, или, в более общем смысле, привычка к свободному обсуждению, ведет к логической последовательности и является в этом отношении полезным. Но он совершенно непригоден, когда целью его является обнаружение новых фактов.

2.7. Мир идей Платона

Платон (427—347 до н.э.) и Аристотель являются, пожалуй, самыми влиятельными из всех древних, средневековых и современных философов.

Платон родился в богатой аристократической семье. В 20 лет он познакомился с Сократом и начал регулярно посещать его беседы. Во многом вследствие этого Платон отказался от политической карьеры (хотя как философ всю жизнь занимался проблемами государства и законодательства).

Наиболее значительными темами в философии Платона являются *теория идей*, *концепция идеального государства*, которая была самой ранней из длинного ряда утопий, и *концепция познания как воспоминания* (*припоминания*).

То новое, что привнес в философию Платон, связано прежде всего с *идеей сверхчувственного мира*, некоего надфизического пространства, неведомого натурфилософам. Последние пытались все объяснить причинами физического характера: вода, воздух, земля и т.п. Но им это не удалось. Философия вынуждена была отстраниться от чувственно-материального и перейти к рациональным и интеллектуальным объяснениям.

Сверхчувственный план бытия, по Платону, образован из мира идей (эйдосов) или форм. Эти идеи не ментальные понятия, формирующиеся в уме человека, а некие самостоятельные сущности, которые существуют в себе и для себя в иерархической системе. Они и составляют подлинное бытие — *мир идей*. Он состоит из множества идей для всех феноменов: моральных и эстетических ценностей, тел, мате-

матических и геометрических формул и фигур. Умопостигаемый мир (мир идей) вечен. Чувственный же мир существует в пространственно-временном измерении, его характеризует постоянное движение и порождение.

В последней книге «Государства» Платон дает достаточно ясное изложение теории идей, или форм. Он объясняет, что когда ряд феноменов имеет общее название, они имеют также общую «идею», или «форму». Например, хотя может быть много кроватей, существует лишь одна «идея», или «форма», кровати. Точно также как отражение кровати в зеркале является лишь кажущимся, но не «реальным», так и разные отдельные кровати нереальны, являясь лишь копиями «идеи», которая представляет собой одну реальную кровать и создана богом. Об этой одной кровати, созданной богом, возможно *знание*, но в отношении многих кроватей, сделанных плотниками, может быть лишь *мнение*. Таким образом, Платон приходит к заключению, что формирование мнения о мире — прерогатива чувств, тогда как знание относится к сверхчувственному вечному миру. Например, мнение относится к отдельным прекрасным предметам, знание же относится к *прекрасному* самому по себе. Философа интересует лишь идея прекрасного, а не многочисленные прекрасные предметы, обнаруживаемые в чувственном мире. Платон считает, что то, что может быть предметом *мнения*, никогда не может быть предметом *знания*. Знание достоверно, мнение не только подвержено ошибкам, но непременно является ошибочным, поскольку оно допускает *реальность* того, что представляет собой лишь *видимость*.

Проблема существования идей вызывает некоторые трудности. И это было очевидно уже во времена Платона. Прежде всего, неясно, у каких здешних вещей-подобий есть идеи-образцы, у каких нет. Например, слишком странно было бы предположить, что для сора или грязи существуют какие-то идеи (об этом пишет сам Платон в диалоге «Парменид»). С появлением в платоновской академии Аристотеля критика теории идей принимает сокрушительный характер.

Философия для Платона — это некоторого рода созерцание, «созерцание истины». Оно не является чисто интеллектуальным; это не просто мудрость, но любовь к мудрости. Мир интеллекта отличается от мира чувств. Платон объясняет различие между интеллектуальным созерцанием и чувственным восприятием, проводя аналогию со зрительным ощущением. Зрение отличается от других чувств, так

как требует наличия не только глаза и объекта, но и света. Мы видим ясно те предметы, которые освещаются солнцем. В сумерки же мы видим неясно, а в полной темноте не видим вообще. Таким образом, мир идей — это то, что мы видим, когда предмет освещен солнцем, а мир преходящих вещей — неясный, сумеречный мир. Платон уподобляет глаз душе, а солнце, свет — истине или благу.

Для пояснения своих взглядов Платон прибегает к мифу о пещере, который представляет собой аллегорическое изложение его философии. Людей, лишенных философии, можно сравнить с узниками пещеры, которые способны видеть только в одном направлении, потому что они связаны, позади них горит огонь, а перед ними стена. Они принимают тени на стене за реальные предметы и не имеют представления о самих предметах, которые порождают эти тени.

Теория идей Платона представляет собой весьма важный шаг вперед в развитии философии, поскольку является первой теорией, которая подчеркивает проблему универсалий (общих понятий), сохранившуюся в разных формах вплоть до настоящего времени. Но всякая попытка разделить мир на части, из которых одна более реальна, чем другая, пишет Б. Рассел, обречена на неудачу.

Платон связал *проблему познания* с открытым им миром идеальных сущностей (идей). Познание, по Платону, — это *воспоминание* (*анамнез*) той истины, которая всегда жила в душе и которая оживает в нас, когда мы осуществляем какой-либо конкретный опыт. Вступая в контакт с миром, душа извлекает из себя истину, это извлечение и называется воспоминанием. Познающий проходит несколько стадий: 1) *мнения*, 2) *научные понятия* и 3) *чистое знание*. В быту простым людям хватает верований, мнений и образов. Математики поднимаются выше: они оперируют научными понятиями. Но истинное знание открывается лишь настоящим философам, которые, отрешившись от всего чувственного, посвящают себя незаинтересованному созерцанию, восходя от идеи к идее к самой вершине.

После всего сказанного становятся понятными причины негативного отношения Платона к *искусству*. Сущность, роль и ценность искусства Платон ставит в зависимость от истины. Искусство скрывает истину, считает Платон, оно является формой неистинного, фантастического знания. Раз искусство лжет, оно не улучшает человеческую душу, а развращает ее. Поэтому деятели искусства должны быть

изгнаны из идеального государства. Платон отрицает самоценность искусства и пытается поставить его на службу благу и истине. Для этого искусство должно быть направляемо философией.

Сущность человека, по Платону, определяется разнопорядковой природой тела и души. Тело — темница души, поэтому тема бегства от всего телесного и мирского — один из основных мотивов философии Платона. Смерть тела открывает новую жизнь для души, так как душа, хотя и имеет начало во времени, является бессмертной и стремится уподобиться богу. Но это доступно только для душ тех, кто очистил свое тело и возлюбил мудрость. Человеческая душа сравнивается Платоном с крылатой колесницей, в которую запряжены белый и черный кони (благородное и низменное начала в человеке), управляемые возничим (разумом).

В самом известном диалоге Платона «Государство» речь идет о построении *идеального государства*, и один из выводов состоит в том, что правители должны быть философами (мудрецами). Платон также ставит перед собой задачу определить справедливость и предлагает сделать это на примере анализа справедливого государства, а не справедливого индивида.

Итак, каким должно быть идеальное государство, через призму которого мы должны понять, что такое справедливость?

В идеальном государстве Платона все граждане делятся на три класса: простых людей, воинов и стражей (правителей-мудрецов). Только последние должны обладать политической властью. Первый класс — крестьяне, ремесленники и торговцы. Души их примитивны, поэтому от них требуется только умение подчиняться вышестоящим. У них не должно быть чрезмерного количества материальных благ. Представителей второго класса Платон сравнивает с породистыми собаками, послушными и готовыми к бою. Они следят за тем, чтобы все граждане имели занятия, соответствующие их природным наклонностям, а в государстве не было потрясений. Они лишены всякой собственности. Правителями (стражами), по Платону, могут стать лишь те, кто больше других любит свою страну, усерден в работе ради процветания своего отечества и способен созерцать Благо. Итак, первый класс отличается воздержанностью желаний, второй — смелостью и мужеством, третий — мудростью.

Примечательно, что Платон предлагает ввести для стражей радикальный коммунизм. Они должны иметь неболь-

шие дома, жить, как в лагере, обедать в общих столовых, употребляя простую пищу. Правители не должны иметь частной собственности, кроме совершенно необходимого. Они не богаты, но это не препятствует им быть счастливыми. Целью же государства является счастье всего государства, а не счастье одного класса. И богатство, и бедность вредны, и в идеальном государстве Платона не будет ни того, ни другого. В применении к семье платоновский коммунизм состоит в том, что друзья должны иметь все общее, включая женщин и детей. Он понимает, что это трудно осуществить, но уверен, что в результате правильного воспитания своих граждан государство сможет это установить. Основной смысл всех этих предложений состоит в том, чтобы свести к минимуму собственнические чувства людей и тем самым открыть путь к господству духа *коллективизма*.

После описания идеального государства Платон отвечает на вопрос о *справедливости*. Справедливость, по Платону, состоит в том, чтобы каждый наилучшим образом выполнял свою собственную работу, не вмешивался в чужие дела и не претендовал на чужое место. Государство устроено справедливо, если каждый — торговец, воин и правитель — выполняет свою собственную работу, не вмешиваясь в работу других классов. Конечно, такое понимание справедливости не соответствует тому, что современный мир называет «справедливостью». Сейчас мы под влиянием демократии стали ассоциировать справедливость с равенством. У Платона же понятие справедливости скорее ближе к тому понятию, которое до сих пор используется в праве.

В философии Платона рационализм сочетается с верой в потусторонний мир, поэтому такая теория может привлечь как рационально настроенного интеллектуала, так и религиозного мистика. В результате этот синтез оказал влияние на большинство великих философов.

2.8. Аристотель: классификация наук

Аристотель (384—322 до н.э.) родился в Стагире. Его отец был домашним врачом у царя Македонии. В возрасте 18 лет Аристотель поехал в Афины, чтобы учиться в Академии Платона. В возрасте сорока лет Аристотель стал воспитателем тринадцатилетнего Александра Македонского. Последние 13 лет своей жизни Аристотель жил в Афинах. В течение

этих лет он основал свою школу — Ликей и написал большинство своих книг. После смерти Александра Македонского афиняне восстали и стали преследовать его друзей, в том числе и Аристотеля, который был осужден за неверие. Он бежал, чтобы избежать наказания, и через несколько месяцев умер в своем имении.

Аристотель отличался от многих предшествующих философов. Он первый стал писать как профессиональный ученый: его философские рассуждения систематичны, изложение идей разделено на рубрики.

Наиболее важными моментами философии Аристотеля являются критика платоновской теории идей и его собственная *доктрина универсалий*. Последующие эпохи во многом сделали этих мыслителей символами противоположных культур. Так, если для учения Платона характерна мистико-религиозная тональность, то у Аристотеля господствуют здравый смысл и систематизация. Если Платона характеризует преклонение перед математикой и равнодушие к эмпирическим явлениям, то у Аристотеля мы видим страсть к эмпирическим наукам и классифицированию различных феноменов. К математике же Аристотель относился без особого пиетета.

Против концепции идей Платона Аристотель выдвигает ряд интересных аргументов. Упомянем здесь самый значительный — аргумент «третьего человека»: если человек является человеком, потому что он похож на идеального человека, то должен быть еще более идеальный человек, на которого похожи и обыкновенный человек, и идеальный человек. Очевидно, что в основе критики Платона Аристотелем лежит здравый смысл, и эта критика кажется убедительной. Но собственная теория Аристотеля далеко не так ясна.

На первый взгляд аристотелевская *теория универсалий* (общих понятий) достаточно проста. В языке имеются имена собственные и прилагательные. Именами собственными обозначаются вещи или лица, каждая (каждое) из которых является единственной вещью или лицом, к которому применяется данное имя. Так, например, Солнце, Луна, Россия, Пушкин — единственны в своем роде. Мы не сможем найти других вещей, которые обозначаются этими именами. С другой стороны, такие слова, как «птица», «лошадь», «человек», применяются ко многим различным вещам. Проблема универсалий связана со значениями таких слов, а также прилагательных, как «красный», «жидкий», «круглый» и т.д. То, что

обозначается именем собственным, есть *субстанция* (*сущность*). То, что обозначается прилагательным, таким, например, как «смертный», или общим словом, таким как «человек», называется *универсалией*. Субстанция есть *это*, т.е. она указывает на конкретную отдельную вещь. Но универсалия есть *такое*, она указывает не на вещь, а на род, к которому относится данная вещь. Универсалия не является субстанцией, потому что она не есть «это». По Аристотелю, универсалия не существует сама по себе, а присутствует в отдельных вещах.

Еще одной темой в метафизике Аристотеля является различение *формы* и *материи*. Аристотель приводит такие примеры: если человек делает бронзовый шар, то бронза — это материя, а шаровидность — форма; описывая спокойное море, мы скажем, что вода — это материя, а гладкость — форма. Далее Аристотель говорит, что благодаря форме материя становится определенной вещью, и это есть *субстанция* вещи. Видимо, по мысли Аристотеля, вещь должна быть ограничена, и ее граница как раз и составляет ее форму.

Более трудным для понимания является утверждение Аристотеля, что *душа есть форма тела*. Очевидно, что форма здесь не означает очертание. В системе Аристотеля душа есть то, что делает тело единым организмом, обладающим единством цели и характерными чертами. Да, цель глаза состоит в том, чтобы видеть, но он не может видеть, если он отделен от тела. Таким образом, на самом деле видит не глаз, а душа посредством глаза. Аристотель рассматривает душу как связанную с телом и высмеивает теорию пифагорейцев о переселении душ. Тело и душа связаны как материя и форма, поэтому душа, по-видимому, погибает вместе с телом.

Разум, говорит Аристотель, — это та часть души, которая менее всего связана с телом. Разум понимает математику и философию. Объекты его познания абстрактны и вневременны, и поэтому он сам рассматривается как вневременной. Душа же движет тело и способна ощущать чувственные предметы. Ей присущи такие силы, как питательная, ощущающая, разумная и движущая. Вследствие того, что разум обладает более высокой функцией мышления, он может быть бессмертным, хотя остальная часть души не может.

Теология Аристотеля тесно связана с его философией. Основной его аргумент в пользу Бога — «аргумент первой причины»: должно быть нечто, что порождает движение, и это нечто должно быть вневременным. Бог есть целевая

причина всякой деятельности. Мир постоянно развивается в направлении большей степени формы и, таким образом, становится постепенно более подобен Богу. Но этот процесс не может быть завершен из-за того, что невозможно полностью исключить материю.

Этика Аристотеля в целом выражает взгляды образованных людей его времени, стремящихся сдерживать с помощью моральных норм безрассудство молодежи. Аристотель считает, что Платон прав, разделяя душу на две части: *разумную* и *иррациональную*. Соответственно двум частям души имеется два рода добродетелей: *интеллектуальные* и *моральные*. Интеллектуальные добродетели — результат обучения, моральные слагаются из привычек. Задачей законодателя является делать граждан добродетельными путем выработки хороших привычек. Если мы вынуждены приобретать хорошие привычки, то привыкнем со временем, думал Аристотель, находить удовольствие в добрых делах. *Доктрина золотой середины* Аристотеля гласит, что любая добродетель есть среднее между двумя крайностями, каждая из которых — порок. Так, смелость — среднее между трусостью и безоглядной храбростью, щедрость — между расточительством и жадностью и т.д.

Значительная часть «Этики» посвящена обсуждению вопросов *дружбы*. Совершенная дружба, считает Аристотель, возможна только между достойными, и нельзя дружить со многими. Рассуждения Аристотеля о дружбе опираются на обычный здравый смысл и могут быть в какой-то степени полезны и современным молодым людям. *Счастье* Аристотель видит в доброжелательной деятельности, а *совершенное блаженство* — в наилучшей деятельности, которая является созерцательной. Созерцание предпочтительнее, чем война или политика, или любая другая практическая карьера, потому что оно дает досуг, а досуг существенно необходим для счастья. Практическая добродетель приносит лишь второстепенный род счастья; высшее счастье заключается в применении разума, так как разум более чем что-либо другое *есть* человек. Таким образом, Аристотель приходит к выводу, что добродетели являются средствами к достижению определенной цели, а именно — счастья.

В книге «*Политика*» Аристотель указывает на важное значение государства. Государство — это сообщество высшего рода, направленное к величайшему благу. Хотя государство и появилось позднее, чем семья, по своей природе

оно стоит выше семьи и даже выше индивида, так как целое выше части. Аристотелевская концепция государства — это концепция *организма*: рука, когда тело уничтожено, не является более рукою, говорит философ. Подобным же образом индивид не может выполнить своей функции, не являясь частью государства. Тот, кто основал государство, говорит Аристотель, был величайшим из благодетелей, ибо без закона человек — худшее из животных, а закон своим существованием обязан государству. Государство существует не только для обмена и для предотвращения преступлений: «Государство создается... для того, чтобы жить счастливо».

Аристотель не верит в равенство: от рождения одни предназначены подчиняться, другие — управлять, человек, который по рождению принадлежит не самому себе, а другому человеку, является по природе рабом. В современном цивилизованном мире считается, что все люди должны иметь одинаковые права, и что *справедливость* требует равенства. Аристотель же думал, что справедливость включает не равенство, а правильную пропорцию, которая лишь иногда является равенством.

Аристотель критикует утопию Платона. Так, Аристотель считает, что Платон приписывает слишком много целостности государству и тем самым превращает его в индивида. Аристотель выступает против платоновского коммунизма: собственность должна быть частной, но у людей следует воспитывать чувство благотворительности, чтобы использование этой собственности шло на общее благо.

Правительство только тогда можно назвать хорошим, считает Аристотель, когда его целью является благо всего общества. Философ выделяет три вида хороших правительств: монархия, аристократия и полития (конституционное правление); к плохим относятся тирания, олигархия и демократия. Существует также много смешанных промежуточных форм.

Интересно, что различие между олигархией и демократией Аристотель видит лишь в экономическом статусе правящей партии: олигархия — правление богатых, которые не принимают в расчет интересов бедных; при демократии власть находится в руках нуждающихся, которые игнорируют интересы богатых.

Сравнивая «плохие» формы правления, Аристотель приходит к ограниченной защите демократии: поскольку тирания и олигархия являются самыми нежелательными

формами правления, то среди этих правлений демократию можно считать лучшей.

В «Политике» Аристотель достаточно много места уделяет анализу причин революций. Так, основной причиной революций в Греции, считает философ, были конфликты между олигархами и демократами. Чтобы избежать революций, считает Аристотель, необходимо активно заниматься воспитанием граждан, утверждать уважение к закону, в законодательстве и управлении утвердить принцип справедливости.

Книга завершается рассуждением о воспитании. Воспитание, утверждает Аристотель, необходимо давать только детям граждан; рабов можно учить полезным ремеслам. Целью воспитания будущих граждан является добродетель, а не польза. Соответственно, цель государства — воспитание культурных людей, у которых ум аристократа сочетается с любовью к наукам и искусству. С эпохи Возрождения греческая концепция правительства, состоящего из культурных людей, начинает постепенно все больше утверждаться и достигает расцвета в XVIII в.

Физика, по Аристотелю, — это наука о природе (*phusis* или *physis*). Но для греков это слово имело несколько иной смысл, чем для нас сейчас: *phusis* имело отношение к росту. Считалось, что природа (*phusis*) семени, например, заключается в том, чтобы вырасти в подсолнух. Природа вещи — это ее цель, то, ради чего она существует. Очевидно, что такое понимание природы является телеологическим. Природа является той причиной, которая действуют ради достижения определенной цели. Данная концепция природы, хотя она, на первый взгляд, и дает объяснение роста животных и растений, стала со временем огромным препятствием для прогресса науки.

В отличие от атомистов Аристотель отрицает существование пустоты. Зато довольно своеобразно обосновывает существование *времени*. Несмотря на то что прошлого и будущего уже или еще не существует, о времени в целом нельзя сказать, что его нет, пишет он. Существование времени Аристотель обосновывает тем, что человек его считает (количество часов, дней, или лет), значит оно существует. *Движение* было всегда и всегда будет, так как не может быть времени без движения. Но источник движения является неподвижным. Это один неподвижный двигатель, который вызывает круговое движение. Круговое движение является первичным, и только оно может быть непрерывным и бесконечным.

Физика Аристотеля была явлением своего времени. Очевидно, что она несовместима с первым законом движения Ньютона. Со временем ученые отказались от мнения, высказанного Аристотелем, что небесные тела вечны и не уничтожимы. Солнце и звезды существуют долго, но не вечно. В современной физике, в отличие от аристотелевской, не используется понятие цели, целесообразности.

Влияние Аристотеля, очень существенное во многих областях философии, сильнее всего было в *логике*. Самое важное место в работах Аристотеля в области логики занимает учение о силлогизме. *Силлогизм* есть доказательство, состоящее из трех частей: *большая посылка*, *меньшая посылка* и *заключение*. Имеется несколько модусов (видов) силлогизма, каждому из которых присвоено определенное название. Самым известным является модус «Barbara»:

Все люди смертны (большая посылка).
Сократ — человек (меньшая посылка).
Следовательно, Сократ смертен (заключение).

Во времена Аристотеля эта форма рассуждений доказала свою продуктивность, так как помогала правильно мыслить и приводить к новым знаниям. Эта система стала началом формальной логики и началом двухтысячелетнего царствования логики Аристотеля.

Авторитет Аристотеля на протяжении нескольких столетий был настолько бесспорным, что стал серьезным препятствием для прогресса как в области науки, так и в области философии. С начала XVII в. почти каждый серьезный шаг в интеллектуальной сфере должен был начинаться с критики какой-либо аристотелевской доктрины.

2.9. Философия эллинистического периода

Историю Древнего мира, в котором господствовал греческий язык, принято делить на три периода: период *свободных городов-государств*, период *македонского господства* и период *Римской империи*.

Время македонского господства обычно называют *эллинистический век*. Именно тогда начинают постепенно формироваться психологические установки к восприятию учения христианства о потустороннем мире. Правление македонцев привело к упадку греческих городов-государств и, соответ-

ственно, отходу греческих философов от политики. Большинство из них ушли в этическую проблематику, пытаясь ответить на вопросы: можно ли оставаться нравственным в порочном мире и возможно ли достичь счастья в мире, наполненном страданиями. Примерно во времена Александра были основаны четыре философские школы: школы *киников* и *скептиков* и более знаменитые школы *стоиков* и *эпикурейцев*.

Первую из этих школ основал **Антисфен** (ок. 450—360 до н.э.), которого иногда сравнивают с русским писателем Львом Толстым. В зрелом возрасте Антисфен стал презирать роскошь и все, что высоко оценивалось в обществе. Антисфен начал проповедовать на улицах и площадях простым языком, понятным для обычных людей. Утонченную философию интеллектуалов он считал бессмысленной (в частности, идеи Платона). Все, что можно познать, утверждал он, может быть познано простым человеком при непосредственном отношении к предметам. Он верил в «возврат к природе»: лучше быть варваром, чем эллином, лучше быть животным, чем человеком. Не должно быть ни правительства, ни частной собственности, ни брака, ни установленной религии.

Славу Антисфена затмил его ученик **Диоген Синопский** (412—323 до н.э.), который стал символом движения киников. Этот молодой человек из Синопа решил жить, как собака, и поэтому его назвали «киником», что означает «собачий». Он отверг все общественные условности и приличия, жил в бочке, просил подаяние и объявлял своими братьями не только всех людей, но и животных. Широко известен факт, что Александр Македонский посетил его и предложил исполнить любую его просьбу. На это Диоген ответил: «Не заслоняй мне свет».

Хотя современное слово «цинизм» произошло от слова «кинизм», учение киников нельзя назвать «циничным». Представители **школы киников** отвергали не нравственность, а культ материальных благ и ложно понятую мораль: будьте безразличными к благам, которые подарила вам судьба, и вы перестанете испытывать страх. Мир несовершенен, утверждают киники, поэтому нужно научиться быть независимым от него. Материальные блага, к которым так стремятся люди, непрочны, они — случайный дар судьбы. Только наши внутренние человеческие качества — добродетель, смирение, спокойствие — прочны, и поэтому должны

прежде всего цениться разумным человеком. Можно отметить, что учение киников приемлемо скорее всего для людей усталых, у которых разочарование в жизни убило естественную активность. Кинизм как социальное учение не ориентирован на то, чтобы приветствовать развитие искусства, науки, управления государством или любую другую полезную деятельность. Кинизм — это индивидуальный протест против социальной несправедливости.

Скептицизм как доктрина был присущ всем эллинистическим школам. Впервые он был обоснован **Пирроном** (ок. 360—270 до н.э.), который состоял в армии Александра Македонского и участвовал в его военном походе. Скептические настроения по отношению к чувствам давно высказывались греческими философами. Но Пиррон добавил этический и логический скептицизм к скептицизму в отношении чувств. Так, он утверждал, что не может быть рационального основания для того, чтобы предпочесть один образ поведения другому. Отсюда вывод: надо подчиняться обычаям той страны, в которой живешь. Стремление к счастью, по Пиррону, состоит в выработке невозмутимости. В познании нужно следовать принципу воздержания от каких-либо суждений о чем-либо. Философ-скептик говорит: «Никто не знает и никто никогда не сможет знать». Воздержание от категоричных суждений приводит к чувству невозмутимости, которое является высшей ступенью счастья.

Скептицизм был проявлением неудовлетворенности существующими порядками и религиями в среде образованных людей. Но он не был созидательным мировоззрением, которое могло бы привести к формированию новых позитивных явлений в обществе.

Еще две школы эллинистического периода — стоиков и эпикурейцев — были основаны одновременно. Создатель одной из них — **эпикуреизма** — **Эпикур** жил в IV веке до н.э. Он владел домом и садом, в котором и существовала его школа. Жизнь Эпикура и его учеников была очень скромной: пища и питье у них состояли преимущественно из хлеба и воды. Философское учение Эпикура, как и многие другие учения его времени, было ориентировано на поддержание идеала спокойной созерцательной жизни. Основным принципом этики Эпикура является принцип удовольствия, наслаждения. «Наслаждение, — говорит он, — есть начало и конец счастливой жизни». Но наслаждение по Эпикуру это, скорее, лишь отсутствие боли, чем собственно наслаж-

дение. Если человек испытывает боль в желудке от голода, ее можно заглушить хлебом и водой, а не роскошными деликатесами, и достичь удовольствия от чувства сытости. Стремление же к богатству, славе вряд ли доставят наслаждение человеку, так как заставляют его суетиться и бороться с другими. Естественно, что Эпикур советовал уклоняться от общественной жизни, так как чем успешнее человек, тем больше число завистников, жаждущих причинить ему зло. И если даже он избежит внешних неудач, его ум будет постоянно находиться в беспокойном состоянии. Мудрый постарается прожить незаметно, чтобы не иметь врагов, утверждал Эпикур.

«Высшее благо из всех — благоразумие; это более драгоценная вещь, чем даже философия». Философия, по Эпикуру, предназначена для того, чтобы обеспечить счастливую жизнь; она требует только здравого смысла, а не подготовки в области логики или математики, или другой какой-либо сложной науки. Самое благоразумное из общественных наслаждений, по мнению Эпикура, — это дружба.

Предел наслаждения и удовольствия — избавиться от страданий. Но если это оказывается невозможным, то нужно просто понять, что, если физическое страдание острое, то оно коротко, а если длительное, то его можно переносить с помощью умственной дисциплины и привычки думать о приятных вещах, невзирая на эту боль. Отсюда знаменитое высказывание Эпикура: «человек может быть счастлив и на дыбе».

Но самое главное, по Эпикуру, — освободиться от страха. Существуют два источника страха, считает Эпикур, — это религия и боязнь смерти. Причем религия поддерживает страх людей перед смертью, утверждая, что мертвые несчастны. Эпикур же, веря, что душа погибает вместе с телом, утверждал следующее: «Пока мы существуем, нет смерти; когда смерть есть, нас более нет». Многие люди в наше время рассматривают религию как утешение, но для Эпикура она была чем-то противоположным, так как личное бессмертие препятствует человеку избавиться от боли.

Можно сказать, что Эпикур был материалистом. Он считал, так же как и Демокрит, что мир состоит из атомов и пустоты. Душа материальна и состоит из частиц, подобно дыханию и теплу. С приходом смерти душа растворяется, атомы, из которых она состоит, переживают ее, но утрачи-

вают способность к ощущениям. Из этого следует, по Эпикуру, что смерть не имеет никакого отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам.

Несмотря на то, что Эпикура принято называть материалистом, он верил в существование богов, поскольку не мог объяснить широкое распространение идеи бога. Но боги, по Эпикуру, — рациональные гедонисты, которые не утруждают себя делами человеческого мира. Поэтому людям не нужно бояться навлечь на себя гнев богов. Люди живут по законам природы, которые могут быть научно познаны, в то же время люди имеют свободную волю и в определенных границах могут определять свою судьбу сами. Мы не можем избежать смерти, говорит Эпикур, но смерть, правильно понятая, не является злом. Естественно, что призыв Эпикура никогда не мог стать популярным, так как страх смерти является глубоким человеческим инстинктом. В лучшем случае такое отношение к смерти могло исповедовать лишь интеллектуальное меньшинство.

Лучшее из учения киников перешло к **стоицизму** — более полному, совершенному и законченному философскому учению. Стоицизм, возникнув одновременно с эпикуреизмом, просуществовал намного дольше последнего. За несколько веков существования материалистическая направленность стоицизма сошла на нет. Но этика стоиков изменилась очень мало, а именно она является, пожалуй, главной в стоицизме.

Основателем стоицизма был **Зенон**. Родился он на Кипре во второй половине IV в. до н.э. Наиболее близки по духу Зенону были воззрения киников. Сократ на протяжении всей истории стоицизма был главным кумиром стоиков. Зенон не любил метафизических рассуждений, в частности сомнений в достоверности чувств. В своих размышлениях он опирался на здравый смысл. Зенон верил, что случайности не существует, а ход процессов природы строго определен естественными законами. Все до мельчайших подробностей, запланировано, чтобы достичь определенных целей естественными средствами. Эти цели необходимо обнаружить в жизни человека. Бог не отделен от мира, в каждом из нас содержится частица Божественного. Все вещи являются частью единой системы — Природы. Поэтому жить надо в гармонии с Природой. Добродетель — это воля, находящаяся в согласии с Природой. Поскольку добродетель заключается в воле, все — хорошее и плохое — в жизни чело-

века зависит только от него самого. В бедности, в тюрьме, будучи приговоренным к смерти, как Сократ, человек может остаться добродетельным. Добродетель полностью зависит только от самого индивида, при условии что он является свободным от мирских желаний.

В этике стоиков делается акцент на безразличии. Истинный мудрец-стоик не должен переживать, если, к примеру, умирает кто-то из его близких. Это событие не является препятствием для его собственной добродетели, и поэтому не нужно страдать глубоко. Дружба — это хорошо, но даже несчастья ваших друзей не должны нарушать вашего спокойствия. Заниматься общественной жизнью — долг человека, но не нужно рассчитывать на то, что ваша общественная деятельность является истинным благодеянием. Главное для человека — заниматься собственной добродетелью. Выходит, что стоик добродетелен не для того, чтобы делать добро, но делает добро, чтобы быть добродетельным.

Наиболее известными стоиками были Сенека — государственный сановник, Эпиктет — раб и Марк Аврелий — римский император.

Марк Аврелий (II в. н.э.**)** был приемным сыном императора Антония Пия. В произведении «Наедине с собой. Размышления» перед нами предстает человек, испытывающий глубокое утомление от своих общественных обязанностей и жаждущий удалиться в сельскую тишь.

Марк Аврелий находит утешение в идее Вселенной как некоего единого, живого существа, обладающего единой субстанцией и единой душой. Император-стоик сам себя призывает: «Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении» и «Что бы ни случилось с тобой — оно предопределено тебе от века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием». Марк Аврелий считает человечество единым: «Для меня, человека из рода Антониев, град и отечество — Рим, но как для просто человека — мир».

В философии стоиков существует противоречие между детерминизмом и свободой воли. С одной стороны, Вселенная — это жестко детерминированное единое целое, в которой все, что случается, есть результат предшествующих причин. С другой стороны, воля человека автономна и никого нельзя принудить к греху внешними причинами. «Порок одного человека не причиняет вреда другому», — убежден Марк Аврелий. «Человеку свойственно, — говорит он, —

любить и заблуждающихся. Ты достигнешь этого, если проникнешься мыслью, что они сродни тебе, что прегрешают они по неведению и против своей воли, что еще немного, и тебя, и их настигнет смерть и что никто из них — это самое главное — не причинил тебе вреда, ибо не сделал твое руководящее начало худшим, нежели оно было до того». И самое главное: «Люби человечество. Следуй Богу... И этого достаточно, чтобы помнить, что Закон правит всем».

Хотя этика была основой учения стоиков, у них есть интересные идеи и в области теории познания, и в теории права. В теории познания, исходя из здравого смысла, они признавали достоверность ощущений, но при этом верили во врожденные идеи и принципы. Греческая философия основывалась на дедуктивном рассуждении, что приводило к вопросу об исходных посылках, поэтому стоики полагали, что имеются определенные принципы (врожденные идеи), которые абсолютно очевидны для всех и признаны всеми. Врожденные идеи могут быть использованы как отправная точка для дефиниций.

Правовая доктрина стоиков оказала влияние на концепции естественного права XVI—XVIII вв. Именно стоики стали отличать *jus naturale* (естественное право) от *jus gentium* (право народов). По природе, считали стоики, все люди равны. Марк Аврелий в своих «Размышлениях» хвалит «политию, в которой существует один и тот же закон для всех, — политию управляемую, принимая во внимание равные права и равную свободу слова, и царское правление, которое уважает более всего свободу управляемых». Конечно, идеальное требование равенства всех людей не могло быть осуществлено в Римской империи, но в какой-то степени оно все-таки влияло на улучшение положения женщин и рабов. Идея равенства всех людей была перенята у стоиков христианством наряду с другими идеями. Но только в XVII в., когда в Западной Европе развернулась борьба против деспотизма, учение стоиков о естественном праве и естественном равенстве, синтезированное с христианством, смогло повлиять на реальное изменение жизни людей.

В заключение можно сказать, что философия стоицизма сформировалась и существовала во времена усталости, разочарования и апатии, поэтому этика стоиков призывала скорее к терпению, чем к надежде.

Плотина (III век н.э.) называют последним из крупных философов античности, основателем неоплатонизма. Он

жил в один из наиболее тяжелых периодов римской истории, поэтому, отвернувшись от хаоса и несправедливости в реальном мире, философ стал созерцать вечный мир добра и красоты. Плотин продолжил платоновскую традицию критики материализма и в определенном смысле подготовил формирование христианства Средних веков и католической теологии. Для философии Плотина характерно равнодушие к внешнему миру, скорее она поощряет людей смотреть внутрь себя: когда мы смотрим внутрь, мы видим Нус, который божествен, а когда мы смотрим вовне, мы видим несовершенство чувственного мира. Стоит ли его изучать? Во многом вследствие этого занятия наукой не особенно поощрялись, и только добродетель считалась важной.

Контрольные вопросы

1. Какие наиболее важные черты присущи античной философии в целом?
2. На какие основные вопросы искали ответы философы Милетской школы?
3. Почему Пифагора принято считать первым идеалистом?
4. Что объединяет представителей Элейской школы?
5. Как представляли атомисты устройство Вселенной?
6. Действительно ли софисты подготовили возникновение науки логики?
7. В чем состоит основное отличие философии Сократа от философии досократических школ и направлений?
8. Как, по Платону, должно быть устроено идеальное (справедливое) государство?
9. Каковы основные пункты полемики Аристотеля с Платоном?
10. На каком основном принципе базируется этика Аристотеля?
11. Какова основная направленность философских размышлений эллинистических школ?

Глава 3
ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

После изучения данной главы студент должен:

знать

• основные особенности средневековой философии;

• основные этапы развития средневековой философии;

• основные философские концепции, разработанные в Средние века;

уметь

• охарактеризовать философские идеи патристики;

• описать проблематику схоластики;

• отделять философские идеи от богословской догматики;

владеть

• навыками сравнительного анализа средневековых философских концепций;

• умением вести дискуссию по проблемам средневековой философии;

• способностью критически оценивать те или иные философские идеи и концепции.

3.1. Особенности формирования средневековой философии

Самым важным событием первых столетий нашей эры было распространение христианства. Идеи, заложенные в Библии, означали радикальную переоценку ценностей в истории человечества.

Идея монотеизма — понимание Бога как единого и уникального, бесконечного в потенции, радикально отличного от всего прочего. Такой Бог был немыслим в рамках греческой философии.

Идея креационизма (*идея творения*) — Бог творит из ничего, свободно, дает начало всему чистым актом воли. Души не обладают предсуществованием (в отличие от платонизма). Всему дается жизнь как бескорыстный дар.

Идея антропоцентризма — человек не просто частица космоса (как в Античности), а существо привилегированное, созданное Богом по образу и подобию самого себя. Следовательно, человек — господин и повелитель всего, что создано для него.

Идея Божественного повеления (*морального закона*) — понимание Бога как того, кто дает моральный закон. Цель жизни — любовь к Богу — означает исполнение воли Бога, следование Христу.

Идея провиденциализма. Бог не только правит всем сотворенным вообще, но и каждым человеком. Обещание безопасности и спасения, точное предвидение будущего отвечало надеждам людей новой эпохи.

Христианство популяризировало важный взгляд, уже имевшийся в учении стоиков, но чуждый общему духу античности: долг человека перед Богом является более настоятельным, чем его долг перед государством.

Средневековую философию Западной Европы часто называют католической, так как наиболее характерной чертой этого периода является господство церкви во всех сферах культуры, в том числе и в философии. Почти все деятели культуры этого времени, за небольшим исключением, принадлежали к духовному сословию. Вплоть до XIV в. церкви принадлежала подлинная монополия в области философии, и философия, следовательно, писалась с точки зрения Священного Писания.

Это философское направление господствовало в европейской мысли со времен Августина (V в. н.э.) до Возрождения (XV—XVI в. н.э.). История западноевропейской средневековой философии делится на два периода, между которыми лежат «века мрака» (VI—X вв.), когда интеллектуальная жизнь в Западной Европе замерла.

Первый большой период в истории средневековой философии отмечен господством св. Августина и неоплатонизма. Наиболее ярким достижением второго периода была философия св. Фомы Аквинского, для которого главным авторитетом в области философии становится Аристотель.

3.2. Патристика

Чтобы понять атмосферу, в которой начала формироваться средневековая философия первого периода (патристика), нужно вспомнить, что III—V в. были периодом

страшных бедствий в Европе. Среди мыслящих людей этого времени царило настроение глубокого отчаяния, и единственное, что примиряло с ним, так это надежда на лучший мир в будущем. Всеобщие страдания усиливали остроту религиозных настроений. Именно в этой атмосфере были заложены основы католической философии (патристики) св. Амвросием, св. Иеронимом, папой Григорием Великим и св. Августином. Наиболее значительной фигурой является св. Августин, на взглядах которого мы остановимся более подробно. Августин открывает собой ряд мыслителей, философские идеи которых оформились под влиянием необходимости согласовать их со Священным Писанием.

Св. Августин родился в 354 г. на территории северной Африки, бывшей окраиной Римской империи. Там в дальнейшем и прошла большая часть его жизни. Мать св. Августина была христианкой, отец язычником. Августин пришел к христианству, когда ему было 30 лет. Около 396 г. он стал епископом Гиппона (Карфаген, Сев. Африка). Здесь он оставался до самой своей смерти в 430 г.

О начальном периоде своей жизни Августин рассказал в «*Исповеди*». Спустя несколько веков к исповедальному жанру обратятся французский философ Жан-Жак Руссо (XVIII в.) и великий русский писатель Лев Толстой. Как и Толстой, в зрелые годы св. Августин будет одержим чувством греха, которое сделает его жизнь аскетичной, а философию — суровой.

Одно из первых происшествий его жизни, о котором рассказывается в «Исповеди», произошло с ним в детские годы. Вместе с несколькими друзьями он украл груши в соседском саду, хотя не был голоден, а в родительском саду груши были даже лучше. Всю свою жизнь Августин не переставал считать этот поступок проявлением невероятной порочности: ведь груши были украдены не потому, что он был голоден, а ради воровства (т.е. любви к пороку). Описание этого детского проступка дает повод Августину порассуждать, что же такое порок, грех. Понятие греха трактуется им в контексте концепции прямой связи души с Богом.

Лучшее из философских сочинений св. Августина — одиннадцатая книга «Исповеди», в которой философ пытается определить сущность времени. Почему мир не был сотворен раньше, спрашивает Августина воображаемый оппонент? Да потому, что никакого «раньше» не было, отвечает Августин. Время было сотворено тогда, когда был

сотворен мир. Бог вечен в том смысле, что он существует вне времени. Он вечно пребывает вне потока времени. Рассуждая таким образом, Августин приходит, по сути дела, к релятивистской теории времени. На этом пути философ сталкивается с разными трудностями, ведь прошлое и будущее не имеют существования сейчас, реально существует только настоящее. Да и настоящее — это только мгновение. Августин предлагает осмысливать прошедшее и будущее как настоящее: прошедшее — это воспоминание о прошлом, существующее сейчас, а будущее — это ожидание сейчас того, что возможно со временем произойдет. Существует, заявляет Августин, три времени: «настоящее прошедших предметов, настоящее настоящих предметов и настоящее будущих предметов». «Так, для настоящего прошедших предметов есть у нас память, или воспоминание; для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание; а для настоящего будущих предметов есть у нас чаяние, упование, надежда»[1].

Смысл подхода, предлагаемого Августином, заключается в том, что *время субъективно*: время существует в человеческом уме, который ожидает, созерцает и вспоминает. Из этого следует, что не может быть времени без сотворенного существа и что говорить о времени до сотворения мира — сущая бессмыслица. Теория, согласно которой время является только аспектом наших мыслей, представляет собой одну из самых крайних форм субъективизма. Но это, несомненно, талантливая теория, которая является значительным шагом вперед по сравнению с греческой философии.

Другим сочинением Августина важным для философии является его книга «*О Граде Божьем*». Предыстория написания этой книги такова. Когда в 410 году Рим был разграблен готами, язычники причину бедствия увидели в христианстве. Труд «О граде Божием» и был ответом Августина на это обвинение. Но по мере написания книги Августин вышел за пределы первоначального замысла и развернул целую христианскую схему истории — прошлой, настоящей и будущей.

Неправда, пишет Августин, что Рим не терпел бедствий до того, как христианство стало государственной религией. Нашествия галлов и последствия гражданских войн были еще более разорительными. Многие из язычников, обвиня-

---

[1] *Августин.* Исповедь. М. : Азбука, 2011. С. 14.

ющих в катастрофе христианство, пишет философ, во время разграбления Рима искали убежища в церквях, так как готы, будучи христианами, на них не покушались. Римляне же никогда не щадили храмов в побежденных городах. Поэтому данное нападение на Рим было милосерднее большинства других, и это явилось результатом христианства.

Христиане, указывает далее Августин, не должны тревожиться из-за разграбления Рима, так как они располагают убежищем в «странствующем граде Божием». В настоящем мире два града — земной и небесный — взаимно перемешаны, но в грядущем мире избранные и отверженные будут разделены. В настоящей жизни нам не дано знать, кто окажется избранным. Св. Августин утверждает, что Бог разделил людей на избранников и проклятых не за их заслуги или грехи, а по своему произволу. Все одинаково заслуживают проклятия, и потому проклятые не вправе роптать на свою судьбу. Град Божий — это сообщество избранников. Цель истории вершится не на земле: земные государства — «разбойничьи шайки», необходимые лишь в условиях человеческой греховности. Сообщество избранных и будет тем Градом, который не от мира сего.

Что касается способности людей к *познанию*, то Августин уверен, что есть вещи, которые могут быть познаны при помощи разума (этим занимаются философы), но в области религиозного знания мы должны полагаться на Священное Писание. Мы не должны доискиваться понимания того, как существовали время и пространство до сотворения мира: до сотворения не было никакого времени, и там, где нет мира, нет никакого пространства. Познание Бога приобретается только через Христа.

В этой книге Августин дает высокую оценку философии Платона. Ему импонирует то, что Платон отвергал материализм. Прав был Платон и тогда, когда утверждал, что чувственное восприятие не является источником истины. Августин солидарен с Платоном в том, что чувственный мир ниже мира вечного. Последователи Платона, утверждает Августин, добились больших успехов по сравнению с другими философами в логике и этике и наиболее близки к христианству. Аристотель несколько уступает Платону, но оба — что важно для Августина — утверждали, что все боги добры, и всем им нужно воздавать божеские почести. Августин уверен, что не может быть истинных добродетелей там, где нет истинной религии.

Книга Августина «О граде Божьем» оказала большое влияние на развитие западного богословия. Особенное значение имела идея о том, что государство может стать частью града Божьего, лишь подчинившись церкви во всех религиозных вопросах.

После смерти Августина (начало V в.) философская мысль переживала застой. Это столетие было временем варварских нашествий, хаоса и падения Западной империи. То немногое, что уцелело от культуры древнего Рима в обстановке всеобщего упадка цивилизации было сохранено в первую очередь церковью. Церковные учреждения стали тем оплотом, в рамках которого позднее стало возможным возрождение знания и искусства. С конца IX в. в Западной Европе начинается постепенный цивилизационный подъем. В этом процессе, по крайней мере на первых порах, большую роль сыграли монастыри.

Девятый век в истории европейской философии связан прежде всего с именем **Иоанна Скота Эриугены (Эригена)** (ок. 810 — ок. 877). Ирландский философ выступал в поддержку принципа *свободы воли*, утверждая, что источником греха является свобода: грех возникает оттого, что человек, вместо того чтобы обращаться к Богу, обратился к самому себе. Зло не имеет своего основания в Боге, так как принадлежит к области небытия. Зло — это отсутствие добра. *Разум* он ставил выше веры и аргументировал свои взгляды с помощью философских, а не богословских доводов. Тем самым он показывал, что философия является равным или даже высшим авторитетом, независимым от откровения. По Скоту, разум и откровение — два разных источника истины. Они не противоречат друг другу. Но если нам кажется, что противоречие присутствует, мы должны руководствоваться разумом. Истинная религия, утверждает Иоанн, это и есть истинная философия, но и истинная философия также является истинной религией.

Наиболее значительное сочинение Иоанна — «О разделении природы» — дважды было осуждено церковными соборами, однако ему удалось избежать наказания благодаря поддержке короля.

3.3. Схоластика

В XI столетии Европа переживала прогресс в разных сферах культуры. В философии он выразился в появлении пер-

вых схоластических философов, которые полностью принадлежали к духовному сословию. Возникновение схоластики как философской школы относится к началу XII столетия. Схоластику отличает ряд характерных черт: во-первых, схоластическая философия ищет ответы только на те вопросы, которые ставит перед ней религиозное учение; во-вторых, для схоластики характерна опора на Аристотеля, а не на Платона; в-третьих, схоластика всегда использует так называемый диалектический стиль мышления и силлогистический метод рассуждения. Можно сказать, что в общем схоластике присущи копание в мелочах, любовь к диспутам, непомерное акцентирование словесных различий и тонкостей. Как отмечает Б. Рассел: «Недостатки схоластического метода аналогичны тем недочетам, которые неизбежно возникают, когда упор делается на “диалектику”. Недостатки эти сводятся к следующему: безразличие к фактам и науке, вера во всесилие аргумента в вопросах, которые можно решать только при помощи наблюдения»[1].

Первым философом-схоластом обычно называют **Росцелина** (XI—XII вв.). Он, как и большинство других философов этого времени, размышлял над проблемой универсалий (общих понятий). Росцелин утверждал, что универсалии — это лишь как бы «дуновения голоса». В буквальном смысле: универсалия есть физическое явление, которое возникает, когда мы произносим слово.

Талантливый ученик Росцелина **Пьер Абеляр** (XI—XII вв.) завоевал в Париже необычайную популярность как преподаватель. Абеляр полагал, что верить можно только в то, что по́нято; мы не должны удовлетворяться лишь слепой, основанной на привычке и авторитете верой: «вера, не просветленная разумом, не достойна человека». Отсюда основная линия богословия Абеляра: «Понимаю, чтобы веровать», в отличие от ортодоксальной позиции, высказанной Тертуллианом еще в III в.: «Верую, потому что нелепо» (верю потому, что не понятно, не доступно разуму).

При решении вопроса о природе универсалий Абеляр утверждал, что универсалии, не обладая самостоятельной реальностью, получают существование в человеческом разуме в качестве общих понятий. В чувственном опыте нам дано лишь единичное, поэтому общему в объективной действи-

---

[1] *Рассел Б.* История западной философии : в 2 т. М. : МИФ, 1993, Т. 1. С. 452.

тельности соответствует то сходное или тождественное, что существует в единичных вещах и что делает возможным объединить их в один класс и называть одним и тем же именем.

В XIII столетии Средние века достигли наивысшей точки своего развития. Большие достижения были сделаны в разных сферах культуры, но церковь стояла перед угрозой восстания. Избежать его во многом помогли возникшие в это время нищенствующие ордена: францисканский и доминиканский. В противоположность бесплодному схоластическому (диалектическому) методу в основе этих движений лежал не рациональный, а мистический поиск религиозной истины с помощью субъективного опыта и созерцания.

Основатель францисканского ордена **Св. Франциск Ассизский** (1181 или 1182—1226) — христианский религиозный подвижник. В возрасте 26 лет основал вместе с товарищами братство неимущих проповедников. Призыв к бедности понимался Франциском как необходимость следования призыву Христа, а не как приверженность какой-то абстрактной идее (аскетизм, монашество, реформа церкви и т.п.). «Жизнь без собственности» должна была означать полный отказ от какого-либо имущества, а также от знания, которое используется для возвышения над окружающими, от положения в обществе и от всевозможных пристрастий. Бедность является подлинной, если только она основывается на скромности и смирении. Средством достижения духовной чистоты и внутренней свободы является любовь: настоящая любовь к Богу и полное любви служение ближним способны победить любые искушения. В воззрениях Франциска есть несомненный налет мистицизма, но пронизанного свежестью и бодростью духа.

Св. Доминик — основатель доминиканского ордена — личность менее значимая, чем св. Франциск. Целью Доминика было избавление мира от ереси, а идеал бедности он принимал лишь как средство для достижения этой цели. Члены доминиканского ордена принимали активное участие в деятельности инквизиции.

Несмотря на то, что и Франциск, и Доминик равнодушно относились к знанию, среди их последователей были яркие интеллектуалы. Достаточно назвать доминиканцев Фому Аквинского и Альберта Великого. Они посвятили себя тому, чтобы примирить Аристотеля с христианским вероучением. Среди францисканцев также были величайшие имена в области философии: Роджер Бэкон, Дунс Скот и Уильям Оккам.

О них речь пойдет дальше, а пока обратимся к одному из самых знаменитых философов Средневековья — Фоме Аквинскому.

Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) признан величайшим представителем схоластической философии. Во всех католических учебных заведениях мира систему св. Фомы предписано преподавать как единственно истинную философию. (Когда-то похожая ситуация была в СССР, где марксистско-ленинскую философию преподавали как единственно научную и прогрессивную.)

Фома был сыном графа Аквинского в Неаполитанском королевстве. Шесть лет учился в университете в Неаполе, вступил в доминиканский орден. Некоторое время Аквинский провел в Кельне, где под руководством Альберта Великого постигал философию Аристотеля. В возрасте 34 лет он вернулся в Италию, где и прошла вся его остальная жизнь.

Среди своих современников Аквинский отличался глубоким знанием сочинений Аристотеля. Он смог убедить иерархов церкви, что в богословии следует опираться не на философию Платона, а на философию Аристотеля. Наиболее значимые произведения Фомы — «*Сумма против язычников*» и «*Сумма теологии*». Цель сочинений Фомы — убедить язычников в истинности христианской религии с помощью доводов разума, так как язычники не принимают авторитета Священного Писания. Но Фома понимает, что с помощью естественного разума можно понять и доказать лишь некоторые части вероучения, но отнюдь не все.

С помощью разума можно доказать существование Бога, уверен Фома. Для доказательства он использует аристотелевский аргумент неподвижного двигателя: вещи делятся на две группы — одни только движутся, другие движутся и вместе с тем способны привести в движение другие вещи. Все, что движется, приводится чем-то в движение, но поскольку бесконечный регресс невозможен, в какой-то точке мы достигнем того, что движет, будучи само неподвижно. Этот неподвижный двигатель и есть Бог. Это первое из пяти доказательств существования Бога. Второе доказательство — доказательство первой причины — базируется опять-таки на невозможности бесконечного регресса. Третье доказательство — должен существовать конечный источник всякой необходимости; этот аргумент похож на второе доказательство. Четвертое доказательство — мы обнаруживаем в мире различные степени совершенства, следовательно,

должно существовать нечто абсолютно совершенное, с чем мы сравниваем разные вещи. Пятое доказательство — мы видим, что даже безжизненные вещи служат какой-то цели, которая должна быть целью, установленной неким существом вне их, так как только живые существа обладают этой способностью.

Будучи уверенным, что он доказал существование Бога, Фома переходит к следующей задаче: дать определение Богу. Бог вечен, нетленен. В Боге нет никакой сложности, и поэтому он не является телом, так как тела слагаются из частей. Бог заключает в себе совершенства всякого рода. Богу неведомо чувство ненависти. Он обладает созерцательной и активной добродетелями. В нем заключены восторг, радость и любовь; он счастлив и одновременно сам есть свое собственное счастье. В Боге заключена воля, и она свободна. Бог не может хотеть вещи невозможные, например, он не может сделать противоречие истинным. Бог — интеллектуален, и его интеллект — его сущность. Бог познает все вещи в одно и то же мгновение. Его познание — не привычка, оно не имеет ничего общего с познанием человека. Бог — сама истина.

Фома считает, что существуют три вида познания человеком Бога: разумом, через откровение и посредством интуиции. Но поскольку Аквинский обладал скорее логическим, чем мистическим, темпераментом, интуиция не представляла для него особого интереса.

Отвечая на вопрос о сущности человеческой души, Фома, вслед за Аристотелем, утверждает, что душа есть форма тела. Вся душа присутствует целиком в каждой частице тела. Души животных, в отличие от душ людей, не обладают бессмертием. Разум (интеллект) является частью души каждого человека и главенствует над волей, однако в жизни человека, делает оговорку Фома, любовь к Богу важнее, чем познание Бога. Душа не передается наследственно с семенем, а творится заново в каждом человеке.

Так же как и Аристотель, Фома уделяет достаточное внимание вопросам этики. И так же как и Аристотель, Аквинат для решения моральных вопросов вооружается принципом здравого смысла. Зло непреднамеренно, утверждает Фома, оно имеет случайную причину. Божественное провидение не исключает зла, но оно вызывается вторичными причинами, как у хорошего художника, работающего плохими инструментами.

Смысл жизни человека состоит в стремлении к счастью. Но счастье — это не плотские наслаждения, слава, богатство, власть, оно не носит чувственного характера. Счастье достигается жизнью по «естественным законам», вложенным Богом в сердце людей и открываемым разумом. Если человек не соблюдает «естественный закон», его поведение становится аморальным и нерациональным. Неразумное поведение является следствием глупости, при которой человек ошибочно принимает за добро нечто другое (например, жадность, ложь и др.). Наивысшее счастье — в познании Бога.

Необходимо отметить, что в своих общих чертах философия Аквинского сходна с философией Аристотеля. Обоим философам присущ дар систематизации, отчетливость и ясность мышления. Оригинальность же Фомы состоит в том, что он сумел приспособить философию Аристотеля к христианской догме, лишь немного ее изменив. Даже в позднем Средневековье это было новаторством. Тем не менее в Аквинском мало истинно исследовательского духа, так как он начинает философствовать, уже зная истину: она дана в христианском вероучении.

Авторитет Аквинского, абсолютно непререкаемый для последующего развития католической философии, однако, не склонны были признавать все его современники, в частности, интеллектуальные лидеры францисканского ордена. Тремя наиболее значительными францисканскими философами были Роджер Бэкон, Дунс Скот и Уильям Оккам.

Роджер Бэкон (ок. 1214—1292) был универсально образованным человеком, увлеченным не только философией, но и математикой, и наукой в целом. Наука во времена Бэкона была тесно связана с алхимией, которой он живо интересовался. Возможно, с этим была связана его высокая оценка опытного знания, значимость которого он иллюстрировал на примере теории радуги. А с исследованиями Бэкона в области географии был ознакомлен даже великий мореплаватель Колумб. Бэкон был талантливым математиком, разрабатывал проблему перспективы, но логику, как ни странно, считал занятием бесполезным.

Бэкон выявляет четыре причины невежества людей. Первая — преклонение перед недостойным авторитетом. Вторая — влияние привычки. Третья — мнение невежественной толпы. Четвертая — прикрытие собственного невежества

маской якобы глубокого знания. Последнюю Бэкон считает наихудшей.

Конечно, Бэкон не отказывается от христианской ортодоксии, но все увереннее он заявляет, что нет ничего предосудительного в заимствовании знания у язычников. В Новое время Бэкона высоко оценивали за то, что он ставил опыт как источник знания выше аргументированного рассуждения. Действительно Бэкон отличается от других христианских философов Средневековья, но его влияние на современников было незначительным.

Уильям Оккам (ок. 1285—1349) — наиболее значительный философ-схоласт после Фомы Аквинского. Он учился в Оксфорде, а затем в Париже.

Оккама считают философом, знаменующим собой начало конца схоластики, так как он, в частности, полностью отделял логику от метафизики и богословия. Для Оккама логика является инструментом философии природы. В логике Оккам — номиналист, он утверждает: наука имеет дело с вещами, логика же с самими вещами дела не имеет. Логика исследует понятия, рассматривая их не как физические состояния, а как значения. Универсалия не может обозначать вещи, она есть просто знак многих вещей.

Оккам считал, что возможно изучать человеческое познание и логику мышления безотносительно к метафизике и богословию. Он критиковал последователей Августина за то, что они сначала объявили вещи непознаваемыми, а людей — неспособными к разумному мышлению, а потом добавили свет из бесконечности, при помощи которого познание стало возможно. И Аквинский, и Оккам критиковали такую позицию, но Аквинат как богослов, а Оккам, можно сказать, уже как светский философ.

В историю философии Оккам вошел во многом благодаря своему афоризму: «Сущностей не следует умножать без необходимости», т.е. если в какой-нибудь науке все можно объяснить без введения дополнительных сущностей, то и не надо их вводить. Афоризм получил название «бритвы Оккама». Уильямом Оккамом заканчивается эпоха средневековой философии.

Задачей западноевропейской средневековой философии была защита веры, но при этом она обращалась к разуму, чтобы отстоять свою точку зрения против тех, кто отвергал христианское учение.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные черты средневековой философии?
2. В чем основные особенности философии периода патристики?
3. В чем видел проблему времени Августин?
4. Как трактовал Августин отношения между церковью и государством?
5. В чем состоят основные различия между философией патристики и схоластики?
6. С чем связано обращение Фомы Аквинского к философским идеям Аристотеля?
7. Почему рождение идеи эмпиризма связывают с именем Роджера Бэкона?
8. Какие темы, обсуждавшиеся средневековыми философами, могут быть интересны современному человеку?

Глава 4
ФИЛОСОФИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

• общую духовную атмосферу, в которой происходило развитие философии Возрождения и Нового времени;

• основные философские идеи, выдвинутые в это время;

• историю формирования и развития концепций либерализма и консерватизма, социализма и анархизма;

• основные линии развития рационалистических и иррационалистических представлений в философии;

уметь

• анализировать связь философии с культурой и в особенности с наукой Возрождения и Нового времени;

• сопоставлять новые философские течения с теми, которые существовали в Античности и Средние века;

владеть

• ясным представлением о последовательном развитии философии Возрождения и Нового времени;

• умением самостоятельного анализа изученных философских концепций;

• представлением о тех позитивных ценностях, которые отстаивались философами Возрождения и Нового времени, и о тех средствах, которые предлагались для достижения этих ценностей.

4.1. Философия Возрождения

Возрождение, или Ренессанс, — период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы. Обычно этот период датируется XV—XVI вв., хотя в Италии первые ростки нового взгляда на мир стали возникать еще в конце XIII в.

Именно в это время формируется система мировоззрения, которую принято называть **гуманизмом**. *Гуманизм* (от лат. *humanus* — человечный) — мировоззрение, основу которого составляет защита достоинства и самостоятельной ценности личности, ее свободы и права на счастье. Возрождение не было широким народным движением. Гуманистами мы называем немногочисленную группу ученых и художников, которым покровительствовали щедрые меценаты и папы-гуманисты. Отношение ученых Возрождения к церкви невозможно охарактеризовать однозначно. Хотя среди гуманистов были открытые вольнодумцы, тем не менее многие из них охотно шли на службу к церковным иерархам, возмущаясь при этом их порочностью. Большинство гуманистов сохраняло суеверные представления Античности, например, интерес к астрологии. Многие из них продолжали благоговеть перед авторитетом, подобно средневековым философам, только авторитет церкви они заменили авторитетом Античности.

Возродив знание греческого мира, Возрождение создало духовную атмосферу, в которой вновь стало возможным соперничать с эллинскими достижениями. «*Искусство жизни*», разработанное выдающимся итальянским поэтом **Ф. Петраркой** и противопоставившее средневековому идеалу жертвы и надежды на загробное воздаяние новые ценности духовного аристократизма и совершенствования земного бытия при помощи гуманитарной культуры, было очевидным свидетельством поворота к обновлению философии. **Дж. Пико делла Мирандола** создает знаменитую «*Речь о достоинстве человека*», признаваемую манифестом зрелого гуманизма.

Николай Кузанский (1401—1464) попытался осуществить синтез ортодоксальной христианской философии, неоплатонизма и новейших тенденций гуманистической мысли. В этом отношении он — последний средневековый и первый новоевропейский философ. В своей теории «ученого незнания» он утверждает богоподобность конечного разума и его способность познать абсолютное не только через явления, но через саму его непознаваемость, которая каждый раз дана уму особым образом. На этом принципе строится изощренная диалектика относительного и абсолютного, максимума и минимума. Философ выдвигает программу тотальной реформы наук и религий. В культурной ситуации Возрождения философия Кузанского оказалась

невостребованной, что не удивительно, поскольку она основывалась на мистико-диалектическом стиле мышления.

Леонардо да Винчи — универсальный мыслитель

Этот стиль был абсолютно чужд, в частности, такому мыслителю универсального типа, истинному «человеку Возрождения», как Леонардо да Винчи (1452—1519). В его рассуждениях можно обнаружить следы неоплатонизма, например, когда он обращает внимание на параллелизм человека и космоса (универсума). Однако у Леонардо эта идея имеет несколько иное значение: она нужна ему для обоснования механистического строения всей природы.

Любое знание начинается, по Леонардо, с ощущения, поэтому именно опыт помогает нам понять природу. В школе опыта человек способен постичь природу, а не путем передачи и повторения тех бледных ее отражений, которые даются в книгах. «Знание — дитя опыта», а не произвольных теоретических конструкций, пусть и воплощающих проблемы высшего порядка. Природа регулируется, уверен Леонардо, определенным порядком, который обнаруживается в причинных отношениях между явлениями.

Чтобы выявить эти причины, необходима математика, так как никакое человеческое исследование не может привести к истинному знанию, если оно не опирается на математические доказательства. Таким образом, Леонардо пытается соединить опыт с математикой. Он выступает в определенном смысле предшественником Г. Галилея, ясно сказавшего: «Книга природы написана на языке математики».

Эразм Роттердамский: критика формальной религиозности

Период XVI в. — начало XVII в. знаменуется началом общеевропейской религиозной революции — Реформации, которая стимулировала ряд дискуссий, повлиявших на дальнейшее развитие европейской философии. Прежде всего, это спор о свободе воли между Мартином Лютером и Эразмом Роттердамским. Эразм, утверждая свободу воли, призывает перейти от нагромождений схоластической культуры на «путь Христа», ориентированный не на внешнюю, формальную религиозность, а на строгую нравственность (милосердие, веру, простую жизненную мудрость) и внутреннее благочестие. При этом роль философии, разоблачающей

претензии любого мнимого знания, оказывалась весьма значительной. Эразм не был философом в строгом смысле слова, но он воплощал собой неприятие всего возведенного в систему в теологии или философии. Он — ученый-гуманист, богослов и писатель.

Книга Эразма, которая и в наше время довольно известна, «*Похвальное слово Глупости*» (1511) содержит парадоксальное доказательство того, что в человеческой жизни все в конечном счетеподчинено прихоти глупости. Книга написана как монолог, произносимый самой Глупостью. Захлебываясь от восторга, она распевает сама себе дифирамбы. Глупость охватывает, по мнению автора, все проявления человеческой жизни, все классы и профессии. Сатирическому обличению подвергаются злоупотребления церкви. Книга заканчивается серьезным заключением, что истинная религия является разновидностью Глупости. На протяжении всей книги Эразм говорит о двух видах Глупости. Один вид Глупости он восхваляет иронически, другой восхваляет серьезно. Последний имеет отношение к христианской простоте. Это восхваление представляет собой первое выражение в литературе взгляда, сформулированного позднее Ж.-Ж. Руссо, взгляда, согласно которому истинная религия идет от сердца, а не от ума и, значит, всякая сложная теология является ненужной.

Натурфилософия. Телезио и Бруно

Натурфилософия развивается в это время прежде всего в трудах Дж. Бруно, превратившего ее в радикальный пантеизм, и Б. Телезио, существенно приблизившего ее к будущему новому естествознанию введением в привычное пантеистическое одушевление природы нового метода ее исследования, «исходя из ее собственных принципов».

Бернардино Телезио (1509—1588) — изучал философию, математику, физические науки в Падуанском университете. Основал первое в Европе естественно-научное общество — «Телезианскую академию», ставившую своей целью изучение законов природы на основе чувственного опыта и независимо от книжных авторитетов. Основное сочинение Телезио — «*О природе вещей согласно ее собственным принципам*» содержит критику схоластического аристотелизма и проводит мысль о необходимости подкрепления умозаключений опытными данными. Не будучи

последовательным сенсуалистом и материалистом, Телезио тем не менее, может считаться одним из предшественников этих направлений в философии Нового времени. Установка Телезио на опытное познание была развита Т. Кампанеллой, Дж. Бруно, Р. Декартом и Ф. Бэконом.

Джордано Бруно (1548—1600) — итальянский философ и поэт, представитель пантеизма.

Бруно считал целью философии познание не сверхприродного Бога, а природы, являющейся «Богом в вещах». Развивая гелиоцентрическую теорию Коперника, оказавшую на него огромное влияние, Бруно высказывал идеи о бесконечности природы и бесконечном множестве миров Вселенной.

Этика Бруно проникнута утверждением «героического энтузиазма», безграничной любви к бесконечному, отличающей подлинных мыслителей, поэтов и героев, возвышающей человека над размеренной повседневностью и уподобляющей его божеству. Идеи Бруно оказали большое влияние на развитие философии Нового времени (Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Ф. Шеллинг и др.).

Преследуемый церковниками за свои взгляды, он покинул Италию и жил во Франции, Англии, Германии. По возвращении в Италию был обвинен в ереси и свободомыслии и после восьми лет пребывания в тюрьме сожжен на костре (1400).

Утопии Мора и Кампанеллы

В этот же период создаются мифы о совершенном обществе, в котором со временем предстоит жить всему человечеству.

Томас Мор (1478—1535) — английский гуманист, писатель, государственный деятель. Мор интересен, прежде всего, как автор книги «*Утопия*» (1516). Вторая часть книги посвящена описанию идеального социального строя фантастического острова Утопия (буквально «место, которого нет»). Мор описывает прообраз коммунистического устройства общества. В Утопии, как и в «Государстве» Платона, все находится в общей собственности, так как Мор уверен, что благополучие общества невозможно там, где существует частная собственность, без обобществления не может быть равенства.

В Утопии все города выстроены по одному и тому же плану, но один из них является столицей. Все утопийцы

одеваются одинаково, за исключением того, что одежда мужчин отличается от одежды женщин, а одежда людей женатых — от одежды неженатых. Все — как мужчины, так и женщины — работают шесть часов в день. Все ложатся спать в восемь часов и спят восемь часов. Все высшие должностные лица избираются из числа ученых. Формой правления является представительная демократия, покоящаяся на системе многоступенчатых выборов. Утопийцы не пользуются деньгами, а используют золото на изготовление ночных горшков и цепей, которыми сковывают рабов, чтобы воспитывать презрение к золоту. Что касается этики, то мы узнаем, что утопийцы решительно склоняются к мнению, согласно которому счастье состоит в удовольствии. Однако это воззрение не имеет своим следствием дурных поступков, ибо утопийцы полагают, что после настоящей жизни за добродетель назначены награды, а за пороки — наказания. Среди утопийцев существует много религий, и все они пользуются полной терпимостью.

Для современного человека поразительна широта взглядов автора «Утопии». Мор рассуждает о сущности и социальных последствиях войны, о религии и религиозной терпимости, осуждает бессмысленные убийства животных, в частности охоту, выступает в пользу мягкого уголовного законодательства, против обычая наказывать смертью за воровство. Однако надо признать, что жить в Утопии Мора, как и в большинстве государств такого типа, довольно-таки скучно. Для счастья необходимо разнообразие, а в Утопии его невозможно найти.

Томмазо Кампанелла (1568—1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель. Живо интересуясь общественными проблемами, Кампанелла написал ряд произведений на социальные темы, наиболее значительным из которых можно считать «*Город Солнца*» (1602) — своеобразный вариант коммунистической утопии. В придуманном Кампанеллой обществе отсутствует частная собственность, упраздняется семья, дети передаются на воспитание государству. Царит полная унификация в одежде, быту, поведении. Введена всеобщая трудовая повинность. Все стороны жизни соляриев строжайшим образом регламентированы государством, которое поистине вездесуще. Во главе государства стоит правитель по имени Солнце, или Метафизик. Он получает свой пост за ученость и ум и занимает его до тех пор, пока не найдется более достойный кандидат.

В городе исповедуется религия Солнца, которую отличает существенный рационалистический элемент, а также тесная связь с государством. Метафизик одновременно и первосвященник, функции других служителей культа выполняют высшие чиновники.

В творчестве Кампанеллы нашли отражение как характерные для эпохи Возрождения философские идеи, так и социально-критические мотивы, свойственные его времени.

Политическая философия Макиавелли

В это же время итальянский мыслитель Никколо Макиавелли (1467—1527) формулирует свои жесткие рекомендации по управлению реальным обществом, закладывая основы современной политологии.

Политическая философия Макиавелли ставит своей целью указать средства для достижения намеченных целей, безотносительно к тому, признаются ли эти цели хорошими или дурными. Государство, по Макиавелли, — высшее проявление человеческого духа, а служение государству — смысл и счастье человеческой жизни. Изначально человеческая природа дурна, эгоистична, и задача государства — насильно обуздать ее. В самом известном трактате Макиавелли «*Государь*» описываются способы создания сильного государства в условиях, когда в народе отсутствуют гражданские добродетели.

Религия, по мнению Макиавелли, должна играть важную роль в жизни государства не потому, что она истинна, а потому, что должна связывать общество в единое целое.

В «Государе» Макиавелли практически прямо отвергает общепринятую мораль, когда речь идет о поведении правителей. Правитель погибнет, считает Макиавелли, если он всегда будет милосердным и честным. Правитель должен держать свое слово только в том случае, если это выгодно. Самое же главное, по Макиавелли, чтобы правитель воспринимался своими подданными как человек религиозный.

Макиавелли часто употребляет слово «свобода» как нечто ценное, хотя что именно оно обозначает, из его рассуждений не очень ясно. Очевидно, что он унаследовал его от Античности. Возможно, Макиавелли считал, что политическая свобода предполагает наличие в гражданах известного рода личной добродетели. Народ, по мнению Макиавелли, обладает здравым умом, недаром говорится: «Глас народа — глас Божий».

Можно сказать, что в философии Макиавелли как бы оживает политическая мысль греков и римлян (республиканского периода). Так, любовь к «свободе» и теория контроля и равновесия очевидно были восприняты Возрождением от Античности.

Необходимо отметить, что если средневековые авторы придерживались концепции «законной власти» (власти папы и императора), то, по Макиавелли, власть должна принадлежать тем, кому удастся захватить ее в свободном соревновании. Свое предпочтение Макиавелли отдает народному правительству, опираясь на свои наблюдения, которые свидетельствовали о меньшей жестокости народного правительства по сравнению с тиранией.

Из анализа текстов Макиавелли можно сделать вывод о том, что в мире существует ряд политических благ, из которых особенно важны три: национальная независимость, безопасность и хорошо устроенная конституция. Хорошая конституция должна распределять юридические права между государем, знатью и народом пропорционально их реальной власти. При такой конституции будет трудно осуществить успешные революции, и потому возможен порядок в государстве.

Макиавелли рассуждает не только о целях, но и о средствах. Если цель признана хорошей, то мы можем избирать такие средства, которые обеспечивают ее реализацию. «Успех» означает достижение намеченной цели, какой бы она ни была. Можно даже создать некую «науку успеха», говорит Макиавелли.

Макиавелли убежден, что для реализации политической цели необходима сила. Обычно побеждает тот, на чьей стороне сила. Правда, соглашается Макиавелли, сила часто зависит от общественного мнения, а общественное мнение, в свою очередь, — от пропаганды. Поэтому большое внимание необходимо уделить пропаганде и, в частности, пропаганде добродетельного облика претендента на власть.

Слово «макиавеллизм» стало термином, используемым для обозначения беззастенчивой политики, добивающейся своих целей, пренебрегая нормами морали. Макиавелли действительно говорил, что каждое действие государства (или его правителя) допустимо, особенно во внешних, межгосударственных отношениях, если это действие обеспечивает преимущества для своей собственной страны.

Отрыв политики от моральной оценки не был, однако, изобретением Макиавелли. Такова была и такой во многом

остается реальная политическая практика. Лишь идущее сейчас формирование единого человечества и подлинно мировой истории дает основание надеяться, что постепенно мораль будет все более охватывать не только отношения индивидов и их групп, но и сферу политики и межгосударственных отношений.

4.2. Философия XVII—XVIII веков

Культура Возрождения не слишком благоприятствовала философии и не породила великих философов. Ренессансная философия развивалась в основном в формах эстетической, этической, политической и натурфилософской мысли. Но Возрождение предложило те интуиции и схемы мысли, которые явились необходимой предпосылкой достижений более поздней философии.

Возникновение современной науки. Новому времени присущи две основные черты: *падение авторитета церкви* и *рост авторитета науки*. Авторитет науки существенно отличается от авторитета церкви, так как он является по своему характеру интеллектуальным, а не идеологическим. «Никакие кары, — пишет Б. Рассел, — не обрушиваются на головы тех, кто отвергает авторитет науки; никакие соображения выгоды не влияют на тех, кто его принимает. Он завоевывает умы исключительно присущим ему призывом к разуму. Авторитет науки высказывает свое суждение только о том, что в данный момент представляется научно установленным, а это составляет лишь крошечный островок в океане неведения. Авторитет науки еще в одном отношении отличается от церковного авторитета, который провозглашает свои суждения абсолютно верными и неизменными во веки веков: суждения науки являются опытными, делаются на основе вероятностного подхода и признаются подверженными процессу изменения. Это порождает склад ума, весьма отличный от склада ума средневекового догматика»[1].

Первым серьезным вторжением науки на территорию религиозной догмы явилась гелиоцентрическая теория Коперника (1543). **Николай Коперник** (1473—1543) был польским священником. В результате занятий астрономией он пришел к убеждению, что Солнце является центром Все-

---

[1] *Рассел Б.* История западной философии : в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 8.

ленной, а Земля имеет двойное движение: суточное вращение и годовое круговое вращение вокруг Солнца. Открытие Коперника развенчивало представления о Земле как особом центре Вселенной. Становилось трудно признавать за человеком абсолютную значимость, приписываемую ему христианской теологией. Но это произошло позже, когда гипотеза Коперника была с помощью расчетов подтверждена немецким астрономом **Иоганом Кеплером** и итальянским астрономом и физиком **Галилео Галилеем**. Последний был убежденным сторонником гелиоцентрической системы. Ему принадлежат изобретение телескопа и ряд важных открытий в астрономии. Галилей был осужден инквизицией. Он вынужден был отказаться от своих теорий и обещал больше никогда не утверждать, что Земля вращается вокруг своей оси или вокруг Солнца. В католической Италии инквизиции удалось приостановить развитие науки.

Но в это время в Европе существовали протестантские страны (Англия, Голландия), где церковь и государство были более терпимыми. Английский физик **Исаак Ньютон** (1642—1727) достиг научного триумфа, который во многом подготовили Коперник, Кеплер и Галилей. Ньютон определил «силу» как причину изменения скорости движения, т.е. ускорения. После этого он сформулировал закон всемирного тяготения: «Каждое тело притягивает любое другое тело с силой, прямо пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними». Из этого закона можно было объяснить многое в планетарной теории: движение планет и их спутников, орбиты комет, приливы. Ньютона называли не просто ученым, а философом, объяснившим своим современникам мироустройство. В Англии появилось даже стихотворение:

Природа и ее законы были скрыты во тьме,
Но Бог сказал: «Да будет Ньютон», — и все стало ясно.

Свидетельством того, что XVII в. стал веком формирования современной науки, являются и большие успехи в изобретении различных научных приборов. В этом веке были созданы микроскоп, телескоп, воздушный насос, термометр, барометр, усовершенствованы механические часы. Кроме значительных успехов, достигнутых в области астрономии и динамики, были сделаны открытия и в других областях. Так, было описано явление магнетизма, открыта система кровообращения, сперматозоиды, одноклеточные орга-

низмы, бактерии. Большие открытия были сделаны в области чистой математики, которая необходима для успешной работы в физических науках. В 1614 г. Дж. Непер опубликовал свое изобретение логарифмов. Формирование аналитической геометрии было результатом работ нескольких математиков XVII в., в том числе философа и математика Р. Декарта. Дифференциальное и интегральное исчисление было создано Ньютоном и немецким философом и математиком Г. Лейбницем независимо друг от друга. Оно стало орудием почти всей высшей математики. Имелось множество и других важных открытий.

Вследствие мощного развития науки в XVII в. взгляды образованных людей стали меняться, так, например, магия и колдовство стали восприниматься как невежество и дикость. Другое важное следствие развития науки — глубокое изменение в представлениях о месте человека в мире. Земля перестала считаться центром Вселенной, где все имело целью служение человеку. Понятие «цели», которое со времен Аристотеля присутствовало во всех научных концепциях, теперь было отброшено из научного объяснения мира. Даже если кто-то верил, что цель Вселенной — восславлять Господа, ученые не позволяли этому верованию вмешиваться в астрономические вычисления.

Еще одним важным моментом, стимулирующим развитие теоретической науки, была практическая значимость ее результатов. Практическое значение науки было впервые признано в связи с войной. Со времени Галилея и Леонардо роль ученых в войне неуклонно возрастала. Позднее достижения ученых стали играть большую роль в развитии машинного производства и в использовании сначала пара, а затем электричества. Таким образом, статус науки утвердился в обществе прежде всего благодаря ее практической полезности. В дальнейшем это привело к попытке превратить науку в технику, лишив тем самым науку функции объяснения мира.

Ф. Бэкон: идея эмпиризма

Английский философ Фрэнсис Бэкон (1561—1626) — один из родоначальников философии Нового времени. В возрасте двадцати трех лет стал членом парламента. Впоследствии он отказался от государственной деятельности и полностью посвятил себя науке. Широко известна фраза

Бэкона «Знание — сила». Бэкон верил, что наука способна помочь человечеству овладеть силами природы и сделать жизнь людей более комфортной. Сейчас эта позиция является общепринятой. Но во времена Бэкона вера в то, что знание должно приносить плоды в практике, что наука должна служить промышленности, что люди должны объединиться для того, чтобы изменить жизнь к лучшему, была новаторской. Вся основа философии Бэкона была практической. Он критически относился к философии Аристотеля, утверждая, что она хороша только для научных диспутов, но абсолютно бесполезна для жизни людей. Говоря о бесплодности и многословности философии прошлого, он прежде всего имел в виду средневековых схоластов. Бэкон был уверен, что философия должна быть отделена от богословия.

В ряду философов, подчеркивающих важность *индукции* (правдоподобного рассуждения) как научного метода, Бэкон, пожалуй, был первым. Он понимал недостатки так называемой «индукции через простое перечисление» (типа «Сократ умер; Платон умер; значит, все люди смертны») и пытался найти улучшенный вид индукции. При этом Бэкон явно недооценивал роль, которую играет в науке *дедукция* (логически необходимый вывод), необходимая для проверки гипотез. Он надеялся, что простое упорядочивание фактов сделает правильные гипотезы очевидными, но это редко случается. Формирование гипотез — это наиболее трудная часть научной работы, и та ее часть, где необходимы большие способности.

Бэкон обосновал эмпирический метод познания и описал различные виды опытного знания («плодоносные» и «светоносные»). Он высоко оценивал эмпирический метод за то, что с его помощью можно классифицировать наблюдаемые факты. Объясняя свой метод, Бэкон использует яркие образы: «Мы не должны, говорит он, уподобляться ни паукам, которые ткут нить из самих себя, ни муравьям, которые просто собирают, а быть подобными пчелам, которые и собирают, и упорядочивают»[1].

Одна из наиболее известных частей философии Бэкона — перечень плохих привычек ума, приводящих людей к ошибкам. Бэкон называет их «идолами» («призраками») и описывает пять видов.

---

[1] Цит. по: *Рассел Б.* История западной философии. Т. 2.

1. *Идолы рода* присущи самой природе человека, например, привычка ожидать большего порядка, чем действительно можно найти в явлениях природы.

2. *Идолы пещеры* — это личные суеверия, присущие отдельному исследователю. Человек, помимо общих заблуждений, свойственных человеческому роду, имеет свою собственную пещеру предубеждений.

3. *Идолы рынка* (*площади*) связаны с тиранией слов. «Связь между людьми, — пишет Бэкон, — осуществляется при помощи языка... Слова насилуют разум, мешая рассуждению, увлекая людей бесчисленными противоречиями и неверными заключениями».

4. *Идолы театра* — это заблуждения, основанные на слепой вере в какие-то устоявшиеся философские доктрины или системы (например, философия Аристотеля, учение схоластов).

Как государственный и политический деятель Бэкон был сторонником абсолютистской монархии. В утопической повести «*Новая Атлантида*» он изложил проект государственной организации науки. Бэкон положил начало формированию нового направления в философии, которое позже получило название «философия науки».

Теория государства Гоббса

Английского философа Томаса Гоббса (1588—1679) трудно отнести к какому-либо направлению. С одной стороны, он испытал влияние Бэкона и вслед за ним говорил, что «цель науки — господство». Он также критиковал так называемую «пустую философию», имея в виду прежде всего Аристотеля. С другой стороны, он отдавал должное математике. Он рассматривал геометрию как единственно подлинную науку, созданную до сих пор. Разум является по своей природе исчислением, утверждал Гоббс.

Гоббса можно назвать материалистом: он был уверен, что жизнь есть не что иное, как движение членов тела. Будучи эмпириком, Гоббс был убежден, что наши ощущения возникают под действием (движением) объектов, т.е. цвета, звуки и т.д. не присутствуют в предметах. Последовательность наших мыслей не произвольна, а подчиняется законам — либо законам ассоциации, либо законам, зависящим от цели нашего мышления. В отличие от Платона Гоббс считал, что разум не является врожденным, а развит трудолю-

бием. Рациональное мышление должно начинаться с определений. Но в определениях необходимо избегать внутренне противоречивых понятий, чего обычно не делают философы. Например, понятие «бестелесная субстанция» Гоббс считал бессмыслицей. Согласно номиналистской концепции Гоббса, общие понятия не обладают самостоятельным существованием.

В философии Гоббса наибольший интерес вызывает теория государства, которая является более современной, чем любая предыдущая. Свои взгляды на природу государства Гоббс изложил в книге под названием «*Левиафан*» (непобедимое, извивающееся чудовище, описанное в Библии). Государство — это искусственное создание, утверждает Гоббс, можно сказать, искусственный человек. Верховная власть — это искусственная душа.

В основе политической философии Гоббса лежит убеждение, что все люди равны от природы. Но в естественном состоянии, до того как появляется какая-либо власть, каждый человек хочет не только сохранить свою собственную свободу, но и приобрести господство над другими людьми. В основе этих желаний лежит инстинкт самосохранения, который может привести к войне всех против всех, что делает жизнь «беспросветной, звериной и короткой». В естественном состоянии у людей нет собственности, им незнакомо понятие справедливости. Война правит всем. Чтобы избавиться от бедствий непрекращающейся войны, люди объединяются в общины и подчиняются центральной власти. Гоббс считает, что это происходит в результате общественного договора, т.е. собирается некоторое количество людей, выбирают правителя или верховный орган, который должен будет положить конец всеобщей войне. Скорее всего, Гоббс не рассматривал этот акт как конкретное историческое событие. Для него это некий «объясняющий миф», помогающий понять, почему люди должны подчиняться власти и тем самым ограничить личную свободу. Люди жертвуют частью своей свободы ради самосохранения и спасения от всеобщей войны, происходящей из нашей любви к свободе для себя и к господству над другими.

Рассуждая о достоинствах различных форм государственного устройства, Гоббс отдает предпочтение монархии. Он допускает парламент, но лишь как орган, подчиненный королю, так как Гоббс выступает против разделения власти. Верховная власть одного человека или собрания должна

быть неограниченной. Власть имеет право контролировать общественное мнение, считает философ, так как главный интерес правителя заключается в сохранении внутреннего мира. Все вопросы, связанные с управлением собственностью, контролирует власть, так как собственность возникает лишь с избранием правителя, который может контролировать свое создание, как ему угодно.

Гоббс допускает, что власть может быть деспотичной, оправдывая это тем, что анархия еще хуже деспотизма. Интересным является определение Гоббсом свободы: свобода — это отсутствие внешних препятствий к движению. Таким образом, Гоббс связывает свободу с необходимостью. Он приводит следующий пример: вода *необходимо* течет вниз по склону, когда у нее нет препятствий, и поэтому она свободна. Человек свободен делать то, что он хочет, но вынужден делать, что желает Бог. Каждое желание человека имеет причину, и в этом смысле оно необходимо. В государстве граждане свободны в той сфере, куда не распространяется действие законов.

Гоббс негативно относится к высокой оценке свободы античными философами. Он считает, что культ свободы может стать оправданием для бунтов. Тем не менее он считает, что подданные имеют право самозащиты даже против монархов, так как право самосохранения является абсолютным и лежит в основе учреждения правительства. Человек даже имеет право ради самосохранения отказаться сражаться, когда к этому призывает правительство. Более того, человек не имеет обязанностей перед властью, которая не в состоянии защитить его.

Интересно отношение Гоббса к церкви. Как и большинство англичан, он ненавидел римскую церковь, потому что она ставила духовную власть выше светской. Церковь, по мнению Гоббса, должна зависеть от гражданского правительства. В каждой стране король должен быть главой церкви.

Политическая философия Гоббса до сих пор представляет интерес, так как является ясной и логичной, свободной от суеверий и фантазий. Ограниченность его взглядов проявляется в том, что он словно не видит внутренних противоречий между разными слоями общества, предполагая, что основные интересы всех граждан одинаковы. Во время войны действительно имеется единство интересов, особенно если война жестокая. Но в мирное время противоречия

между интересами одних слоев общества и интересами других его слоев могут быть весьма существенными.

В соответствии со своей доктриной Гоббс считает, что отношения между государствами находятся еще на уровне «естественного состояния», поэтому постоянно случаются войны. Спасением от этого является создание международного правительства.

Декарт: сомнение и метод

Принято считать, что современная философия начинается в XVII в. с французского философа Рене Декарта (1596—1950). Он требовал начинать всякое размышление с основных и бесспорных истин. Но такой истиной является только одна: убеждение о существовании лишь самого себя и своих собственных мыслей. Существование внешнего мира выводилось уже из этого убеждения. На взгляды Декарта глубокое влияние оказали новая физика и астрономия, что выразилось в его стремлении заложить основы принципиально новой, соответствующей науке своего времени философии.

В юности Декарт получил основательные познания в математике; живя в Париже, он много занимался геометрией. В возрасте 21 года он переехал в Голландию. Голландия была, пожалуй, единственной страной в XVII в., где существовала свобода мысли. В 1649 г. по приглашению шведской королевы он переехал в Стокгольм, чтобы давать ей уроки математики. Однако спустя несколько месяцев вследствие тяжелой болезни Декарт умер в возрасте 53 лет.

Наиболее значительным вкладом Декарта в развитие геометрии было употребление им координат, т.е. определение положения точки на плоскости при помощи ее расстояния от двух неподвижных линий. Важным было также создание им аналитической геометрии, хотя и не в совсем законченной форме. Декарт использовал аналитический (гипотетико-дедуктивный) метод, в основе которого лежит предположение, что проблема решена, а затем рассматриваются следствия, вытекающие из этого предположения. В естествознании достижения Декарта не столь значительны, но довольно оригинальны. Так, он рассматривал тела людей и животных как машины. Животных он считал автоматами, полностью подчиняющимися законам физики и лишенными чувств или сознания. Такой подход к объяс-

нению природы, уподобляющий ее механизму, называется *механицизмом*. Люди отличаются от животных тем, считает Декарт, что у них есть душа, которая находится в голове, в шишковидной железе. В ней душа вступает в контакт с так называемыми «жизненными духами», в результате чего осуществляется взаимодействие между душой и телом. Механицистский подход проявляется также в убеждении Декарта, что когда мы будем больше знать, можно будет химию и биологию свести к механике. Он уверен, что процесс развития семени в животное или растение является чисто механическим. В физике Декарт принимает первый закон движения, согласно которому тело, предоставленное самому себе, движется по прямой с постоянной скоростью. В космологии Декарт разрабатывал теорию вихрей: вокруг Солнца существует огромный вихрь в пространстве, наполненном материей, который увлекает вместе с собой и планеты. Эта теория не объясняла, почему планеты движутся по орбитам, которые имеют форму эллипса, а не окружности. В дальнейшем теория вихрей была заменена механикой Ньютона.

Наиболее важными сочинениями Декарта с точки зрения философии являются книги «*Рассуждение о методе*» и «*Метафизические размышления*». Начинаются они с объяснения метода Декарта, который позже стал называться «методом картезианского сомнения». Смысл его в следующем: для того чтобы создать твердый фундамент новой философии, необходимо усомниться во всем, в чем только возможно. Декарт начинает с сомнения относительно чувств, как это делали когда-то скептики, которые возвели сомнение в ранг высшего состояния мысли. Могу я сомневаться, спрашивает себя Декарт, в том, что я сейчас в халате сижу у камина? Да, отвечает он, так как иногда мне снилось, что я сижу у камина, хотя на самом деле я находился в постели. К тому же иногда у людей бывают галлюцинации вследствие болезни или под воздействием особых препаратов.

Чтобы гиперболизировать сомнение, Декарт предполагает, что, возможно, существует злой демон, коварный, лживый и могущественный, который пытается ввести меня в заблуждение. Если бы такой демон существовал, тогда, вероятно, все вещи, которые я вижу, были бы лишь иллюзией. Но ни один демон, уверен Декарт, не смог бы меня обмануть, если бы я не существовал. Возможно, мое тело лишь иллюзия. Но с мыслью дело обстоит иначе. «В то время как я готов мыслить, что все ложно, — утверждает Декарт, — необходимо,

чтобы я, который это мыслит, был чем-нибудь; заметив, что истина “*мыслю, следовательно, я существую*” столь прочна и столь достоверна, что самые причудливые предположения скептиков неспособны ее поколебать, я рассудил, что могу без опасения принять ее за первый искомый мною принцип философии»[1]. Этот принцип — «я мыслю, следовательно, я существую» (лат. *cogito ergo sum*) — делает сознание более достоверным, чем материю, и мое мышление (для меня) более достоверным, чем мышление других людей. В такой позиции присутствует тенденция к субъективизму. Тем не менее, используя методическое и гиперболическое сомнение, Декарт пришел к твердой истине: существование Я было доказано выводом из того факта, что я мыслю. Следовательно, я существую только тогда, когда я мыслю. «Мышление» Декарт понимает в широком смысле: это — и сомнение, и понимание, и восприятие, и утверждение, и отрицание, и желание и воображение, и чувство, так как чувствование, как это случается в снах, является формой мышления. Мысль, по Декарту, является сущностью ума, поэтому ум всегда должен мыслить, даже во время глубокого сна.

Принцип *cogito ergo sum* кажется Декарту очевидным потому, что он ясен и отчетлив. Отсюда Декарт делает вывод: все вещи, которые мы воспринимаем очень ясно и вполне отчетливо, истинны. Ясность и отчетливость восприятия вещей может дать только ум, поэтому результаты чувственного познания Декарт ставит под сомнение.

Метод критического сомнения имел большое философское значение. В V в. его высказывал Августин, однако он не придал ему должного значения. В философии Декарта принцип сомнения стал основополагающим для создания новой философии.

Спиноза: попытка рационализировать этику

Бенедикт Спиноза (1632—1677) — голландский философ еврейского происхождения. Он жил сначала в Амстердаме, а потом в Гааге, зарабатывая себе на жизнь шлифовкой линз. Спинозу можно назвать свободным мыслителем: он не придерживался жестких христианских, иудейских или атеистических взглядов. Политические взгляды Спинозы в основном опираются на идеи Гоббса. Вслед за Гоббсом он считает, что в естественном состоянии (когда еще нет зако-

---

[1] Цит. по: *Рассел Б.* История западной философии. Т. 2. С. 81.

нов) не существует правильного и неправильного, так как неправильное заключается в неповиновении закону. Он так же, как и Гоббс, уверен, что церковь должна быть подчинена государству. Спиноза выступает против всякого восстания народа, даже направленного против плохого правительства, так как власть не может поступать неправильно. Правда, в отличие от Гоббса, Спиноза не считает, что монархия является наиболее естественной формой правления. Он не согласен также с тем, что подданные должны жертвовать всеми своими правами в пользу правителя. В частности, он считает важной свободу мнений и право человека сопротивляться подавлению. Вследствие этого политическую философию Спинозы часто называют «политикой силы и свободы»[1].

В работе «*Этика*» рассматривается онтологическая проблематика, психология аффектов и воли и собственно этика. Этика Спинозы базируется на его онтологии и психологии. В теории аффектов Спиноза исследует человеческие страсти, которые, по его мнению, отвлекают человека от главного и мешают интеллектуальному видению целого. Но Спиноза, подобно стоикам, не возражает против всех аффектов. Он осуждает только те, которые являются «страстями» и подчиняют нашу волю. «Аффект, являющийся страстью, перестает быть ею, как только мы образуем ясную и отчетливую идею его». Мы сможем достичь власти над аффектами, если будем четко понимать, что все, что происходит, является необходимым.

При изложении этики Спиноза использует «геометрический метод» как формальный каркас текста. Очевидно, что он пытается следовать геометрии Евклида, формулируя определения, аксиомы и теоремы. Такой подход становится понятным, если мы вспомним, что XVII в. — это век роста авторитета науки, и Спиноза, как и большинство ученых его времени, уверен, что все можно доказать и поэтому важно дать доказательства. «Геометризированная» система этики Спинозы, доказывающая все моральные принципы исходя из немногих аксиом и определений, не оказала никакого воздействия на реальную моральную жизнь.

С современной точки зрения в «Этике» Спинозы наиболее интересны рассуждения о свободе и рабстве. Мы нахо-

---

[1] См.: *Конт-Спонвиль А.* Сопротивление // Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М. : Этерна Палимпсест, 2012. С. 569.

димся в рабстве настолько, утверждает философ, насколько то, что случается с нами, обусловлено внешними причинами, и свободны соответственно тому, насколько мы действуем по своему усмотрению. Подобно Сократу, Спиноза полагает, что наши неправильные поступки связаны с интеллектуальными ошибками: если мы правильно понимаем окружающие обстоятельства, то действуем разумно и будем счастливы в ситуации, которую другие могут воспринимать как несчастье. При этом Спиноза не призывает к бескорыстию или аскетизму. Спиноза стремится найти средство освободить людей от тирании страха. «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». Не нужно тратить время на переживания о том, что мы смертны. Мучиться страхом смерти — это вид рабства. Это не значит, что не нужно опасаться болезней и других ситуаций, могущих привести к безвременной смерти. Но при этом нужно избегать беспокойства и ужаса, просто спокойно предпринять необходимые меры, а мысли направить на другие дела. Жизнь, над которой господствует единственная страсть, это убогая, неразумная жизнь, поэтому месть как всеподавляющая страсть — не лучшая реакция на обиды.

Этика Спинозы не является назидательным морализаторством, скорее она гармонично сочетает в себе черты утилитаризма и гедонизма. Более того, его этические принципы «в мире горестей... помогают здравомыслию и являются противоядием от паралича абсолютной безнадежности»[1].

Лейбниц: о строении Вселенной и предустановленной гармониии

Немецкий философ XVII в. Г. В. Лейбниц (1646—1716) был также логиком и математиком. Он родился в Лейпциге, в университете изучал право, позже получил научную степень доктора. В 1675—1676 гг. создал исчисление бесконечно малых величин, не зная предшествующую, но не опубликованную работу Ньютона. В Париже Лейбниц познакомился с картезианской философией и под ее влиянием отказался от «ненаучных школ», подразумевая под этим схоластику.

Основные философские взгляды Лейбница изложены в книге «*Монадология*» (1714). Он, как и Декарт, и Спиноза, использует понятие «субстанция», но в отличие от них он

---

[1] *Рассел Б.* История западной философии. Т. 2. С. 97.

верит в бесконечное число субстанций, которые называет «монадами». Монада имеет некоторые свойства физической точки, но только когда ее рассматриваешь абстрактно, на самом деле каждая монада является душой. Можно сказать, что Лейбниц пришел к отрицанию реальности материи и к замене ее бесконечным количеством душ.

В своей теории монад Лейбниц следует убеждению последователей Декарта, что субстанции не могут взаимодействовать. Монады не вступают ни в какие отношения между собой: «Они не имеют окон». Но каждая из них способна отражать Вселенную, потому что Бог дал ей такую природу. Монады образуют иерархию, в которой одни возвышаются над другими по степени ясности и отчетливости отражения Вселенной. Человеческое тело полностью составлено из монад, каждая из которых является душой и каждая из которых бессмертна. Но среди них есть одна высшая монада, которая представляет душу человека. Эта монада обладает не только более ясными восприятиями, но и определяет цели изменений, происходящих в человеческом теле (движение руки, например, и др.).

Лейбниц выдвинул «принцип достаточного основания»: ничто не происходит без какого-либо основания. Требование достаточных или убедительных оснований для знания столь же старо, как и само теоретическое мышление. В ясной форме это требование сформулировал уже Аристотель. Он уточнил одновременно, что в различных областях знания требование достаточности оснований является разным, и не следует от оратора требовать научных доказательств, а от математика — эмоционального убеждения. Лейбниц расширил до предела это теоретико-познавательное положение и придал принципу онтологический смысл: не только знание, но и все другое в мире должно иметь под собой достаточные основания. Все существующее, считал он, имеет достаточные основания для своего существования, в силу чего ни одно явление не может считаться действительным и ни одно утверждение истинным или справедливым без указания его основания. В дальнейшем идея Лейбница понималась по-разному. В частности, А. Шопенгауэр истолковывал ее как положение о необходимой взаимосвязи каждого явления со всеми иными явлениями[1].

---

[1] См.: *Ивин А. А.* Достаточного основания принцип // Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2006. С. 250—251.

Одной из ярких страниц в философии Лейбница является доктрина о многих возможных мирах: существует бесконечное число возможных миров, каждый из которых Бог созерцал прежде, чем сотворил действительный мир. Поскольку Бог олицетворяет собой абсолютное добро, он сотворил лучший из возможных миров. Да, в этом мире есть зло, но его несравнимо меньше, чем в других возможных мирах, поэтому зло нашего мира не может быть аргументом против доброты Бога. Широко известно оптимистическое высказывание Лейбница: «Наш мир — лучший из всех возможных миров». С этим далеко не все были согласны, так, например, Вольтер написал повесть «Кандид, или Оптимизм», высмеивающую безудержный оптимизм Лейбница.

Лейбниц твердо верил в значение логики не только в ее собственной сфере, но и как основания онтологии. Он много работал над математической логикой и мог бы стать ее основателем, если бы опубликовал свои работы. Если бы такая совершенная логика была у нас, говорил он, «мы бы имели возможность рассуждать в области метафизики и нравственности так же, как мы делаем это в области геометрии и математического анализа... Если бы возникли противоречия, нужды в спорах между двумя философами было бы не больше, чем между двумя счетоводами, так как им было бы достаточно взять в руки карандаш, сесть за грифельные доски и сказать друг другу (если они хотят, при наличии доброжелательного свидетеля): давайте подсчитаем»[1].

За пределами Германии философия Лейбница имела мало влияния, так как его идеи казались довольно фантастичными. Но его значение как математика, создавшего исчисление бесконечно малых величин, и основоположника математической логики, важность которой он понял тогда, когда она еще никому не была известна, является очевидным.

Локк: создание критического эмпиризма

Английский философ Джон Локк (1632—1704) детально развил и обосновал идею эмпиризма: все наше знание выводится из опыта. У нас нет врожденных идей, имеются только впечатления, а идеи мы создаем сами, размышляя над своими впечатлениями. Вклад Локка в разработку эмпирической теории познания и идейно-политическую доктрину либерализма невозможно переоценить.

---

[1] Цит. по: *Рассел Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 108.

Недавно изданная книга А. Яковлева, посвященная произведениям Локка, публиковавшимся при его жизни анонимно, симптоматично называется: «Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина»[1].

Социальная философия Локка опиралась на его этическую теорию, в частности, на его мнение, что каждого человека должно побуждать к действию желание счастья или удовольствия. Согласно Локку, люди, объединившись в общество, отказываются не от всех своих прав, а только от одного — права защищаться каждому на свой страх и риск. Благодаря этому они упрочивают остальные свои права. Последние вытекают из совпадающего со здравым смыслом *естественного права*. Оно гласит, что люди равны и независимы, поэтому никто не должен причинять ущерба жизни, здоровью, свободе и имуществу других. Правами граждан устанавливаются пределы власти государства, созданного как раз для защиты данных прав. Правители ответственны перед народом, и если государственная власть действует против своих изначальных целей, граждане имеют право восстать против нее. К естественным правам Локк относит право на жизнь, право на свободу, право на собственность и право на защиту этих прав.

Свобода, по Локку, заключается не в свободе выбора (хотения), а в возможности и способности действовать и воздерживаться от действий. Локк уверен, что монархия не основана на божественном праве, и высказывается за конституционную парламентарную монархию, существующую в Англии. Возникновение государства он объясняет, как и Гоббс, «общественным договором людей». Но если у Гоббса такой договор должен предотвратить «войну всех против всех», то у Локка он призван защищать естественные права людей. Народ является поэтому безусловным сувереном, а правительство подчиняется закону. Законодательная власть в государстве должна быть отделена от исполнительной, чтобы предотвратить злоупотребление властью.

Локк верит в гармонию между личными и общественными интересами, что является характерной чертой либерализма. Идея Локка, что благоразумие является единственной добродетелью, которую надо проповедовать, также широко использовалась для обоснования формировавшегося либерализма.

---

[1] См.: *Яковлев А.* Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013.

Беркли: существовать — значит быть воспринимаемым

С появлением философии Джордж Беркли (1685—1753), англичанина, родившегося в Ирландии, простая и, казалось бы, ясная концепция эмпиризма оказалась на грани здравого смысла.

Если наше знание базируется только на опыте, задается вопросом Беркли, то как мы можем знать, что мир существует, когда мы его не воспринимаем? Мир сводится, таким образом, к фикции. Беркли был, однако, священником (со временем он стал епископом) и не мог допустить исчезновения мира, созданного самим Богом. Мир продолжает существовать, пояснил Беркли, даже когда его никто не воспринимает: мир всегда воспринимается Богом, и это божественное, ни на мгновение не прекращающееся восприятие мира является гарантией непрерывного его существования. Бог является высшим созерцателем созданного им мира.

Философия Беркли может показаться курьезом, но на самом деле она ставит серьезные и глубокие проблемы. Эти проблемы перекликаются даже с современным естествознанием.

Эмпирический вывод Беркли, что постоянно существующей реальности нет, и его парадоксальное разрешение этого вопроса посредством ссылки на вездесущего Бога очень напоминают софистику. При современном понимании мира такой подход может казаться, скорее, интеллектуальным трюком, который больше характерен для Средневековья, чем для нашего времени. Поэтому, пишет П. Стретнер, большим сюрпризом оказывается, когда человек узнает, что физика ядра пришла к тем же выводам, что и Беркли. В соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга мы не можем одновременно определить кинетическую и потенциальную энергию элементарной частицы (т.е. ее местоположение). Если можно определить одну из этих величин (т.е. «ощутить» по Беркли), то другую вычислить невозможно. Таким образом, если говорить упрощенно, можно определить только одну величину, которую мы можем ощутить (к примеру, определить положение частицы), и именно эта величина реальна, а другая (кинетическая энергия: скорость и масса частицы) не существует в той форме, которую мы можем вычислить, дать ей какую-либо характеристику. Мы «знаем» только ту величину, которую чувствуем. Теоретически мы знаем, что есть и другая величина (так, как если

бы она ощущалась всевидящим Богом), но она не может принять какую-либо реальную форму до тех пор, пока мы не станем ощущать ее[1].

Данный Беркли анализ человеческих ощущений убедителен. Что происходит, когда мы чувствуем: смотрим, трогаем, нюхаем и т.д.? В этом процессе участвуют только две сущности: воспринимающий субъект и воспринимаемый объект. Последний для нас — это цвет, форма, запах и т.д. За пределами нашего восприятия понятия материи для нас просто не существует. У того, что мы ощущаем, нет какого-то «абсолютного существования» за рамками нашего восприятия. Само существование этого — наше восприятие, или, как говорит Беркли: «Существовать — значит быть воспринимаемым».

Юм: от эмпиризма к иррационализму

Английский философ Дэвид Юм (1711—1776) развил эмпирическую философию Локка и Беркли до ее логического конца. Придав ей внутреннюю последовательность, Юм сделал ее почти что неправдоподобной.

Свои идеи Юм изложил в «*Трактате о человеческой природе*» (1740). Молодой исследователь ожидал бурной полемики, но его труд никто не заметил. Юм сократил свой «Трактат», и опубликовал «*Исследование о человеческом уме*». Именно эта книга имела успех.

Исследование человеческого ума Юм начинает с описания различия между *впечатлениями* и *идеями*. Это два вида восприятий, но идеи — только слабые образы впечатлений, наблюдаемые при мышлении и рассуждении. Сложные идеи могут не иметь сходства с впечатлениями. Можно вообразить крылатую лошадь, никогда не видев ее, но составные части этой сложной идеи все происходят из впечатлений. Доказательство, что сначала появляются впечатления, получено из опыта: например, человек, слепой от рождения, не имеет впечатлений цвета. Среди идей те, которые сохраняют значительную степень живости первоначальных впечатлений, относятся к *памяти*, другие — к *воображению*. Мы можем создавать и сложные идеи. Они происходят из впечатлений, как и простые идеи, но не обязательно имеют под собой единое впечатление. Например, можно представить себе русалку, соединив в сознании идею рыбы и девушки.

---

[1] *Стретерн П.* Беркли. М. : АСТ-Астрель, 2010. С. 11.

Исходя из понятий идеи и впечатления как единственной основы нашего знания, Юм приходит к поразительным заключениям. Объекты, временная длительность, наше собственное «я», даже причина и следствие — все это ложные понятия. Сам по себе объект нами никогда не воспринимается. У нас есть только впечатления о его цвете, форме, вкусе, материале и так далее. Нет также впечатления, которое соответствовало бы понятию временной длительности. События просто происходят одно за другим. Мы даже не можем сказать, что одно событие вызывает появление другого. Можно наблюдать, что одно явление постоянно следует за другим (зажигание пороха, а затем взрыв), но между ними нет логической связи, нет и логического обоснования, почему это будет происходить так же и в будущем. «У нас нет другого понятия о причине и следствии, — говорит Юм, — чем постоянное появление вместе двух определенных событий». Индукция, или вероятностное рассуждение, путем простого перечисления не имеет логической силы. Рассуждение «Первый увиденный мною лебедь белый; второй — белый; третий — белый; значит, все лебеди белые». Все лебеди считались белыми, пока в Австралии не обнаружили — во времена Юма — черных лебедей. Лебеди не необходимо являются белыми, поджигание пороха не необходимо приводит к его взрыву.

Подход Юма, как кажется, противоречит здравому смыслу. Но очевидно, что он указывает на недостаточность человеческих возможностей в отношении знания. Нам представляется, что мы знаем многое, но на самом деле почти все из нашего знания является только предположением. Пусть надежным, но тем не менее предположением.

В позиции Юма много спорного. Беркли полагался на Бога как на высшего созерцателя мира. По Юму, не существует даже того, что можно бы созерцать. В его теории не нашлось места для таких вещей, как тела, длительность, причина и следствие. Естественно, что в ней не хватило места и для Бога.

До Юма философов часто обвиняли в атеизме, и это обвинение не всегда оказывалось безобидным. Юм был первым, кто во всеуслышание заявил о несостоятельности теологии и безбоязненно согласился с обвинением в атеизме. Это было воспринято как общественный скандал. Но попытки заставить его признать обратное оказались вполне цивилизованными — путем философских аргументов. Британское

общество во времена Юма было уже достаточно толерантным.

С возрастом здоровье Юма постепенно ухудшалось. Распространился слух, что он при смерти, и многие люди захотели узнать, что этот великий атеист скажет на своем смертном ложе. Когда прибывший врач спросил Юма, верит ли тот в возможность загробной жизни, он ответил: «Это так же возможно, как то, что уголь, положенный в огонь, не загорится». После продолжительной болезни Юм умер, не причастившись. Довольно большая толпа собралась у его дома, чтобы посмотреть на похороны «атеиста». Так что он не был таким уж непопулярным среди обычных людей, его не любила только церковь.

Кант прочел «Исследование о человеческом уме» Юма и сказал, что эта книга пробудила его от «догматического сна». В результате Кант создал всеохватывающую философскую систему. За ним последовал Гегель, «породивший величайшего философского динозавра» (П. Стретерн) — метафизическую систему, настолько обширную и сложную, что она была выше понимания простых смертных. Ницше считал, что такие претенциозные попытки способны произвести только нечто нежизнеспособное. «В одной странице Юма, — говорил Ницше, — больше смысла, чем во всех работах Гегеля».

Руссо: просветитель и романтик

Французский философ Жан-Жак Руссо (1712—1778) оказал мощное влияние не только на учение об обществе, но и на литературу, на вкусы, обычаи и политику. Его считают отцом движения романтизма. Известность Руссо была столь широкой, что его до сих пор иногда называют просто Жан-Жаком.

Руссо противоречив: он одновременно просветитель и романтик, индивидуалист и коллективист. Поэтому некоторым он представляется защитником полного растворения индивида в общественной жизни; другие же относят его к либерализму.

Подобно многим другим философам того времени, Руссо говорит о «естественном состоянии», в котором, возможно, когда-то пребывал человек. Естественный человек был целостным, добрым, биологически здоровым, морально честным. В ходе истории он стал злым и несправедливым.

Если раньше он жил чувствами и страстями, то потом стал жить по преимуществу разумом. Нужно отвергнуть разум в пользу сердца и вернуться к прежнему, «естественному человеку», жившему как бы по ту сторону добра и зла. Призыв «Назад к природе!» стал популярным как раз благодаря этим идеям Руссо. Но не все разделяли призыв Руссо. Его старший коллега, французский писатель и философ Вольтер отреагировал на это так: «Господин Руссо призывает нас встать на четвереньки».

Наиболее последовательно социальная философия Руссо излагается им в «Общественном договоре». Но и здесь Руссо постоянно колеблется между свободой, являющейся основной ценностью индивидуализма, и равенством, к которому стремится коллективистическая мысль и которого она готова добиваться даже за счет свободы. Руссо высказывается за демократию, но лишь для небольших государств. В средних государствах наилучшим образом правления является аристократия, в больших — монархия. Неясны и рассуждения Руссо по поводу необходимости разделения властей.

Руссо в принципе отвергает идею исторического прогресса, весьма популярную в это время. Убежденный в порочности цивилизации, он считает искусство ее порождением и требует от него только добродетели, «возвышенной науки простых душ».

Одна из наиболее влиятельных идей Руссо — утверждение суверенитета народа, *принципа народоправия*. Если Монтескье и Вольтер разрабатывали идею конституционной монархии, Руссо предлагает республику, в которой принцип равенства воплощен в государственном законе, а народ постоянно контролирует деятельность своих представителей. Политические и моральные критерии должны быть, по Руссо, едины. Чем выше на общественной лестнице стоит человек, чем большей властью он обладает, тем обязательнее для него требование быть справедливым, честным и не переоценивать себя.

В трактовке общественного договора, ведущего к возникновению власти и государства, Руссо колеблется между Гоббсом и Локком. Можно сказать, что Руссо выступает от имени обездоленных элементов общества и полагает, что существующее неравенство обусловлено возникновением частной собственности. Вместе с собственностью вспыхивает и вражда между людьми. Как только один из них заметил, что лучше иметь две вещи, чем одну, — равенство исчезло,

его уничтожила частная собственность. Ни один гражданин, говорит Руссо, не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя.

Беккариа: критика пыток и смертной казни

В XVIII в. итальянский просветитель Чезаре Беккариа (1738—1794) одним из первых выдвинул веские аргументы против пыток и смертной казни. Если преступление доказано, нет нужды в пытках, как и в самом признании обвиняемого; если оно не доказано, нельзя мучить невиновного. Смертная казнь неприемлема по трем причинам: жизнь — высшее благо, ее насильственное прекращение не подпадает под общественный договор, и она не может отдаваться на произвол способного ошибаться судьи; смертная казнь не удерживает от совершения преступлений, она менее страшна, чем длительное тюремное заключение; ситуация, когда закон запрещает убийство и одновременно предусматривает его в виде наказания, это противоречие в действии. Беккариа оправдывает, однако, убийство в период анархии, когда не действует закон, а также убийство тирана.

Идея запрещения смертной казни вызвала в то время активную полемику. Однако только со второй половины прошлого века это запрещение было введено в странах Западной Европы; в России был наложен мораторий на применение смертной казни. Нужно заметить, что если бы вопрос о смертной казни решался демократическим путем, посредством голосования населения, она и сейчас продолжала бы применяться: большинство людей, как в России, так и в Западной Европе, против отмены смертной казни, во всяком случае, за наиболее тяжкие преступления.

Кант: «звездное небо надо мной и моральный закон во мне»

Немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804) родился в небольшом провинциальном городе Кенигсберге (Восточная Пруссия; в настоящее время — российский город Калининград) и провел в нем всю свою жизнь. Большой домосед, он любил тем не менее читать лекции по географии. Со временем они стали знаменитыми и всегда привлекали толпы людей, не принадлежащих к университету. Лекции читались в течение тридцати лет, за Кантом закре-

пился титул лучшего университетского преподавателя физической географии несмотря на то, что он никогда не видел гор и, возможно, никогда не видел моря, которое было всего в тридцати километрах. Размеренность его жизни со временем стала местной легендой. По словам поэта Генриха Гейне, Кант «вставал, пил кофе, писал, читал лекции, обедал и ужинал, прогуливался — и все в одно и то же время. И когда Кант в своем сером плаще, с тростью в руке появлялся у дверей своего дома и прогуливался по узкой улочке, засаженной липами, соседи знали, что сейчас ровно половина четвертого. И так он прогуливался взад и вперед во все времена года...». С возрастом Кант становился все более погруженным в себя мизантропом. «Жизнь обременяет меня, — признавался он, — я устал от нее». Он, в частности, писал, что удивлен тем, что «разумный человек мог провозгласить в качестве всеобщего практического закона счастье»; счастье и моральность в основе своей не имеют ничего общего.

До знакомства с философскими идеями Юма Кант писал интересные, но не выдающиеся статьи. Он был одним из тех, кто пытался развить гипотезу о происхождении Солнечной системы из туманностей.

Познакомившись с идеями Юма, Кант, как он сам признавался, «пробудился от догматического сна». Он пришел к мысли, что можно создать философскую (метафизическую) систему, которая дает ответ на деструктивный скептицизм Юма, угрожающий уничтожить метафизику навсегда. Кант опубликовал свой трактат «*Критика чистого разума*» (1781), являющийся самым важным его произведением. Он согласился с Юмом и эмпиризмом, что нет такой вещи, как врожденные идеи, но одновременно отрицал, что все без исключения наше знание происходит из опыта. Кант выдвинул идею о существовании *доопытного знания*, причем такого знания, которое является необходимым и которому должен соответствовать сам наш опыт.

Пространство и время, говорит Кант, субъективны. Это наши способы восприятия мира, своего рода очки, которые мы не в силах снять и без которых мы не способны понять опыт. Помимо пространства и времени есть также различные *категории*, которые мы познаем только силами нашего разума и совершенно независимо от чувств. Эти категории включают в себя такие фундаментальные понятия, как качество, количество, причинность, существование, отношение и т.д. Они тоже своего рода очки, которые невозможно снять.

Мы не способны видеть мир иначе как в терминах качества, количества, причинности и т.д. Однако через эти очки мы можем видеть только явления мира, но никогда не сам по себе мир.

Время, пространство и категории могут быть применены только к явлениям опыта. Если же применять их к объектам, которые не воспринимаются, неизбежно появление антиномий — противоречащих друг другу утверждений, с равной силой доказуемых средствами разума.

Все суждения, которые мы высказываем, говорит Кант, делятся на *аналитические* и *синтетические*. Первые истинны независимы от опыта, поскольку утверждаемое ими знание уже содержится в предшествующих понятиях; вторые дают новое знание, не вытекающее из предшествующих понятий, и потому зависят от опыта. Например, предложение «Шар круглый» является аналитическим, так как понятие «круглый» уже содержится в понятии «шар»: шар не может быть не круглым. Но предложение «Шар сияет» является синтетическим: оно говорит о шаре нечто большее, чем заключающийся в исходном понятии «шара» смысл. Синтетическими являются также суждения «Эта лошадь серая» и «Эта лошадь выиграла приз». Априорные суждения являются общими и необходимыми, их нельзя отрицать без логического противоречия. Они должны существовать до всякого опыта.

Различие между аналитическими и синтетическими суждениями было известно задолго до Канта, но он использовал это различие новаторски. Он выдвинул идею, что есть синтетические суждения, являющиеся априорно истинными, т.е. истинными до всякого опыта. Как это, однако, возможно?

Вопрос о возможности синтетического априорного знания — основной вопрос философии Канта. В сущности, возможность такого знания затирает кажущееся первоначально ясным различие между аналитическими и синтетическими истинами. Как всякие научные суждения, синтетические априорные суждения должны быть неопровержимыми общими истинами. Другими словами, они должны иметь ту же самую силу, как и аналитические предложения, хотя и являются синтетическими. И они должны быть совместимыми с опытом, хотя и предшествуют ему.

Кант задает свой основной вопрос применительно к математике, физике и метафизике, т.е. знанию, стоящему «над физикой». Математика имеет дело с пространством

и временем. Но пространство и время, в отличие от явлений, на самом деле априорны, т.е. не являются частью нашего опыта. Они — необходимые предшествующие условия всякого опыта. Невозможно иметь никакого опыта без этих «форм чувственности», как называет их Кант.

Предложения физики тоже априорные суждения. Они классифицируют эмпирические суждения и, следовательно, являются синтетическими, но используют при этом понятия, которые даны до опыта, и значит, являются априорными. Эти понятия Кант называет «категориями нашего рассудка». Они очень похожи на пространство и время в математике. «Категории» представляют собой основу нашего знания. Они состоят из таких классов, как качество, количество, отношение (включая причинность) и модальности (такие как существование и несуществование). Они не являются частью нашего опыта, и все же никакой опыт без них невозможен.

В метафизике (философии) верно, однако, противоположное. Она не имеет ничего общего с опытом (ведь она «после физики»). Мы не можем применять категории, подобные качеству и количеству, к метафизике, поскольку они являются условием опытного знания. В этом смысле метафизика невозможна, и Кант отрицает ее.

Делая это, Кант как будто не замечает, что он создает свою собственную, альтернативную систему метафизики. Сам метод, при помощи которого он рассматривает «формы чувственности» (пространство и время) и «категории рассудка» (существование, необходимость и т.д.), является по своей сути метафизическим. Доводы, приводимые против метафизики, применимы и к самим себе: о них невозможно высказывать синтетических априорных утверждений.

Согласно Канту, мы никогда не сможем познать действительный мир. Все, что нами воспринимается, представляет собой только явления. Но то, что порождает наши восприятия, оказывается *вещью-в-себе*, всегда остающейся непознанной. Остается непонятным, почему эта вещь-в-себе в чем-то соответствует нашему восприятию. Явление воспринимается через посредство категорий, но они не имеют никакой связи с вещью-в-себе. Она остается по ту сторону количества, качества, отношения и других категорий.

Кант построил **этику долга**, исходящую из убеждения, что всякая личность — самоцель, и никогда не должна рассматриваться как средство. Основным законом этики является, по Канту, формальное внутреннее повеление, **катего-**

рический императив. Он требует: поступай только согласно такому правилу, относительно которого ты можешь пожелать, чтобы оно стало всеобщим законом. В качестве примера действия категорического императива Кант приводит правило: не следует занимать деньги. Если бы все брали в долг, то просто не осталось бы денег, чтобы занимать.

Категорический императив казался Канту априорным принципом всех моральных поступков, правилом, определяющим рамки всего нашего этического мышления (практического разума), при этом правилом, не наделенным каким-то конкретным моральным содержанием. Поступать следует в соответствии с долгом, а не в соответствии с чувствами. Необходимо заметить, что не существует единственного морального принципа, из которого вытекала бы вся этика.

В эстетике Кант идет примерно таким же путем, как в этике: он ищет общий априорный, независимый от опыта принцип, который делает возможным одинаковое для всех людей чувство прекрасного.

Кант много занимался проблемами социальной философии. Величайшей задачей человеческого рода он считал достижение всеобщего правового гражданского состояния. На склоне лет он написал трактат «О вечном мире», защищающий федерацию свободных государств, связанных между собой договором, запрещающим войну. После 1933 г. в нацистской Германии идеи, изложенные в трактате, и имя его автора были подвергнуты остракизму.

Кант отвергал все разумные аргументы как в пользу, так и против существования Бога. Все так называемые «доказательства существования» Бога содержат явные ошибки. Бог не дан нам в опыте, и мы не вправе применять к нему категорию существования. Поскольку понятие Бога является метафизическим, нельзя высказать научного, т.е. проверяемого, суждения о нем: все категории относятся только к опыту. Разговор о существовании или несуществовании Бога — результат неправильного применения категорий. Правительство обвинило Канта в злонамеренном использовании своей философии против Библии, когда обнаружилось, что он отрицает какие бы то ни было доказательства существования Бога. Канту пришлось дать клятву, что он не будет писать и читать лекций на религиозные темы. Он даже написал письмо королю, дав слово, что подчинится этому приказу. После смерти короля Кант, как кажется, уже не считал себя связанным этой клятвой.

В своей этической теории Кант тем не менее вводит не только постулат о существовании Бога, но и постулат о бессмертии человеческой души. Задача Бога — воздавать всем по заслугам (реализовать принцип справедливости), но не в этом, земном несовершенном мире, а в ином, совершенном мире, где реализуется все разумное, невозможное в земном мире.

4.3. Философия XIX века

Развитие философии в XIX в. имеет существенные особенности по сравнению с предшествующим периодом. В этом веке вышли на интеллектуальную арену Россия и Америка. Европа благодаря распространению романтизма познакомилась с индийской философией. Бурное развитие науки и машинного производства меняло общественную структуру и представление о месте человека в мире. Настроениями протеста против традиционных схем мышления были пронизаны философские и политические концепции.

Английский утилитаризм: Бентам и Милль

Утилитаризм (от лат. *utilitas* — польза) — направление в философии, основы которого были изложены Иеремей Бентамом (1748—1832) в трактате «*Введение в принципы нравственности и законодательства*» (1780). Далее это направление было развито в его классическом виде Джоном Стюартом Миллем (1806—1873). Милль сформулировал основные аргументы утилитаризма против многочисленных критиков и, в частности, против последователей Канта.

Согласно утилитаризму, в основе морали лежит общее благо (как счастье большинства людей), которое Бентам называл «общей пользой», отличая ее от корысти или личной выгоды. Под принципом пользы он понимал принцип выбора действий и оценки поступков, который ориентирует на максимально большое благо. Если действие касается интересов сообщества, то речь идет о пользе (счастье) сообщества, если интересов индивида, то — о пользе индивида.

Согласно утилитаризму, все люди стремятся к удовлетворению своих желаний. Счастье, или польза, заключается в удовольствии, но при отсутствии страдания, т.е. счастье заключается в чистом, длительном и непрерывном удовольствии. И удовольствие, и польза понимаются в утилитаризме

в широком смысле: под наслаждением понимаются всякие наслаждения, в том числе чувственные, под пользой понимается всякая польза, в том числе выгода.

Утилитаризм — это теория, направленная против эгоизма. Приемлемость в каждом конкретном случае получаемого удовольствия или выгоды определяется тем, содействуют ли они достижению высшей цели. На этом же основываются оценки явлений и событий как хороших или дурных. При этом человек должен, имея в виду высший нравственный принцип, стремиться обеспечить хотя бы свое частное благо. Таким образом, в духе протестантской этики предполагается, что человек должен исполнить в первую очередь свое профессиональное и социальное предназначение, но исполнить его с чистыми руками, по совести, добродетельно.

Мораль определяется Миллем как «такие правила для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых доставляется всему человечеству существование, наиболее свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями». Три фактора, по Миллю, препятствуют осуществлению принципа пользы или человеческому счастью: себялюбие людей, недостаток умственного развития и дурные государственные законы.

Права человека, по Миллю, выступают неким стандартом, выполнение которого вменяется каждому в обязанность. Бентам же, будучи демократом и либералом, вместе с тем, как это ни странно, не соглашался с учением о правах человека, которое он прямо характеризовал как «бессмыслицу». Критерий морали, по Бентаму, — «достижение пользы, выгоды, удовольствия, добра и счастья».

Гегель: диалектика и смысл истории

Философия немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831) является одной из самых сложных и запутанных философских концепций. Ее можно, однако, свести к следующим трем основным, хотя и не очень ясным моментам.

1. Реальность, или мир, — это процесс самопознания и тем самым самореализации бесконечного «абсолютного духа» (Абсолюта, или Бога, хотя о последнем Гегель обычно избегает говорить прямо); можно поэтому сказать: «Все есть мысль».

2. Сама жизнь «духа» есть диалектика — универсальная теория развития как самодвижения; «духовность» означает, таким образом, «диалектичность».

3. Диалектика носит спекулятивный, или умозрительный, характер и не может быть проверена в опыте.

Рассмотрим вначале диалектику, являющуюся, по Гегелю, высшим законом всего реального. Прежде всего нужно отметить, что факты малозначительны для диалектики, она не стремится установить, что конкретно происходит в мире. Ее задача — обнаружить общий план мировых событий, найти сущность мира вне его самого, пренебрегая конкретными событиями. Можно сразу же заметить, что ученому, заботящемуся о точности в передаче фактов, такой подход, ориентирующийся не на конкретное исследование, а лишь на прослеживание на эмпирическом материале общих, не зависящих от него схем, кажется не просто неудовлетворительным, но преднамеренно и отталкивающе ложным.

Основной принцип гегелевской диалектики — закон единства и борьбы противоположностей — провозглашает сближение и отождествление противоположностей: имеющегося в разуме и существующего в действительности, количества и качества, исторического и логического, свободы и необходимости и т.д. Диалектика предстает как сочетание твердости ума с его софистической гибкостью. Результатом ее применения к осмыслению социальных процессов является двойственность, мистифицированность всех реальных структур и отношений.

Отличительной чертой диалектики, тесно связанной с законом единства и борьбы противоположностей, является *триадическое движение*, само иногда именуемое «диалектикой». Согласно Гегелю, всякое развитие слагается из трех этапов: тезиса, антитезиса и синтеза. Рассел так со скрытой иронией иллюстрирует триадическое движение. «Во-первых, мы говорим: “Реальность есть дядя”. Это — тезис. Но из существования дяди следует существование племянника. Поскольку не существует ничего реального, кроме Абсолюта, а мы теперь ручаемся за существование племянника, мы должны заключить: “Абсолют есть племянник”. Это — антитезис. Но существует такое же возражение против этого, как и против того, что Абсолют — это дядя. Следовательно, мы приходим к взгляду, что Абсолют — это целое, состоящее из дяди и племянника. Это — синтез. Но этот синтез еще не удовлетворителен, потому что

человек может быть дядей, только если он имеет брата или сестру, которые являются родителями племянника. Следовательно, мы приходим к тому, чтобы расширить нашу вселенную, включив брата или сестру, с его женой или ее мужем. Считается, что таким способом одной лишь силой логики мы можем прийти от любого предлагаемого свойства Абсолюта к конечному выводу диалектики, который называется “абсолютной идеей”. Через весь этот процесс проходит основополагающее предположение, что ничто не может быть действительно истинным, если оно не рассматривается относительно реальности как целого»[1].

Хорошей иллюстрацией приложения диалектики в философских рассуждениях служит социальная философия самого Гегеля. Сущность материи, утверждает Гегель, — тяжесть, сущность духа — свобода. История оказывается в результате некоторого рода гигантским умозаключением, имеющим своей целью познание свободы. В развитии духа выделяются три фазы: восточная, греко-римская и германская. Все остальные регионы и народы остаются, в сущности, вне истории, составляют ее балласт. Восток знал, говорит Гегель, что только один свободен; греческий и римский мир знал, что некоторые свободны; германский народ знает, что все свободны. Общим законом исторического развития является, таким образом, прогресс, но не простой, а «диалектический» прогресс, при котором германская монархия оказывается высшей точкой как в познании свободы, так и в ее воплощении. Свобода тоже понимается диалектически: она означает право подчиняться закону, и оказывается, что везде, где есть закон, есть и свобода. К примеру, заключенный, сидящий в тюремной камере за признанное им самим преступление, вполне свободен.

В мире сейчас существует около двухсот пятидесяти государств, и каждое из них имеет свои законы. Но в каждом ли из этих государств есть свобода? Разумеется, нет. Все зависит от того, что представляют собой принятые в них законы: есть законы, способствующие свободе индивида, и есть законы, закабаляющие его.

Принципом исторического развития является, по Гегелю, *национальный дух*. В каждый период истории есть определенная нация, реализующая ту стадию развития, которой достигло человечество. В современной истории такой нацией

---

[1] *Рассел Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 247.

является Германия. Национальный дух воплощается в государстве, которое есть наличная, действительно нравственная жизнь. Государство — это божественная идея, как она существует на земле. Оно — разумная, объективно себя осознающая и для себя сущая свобода. Каждое государство является естественным врагом всех иных государств и должно утверждать свое существование посредством войны. К государству неприменимы никакие моральные ограничения, его оправданием является только исторический успех. Война, особенно война молодых наций против старых, вполне допустима. Более того, три вещи наиболее ценны: война, судьба и слава. Конфликты государств разрешаются только в военном столкновении. Мир — это окостенение, война же позволяет серьезно воспринять повседневную жизнь. Отношения между государствами не являются правовыми или нравственными, поскольку высший закон каждого государства — его собственный интерес. Война сохраняет нравственное здоровье народов, уберегает их от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного мира. Соответственно, принципом достойной уважения жизни и идеалом «героического человека», противостоящего мелкой посредственности, является максима: «Живи, рискуя».

Если государство внеморально, то и великие люди своего времени, высказывающие то, что оно хочет, и понимающие то, что нужно, также стоят вне морали. Против них не должны раздаваться скучные упреки в недостатке скромности, смирения, любви к людям и сострадательности. Великая личность вправе растоптать и сокрушить едва ли не все на своем пути.

Таким образом, для социальной философии Гегеля характерны: национализм, доходящий до идеи, что одна избранная нация обречена на мировое господство; восхваление государства как высшей ценности; освобождение государства от любых моральных ограничений и обязательств; превознесение войны как естественного способа разрешения конфликтов между государствами; восхваление «всемирно-исторических личностей», умеющих не обращать внимания на нормы морали и общественное мнение; концепция человека как не столько разумного существа, сколько «героического животного», презирающего обычную, мелкую, материалистическую жизнь.

Современник Гегеля А. Шопенгауэр писал о нем, что он оказал опустошающее или, точнее говоря, оглупляющее влияние на философию и все другие формы культуры.

Марксизм: обоснование радикального социализма

Немецкий философ, последователь Гегеля, **Карл Маркс** (1818—1883) является одним из наиболее глубоких критиков капитализма и основателей современного радикального социализма. Творчество Маркса оказало глубокое воздействие на социальную мысль и социальные движения конца XIX— начала XX вв. Вместе со своим другом Ф. Энгельсом он написал по просьбе только что организовавшегося международного Союза коммунистов «Манифест Коммунистической партии» (1848). В нем говорилось, в частности, что коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: «Уничтожение частной собственности».

Главным трудом Маркса был «Капитал», первый том которого вышел в 1867 г. Второй и третий тома были подготовлены для печати и изданы Энгельсом уже после смерти Маркса. Эта сложная работа долгое время считалась основной книгой массового, энтузиастического коммунистического движения. «Подобно Библии, дремлющей на полках у многих христиан, которые ее никогда оттуда не снимают, такую книгу не обязательно читать и понимать» (Д. Уатт).

Социальная философия Маркса складывалась, прежде всего, под воздействием Гегеля, французских социальных утопий (К. А. Сен-Симон, Ф. М. Ш. Фурье) и английского утилитаризма. Эти три круга идей Маркс подверг, однако, резкой, иногда просто уничижительной критике; он, скорее, отталкивался от них в поисках собственного решения, чем пытался развить их.

Согласно Марксу, человеческая история представляет собой процесс смены *общественно-экономических формаций*. Он начинается с первобытно-общинной формации и затем последовательно проходит четыре стадии: рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Элементы формационного подхода были уже у Гегеля, однако Маркс внес в понятие формации принципиальную новизну: развитие общества обусловлено в первую очередь противоречиями между составляющими способ производства производительными силами и производственными отношениями. Этот новый момент, делающий экономическую жизнь определяющей стороной всякой культуры, принято называть *экономическим детерминизмом*. Сам Маркс делал, впрочем, некоторые оговорки относительно того, что экономический фундамент общества испытывает на себе

известное обратное воздействие других сфер социальной жизни.

Основной темой творчества Маркса являлся критический анализ современного ему капитализма и поиски путей перехода к более совершенному общественному устройству — коммунизму, «фантастическому миру, где все люди будут счастливы» (К. Ясперс). Марксу казалось очевидным то, что опровергло затем развитие экономики постиндустриального общества: при коммунизме богатства польются непрерывным потоком, поскольку централизованная экономика с обобществленными средствами производства способна обеспечить гораздо более высокую производительность труда, чем рыночная, конкурентная экономика, опирающаяся на частную собственность. Это — одна из основных ошибок учения Маркса о коммунизме.

Концепция коммунизма, своего рода рая на земле, зародилась задолго до Маркса, но была радикально переосмыслена им. Эта концепция и сейчас вызывает острые споры.

Совершенно очевидно, что «миф» о коммунизме постепенно вызревал в глубинах социальной жизни. Маркс только придал этому смутному социальному пожеланию более совершенную форму «общего учения». Он одним из первых убедительно показал, что в индустриальном обществе реальной противоположностью капитализма способен быть только социализм.

Идеи Маркса послужили отправным моментом для формирования нескольких несовместимых друг с другом течений мысли. Марксизм-ленинизм сделал основной упор на диалектику, социалистическую революцию и диктатуру пролетариата; западный неомарксизм почти полностью отказался от представления о пролетариате как могильщике капитализма и сосредоточил свое внимание на понятиях практики, отчуждения, на абстрактной критике капитализма, на «негативной диалектике», включающей единственный принцип: всякое развитие отрицает свои предшествующие ступени.

Влияние идей Маркса было продолжительным и устойчивым в России, Германии, Франции. Но в Англии и в США воздействие этих идей не было сколько-нибудь существенным. Европейскому мышлению, говорит современный американский философ Р. Рорти, присущ определенный пиетет, не позволяющий игнорировать Маркса. Вы должны найти что-нибудь положительное в его творчестве, пусть

даже только в ранних сочинениях. В Америке этого никогда не было. Можно сказать, что здесь никого не интересует, читали ли вы Маркса или нет[1].

Конт и зарождение позитивизма

Середина и конец XIX в. были в Европе периодом спокойствия и эффективного индустриального развития. Применение научных открытий преобразило весь мир производства. Менялся образ жизни, реализовывались грандиозные технологические проекты, подобные строительству Эйфелевой башни и Суэцкого канала. Научный и социальный прогресс казался безостановочным. Индустриализация сопровождалась определенными негативными последствиями, подобными утрате социального равновесия и обнищанию пролетариата.

Реакция на социальные издержки индустриализации была двоякой. Социал-демократы и социальные философы, тяготевшие к *позитивизму*, считали недостатки растущего капитализма временными и преходящими. Социалисты (коммунисты) видели в этих недостатках неизлечимые пороки капитализма и предсказывали, как это делал Маркс, его неминуемый скорый крах.

Позитивизм, превозносивший науку как единственное средство решения всех проблем, веками мучивших человечество, во Франции был представлен **Огюстом Контом** (1798—1857), в Англии — **Джоном Миллем** и **Гербертом Спенсером** (1820—1903). Для позитивизма характерны вера в неуклонный прогресс, грядущее благосостояние и человеческую солидарность. Позитивизм оказал существенное влияние на либерализм, в то время как марксизм послужил теоретической основой социализма коммунистического толка.

Согласно Конту, общество находится в состоянии кризиса, вызванного противоречиями между исчезающим теологическим и военным общественным строем и рождающимся научным и индустриальным строем. Победа последнего неизбежна, хотя она может быть отсрочена или ускорена. Основным ее условием является интеллектуальная реформа, но не революция и насилие. Необходимо создание «социальной физики», или *социологии* (термин введен самим Контом), способной служить единственным прочным фунда-

---

[1] См.: *Боррадори Д*. Американский философ. М., 1998. С. 136.

ментом реорганизации общества и преодоления социальных и политических кризисов. Научная социология должна, как и всякая наука, выявлять и формулировать законы социального развития и обеспечивать на этой основе предвидение будущего развития общества.

Вслед за Бэконом и Декартом Конт полагает, что именно наука дает человеку господство над природой. В социальной динамике, описываемой социологией, можно выявить общие законы социального развития. Главные из таких законов, полагает Конт, — это *закон трех стадий* и *закон прогресса*. Согласно закону трех стадий, как душа отдельного человека, так и человечество в целом проходят три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную (иногда их называют примитивной, промежуточной и научной). На теологической стадии человек рассматривает явления как результат прямого и непрерывного действия сверхъестественных существ или сил, сравнимых с самим человеком. На метафизической стадии человек взывает к абстрактным сущностям, идеям и силам (тела соединяются благодаря «симпатии», растения растут благодаря особой «вегетативной душе» и т.п.). На позитивной стадии человек ограничивается наблюдением за явлениями и обнаружением законов, управляющих ими. Восторжествовав сначала в математике, астрономии, физике, химии и биологии, позитивный образ мышления должен, в конечном счете, победить и в области исследований общества и привести к созданию позитивной науки о нем — социологии. Последняя должна стать основой рациональной политики. Хотя развитие человечества идет от теологической стадии к позитивной, Конт подчеркивает значение традиции в развитии общества: «Человечество состоит более из мертвых, чем живых».

Кьеркегор: человеческое существование

Современная философия начала формироваться во второй половине XIX в. В числе ее непосредственных предшественников С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Ф. М. Достоевский. Уже в их работах наметился отказ от «философского системотворчества», результатом которого были грандиозные философские системы. Эти системы охватывали все, о чем только можно подумать, но в них не было главного — человека.

Наиболее известной и популярной из таких систем являлась система Гегеля. Естественно, что критика спекулятив-

ного «системотворчества» началась именно с нее. Кьеркегор и Шопенгауэр первыми резко выступили против философии Гегеля. Их голоса не сразу были услышаны. Влияние Гегеля какое-то время оставалось существенным не только в Германии, но и в некоторых европейских странах.

Датский философ, теолог и писатель Сёрен Кьеркегор (1813—1885) предпринял дерзкую попытку атаковать спекулятивную философию в лице самого могучего ее представителя. И до Гегеля, пишет Кьеркегор, немало было философов, пытавшихся объяснить ход истории. Но Гегель, заявляет Кьеркегор, оставил в стороне главное — конкретного человека. Если у философа есть только понятия, у него нет конкретных существ, «Я» и «Ты» в своей неповторимости и незаменимости. Но когда человеческое существование (экзистенцию) и все человеческое пытаются запрятать в клетку системы, результат получается комический. Философия, строящая всеобъемлющие системы, подобные гегелевской, на деле смехотворна: она говорит об Абсолюте, потеряв из виду человека. Доктрины, упускающие свой главный предмет, подобны, заключает Кьеркегор, «вороне и сыру, выпавшему изо рта в момент приступа красноречия». «Единичный», индивид — вот категория, с точки зрения которой следует рассматривать время, историю, человечество. Кьеркегор, не занимаясь непосредственно экономическими или социально-политическими проблемами, попытался ответить на вопросы, связанные с кризисом личности, что в дальнейшем стало одной из основных тем европейской философии XX века[1].

Шопенгауэр: мир как воля и представление

Немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788—1860) является одним из первых последовательных критиков Гегеля и создателем оригинальной философской концепции, кладущей в основание мира не определимую в понятиях волю. Известность пришла к Шопенгауэру только в конце его жизни. Это было особенно обидно и потому, что еще в молодости Шопенгауэр создал философскую концепцию, изложенную им в книге «*Мир как воля и представление*» (1819).

Философия Шопенгауэра опиралась на два принципа: мир — это воля в себе и одновременно мир — это представле-

[1] См.: *Гайденко П. П.* Трагедия эстетизма. О миросозерцании Сёрена Киркегора. М. : Республика, 1997.

ние для меня. Всякое тело есть объективация воли, а воля — в-себе-бытие тела. Воля, известная человеку по самому себе, представляет собой внутреннюю сущность всех сил: силы, побуждающей развиваться растения; силы, благодаря которой происходит кристаллизация; силы, влекущей магнит к Северному полюсу; даже силы тяжести, действующей во всей материи и к устремляющий камень к земле, а Землю — к Солнцу. Воля лежит вне всякого времени и пространства, она не подчиняется причинности, не имеет основания и цели. Объекты, определенные благодаря пространству и времени (представления), исследуются наукой, исходящей из принципа причинности. Только гений искусства, способный к чистому созерцанию и наделенный необычной фантазией, в состоянии познать вечную идею и выразить ее в поэзии, изобразительном искусстве, музыке. Воля всегда находится в стремлении, стремление — ее единственная сущность. Им не ставится никакая достижимая цель, и оно не способно ни к какому конечному удовлетворению, т.е. счастью.

Философия Шопенгауэра глубоко пессимистична, но это своеобразный «оптимистичный пессимизм». С присущим ему художественным талантом Шопенгауэр ярко рисует жизненные страдания во всех их формах и действиях, страдания, от которых нет иного спасения, кроме уничтожения воли к жизни, перехода в небытие (нирвану). Уничтожение имеет своим следствием справедливость и сострадание, являющееся фундаментом морали. Чувство сострадания, подчеркивает Шопенгауэр, относится не только к человеку, но равным образом и к животным.

Понятия бессмертной души, божественной цели и достоинства человека не существуют для Шопенгауэра. Человек — это часть природы, и разум дает ему лишь незначительное преимущество перед другими живыми существами. Представитель человеческого рода является беспокойным животным, которое борется и страдает, чья сущность выражена в сексуальности и эгоизме. В жизни нет цели, человек находится в затруднительном положении, поскольку само его существование является проблемой. Только гениальность и святость, эстетическое восприятие и преодоление индивидуализма открывают путь к спасению.

В конце XIX и начале XX столетия Шопенгауэр занимал важнейшее место в европейской культуре. Под его влиянием находился композитор Р. Вагнер, на которого, очевидно, особое воздействие оказали влияние мысли Шопенгауэра

о музыке как прямом, непосредственном выражении усилий воли, а также идея отречения от воли. Шопенгауэра с увлечением читали Ф. Ницше и Л. Толстой, Т. Манн и М. Пруст, молодой Л. Витгенштейн, Г. Малер, Р. Штраус, И. В. Тургенев, Ч. Беккет, Г. Борхес и др. В пьесе А. П. Чехова «Иванов» один из героев упоминает Шопенгауэра как выдающегося мыслителя. Обаяние работ Шопенгауэра во многом объясняется его литературным мастерством. Для произведений Шопенгауэра характерны прекрасный прозаический стиль, понимание законов композиции и драматургии — каждое очередное высказывание поражает своей образностью и приурочивается к тому моменту, когда может произвести максимальный эффект. Все это делает переход от систематического философского исследования к роману или опере почти настолько же плавным, насколько это вообще возможно[1]. Самое сильное впечатление производили эстетическая теория Шопенгауэра, его философия музыки, понимание бессознательного, интерпретация непреодолимого сексуального влечения, пессимизма и решение вопроса о ценности человеческого существования.

Творчество Шопенгауэра заставляет еще раз вернуться к мысли о предмете философии: современная философия определенно располагается не между наукой и теологией, как иногда считают, а скорее, между наукой и художественной литературой и, более широко, искусством.

Ницше: сверхчеловек и воля к власти

Немецкий философ Фридрих Ницше (1844—1900) на первых порах был последователем Шопенгауэра. Однако в процессе формирования своих философских взглядов стал достаточно критично относиться к своему предшественнику. Ницше считает учение Шопенгауэра средством выражения его собственной индивидуальности. Постижение всей глубины шопенгауэровского видения — необходимый шаг, но должна все-таки существовать альтернатива «жизнененавистнической» позиции, выражающейся в стремлении избавиться от воли и презрения к человеческой природе. Решение Ницше является простым и радикальным: необходимо активное самоутверждение («Стань тем, кто ты есть!»), распространяющееся также на собственную боль

---

[1] См.: *Дженауэй К.* Шопенгауэр. М., 2009. С. 172.

и даже на собственную жестокость, поскольку они часть нас самих. Из шопенгауэровского понятия «воля к жизни» Ницше выводит понятие *воли к власти* и пытается представить эту волю как основную движущую силу, определяющую не только человеческое поведение, но и в некотором смысле жизнь Вселенной. Воля к власти — не политический принцип, а попытка связать поведение, образ мыслей и культурные ценности человека с основополагающим стремлением к размножению и власти над миром и над самим собой. Мысли Шопенгауэра о том, что миропорядок определяется разумом живых существ, принадлежащих к определенному биологическому виду, преломилась в утверждении Ницше, что не существует абсолютных истин и ценностей, а есть только наши собственные представления и выдумки, помогающие нам справляться с жизнью. Аскетический идеал Шопенгауэра Ницше считает основополагающим для западной культуры: «Человек предпочтет скорее хотеть ничто, чем ничего не хотеть».

Хотя взгляды Ницше достаточно последовательны, нельзя сказать, что он создал какие-то новые системы или теории в онтологии или эпистемологии. Ницше не был философом академического склада, он любил говорить парадоксами, часто шокируя читателей. Наиболее значительными являются идеи Ницше в области этики и критики религии. Часто философию Ницше называют «переоценкой всех ценностей».

Отказ от вечных ценностей толкает Ницше к выдвижению парадоксального тезиса о смерти Бога. «Кто его убил? — ставит вопрос Ницше. — Я вам скажу. Это мы его убили: я и вы. Мы — его убийцы». Убийство Бога заключалось в последовательном отказе от ценностей, которые всегда лежали в основании западной цивилизации. Человек постепенно устранил мир сверхъестественного и все, что с ним связано, — идеалы, ценности. Бог исчез вместе с миром сверхъестественного. С ним исчез старый человек, а нового еще нет.

Атакуя христианство, Ницше не останавливается в почтении и перед традиционной моралью. Он видит в ней «мораль рабов и побежденных слабаков, восставших против всего благородно красивого и аристократического». Но необходимо отметить, что этика Ницше не является этикой самооправдания. Самые жесткие требования Ницше призывает человека предъявлять к себе. Парадоксальный совет Ницше «Падающего — подтолкни!» означает необходимость воспи-

тать в себе необычайную силу воли, которая поможет человеку выжить в самых сложных обстоятельствах. Силу воли в человеке Ницше ставит превыше всего.

Предшественники современной философии сделали многое для того, чтобы она оказалась совершенно непохожей на философию Нового времени. Они заложили основы *философии иррационализма* — концепции, отрицающей возможность разумного познания действительности или существенным образом ограничивающей такую возможность. Отрицая или принижая рациональное познание, иррационализм выдвигает на первый плен внерациональные аспекты духовной жизни человека: инстинкт, интуицию, чувство, волю, мистическое озарение, воображение, любовь, бессознательное и т.п. Обычно иррационализм утверждает алогичный, иррациональный характер самой действительности. Это исключает ее познание с помощью разума или делает такое познание второстепенным.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные характеристики ренессансного стиля мышления, отличающие его от средневекового теоретизирования?
2. Чем объясняется, что в эпоху Ренессанса в философии не было создано ничего оригинального?
3. В чем радикальное отличие философии Нового времени от философии предшествующих эпох?
4. Как соотносятся между собой два метода научного познания: эмпирический и рационалистический?
5. Является ли познаваемой «вещь-в-себе» в философии Канта?
6. В чем принципиальное отличие этики Канта от этики утилитаристов?
7. Каковы основные принципы диалектики Гегеля?
8. Что общего и различного в философии истории Гегеля и Маркса?
9. Была ли высказанная Марксом идея скорого «конца истории» верной?
10. Почему не может быть определено понятие воли в философии Шопенгауэра?
11. Что означает воля к власти в философии Ницше?
12. Каковы основные черты философии иррационализма?

Глава 5
СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

После изучения данной главы студент должен:

знать

• основные особенности развития современной философии;

• основных представителей современной философии;

• проблематику современной философии и ее категории;

уметь

• выделять то общее, что характерно для всех современных философов;

• характеризовать философские идеи основных направлений современной философии;

• сравнивать разные направления в современной философии;

владеть

• навыками сравнительного анализа разных направлений в философии;

• умением вести дискуссию по проблемам современной философии;

• способностью критически оценивать конкретные философские идеи и концепции.

5.1. Неопозитивизм

Неопозитивизм, или **логический позитивизм** (логический эмпиризм), — одно из основных направлений философии первой половины XX в., соединяющее основные установки позитивистской философии с широким использованием технического аппарата современной (математической, символической) логики.

Становление неопозитивизма. Основные идеи неопозитивизма были сформулированы в середине 20-х гг. прошлого века философами, входившими в так называемый «Венский кружок». Они опирались, прежде всего, на идеи Л. Витген-

штейна (1889—1951), изложенные в его «Логико-философском трактате»[1].

Согласно Витгенштейну, мир устроен так же, как язык современной классической логики, сложившейся в конце XIX — начале XX вв. Мир — это совокупность фактов, а не вещей. Отдельные атомарные факты могут объединяться в более сложные молекулярные факты. Атомарные факты независимы один от другого. Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым. Атомарные факты никак не связаны друг с другом, поэтому в мире нет не только каких-либо закономерных связей, но даже причинной связи. Вера в такую связь — предрассудок. Наука представляет собой комбинацию предложений, отображающих факты и их различные сочетания. Все, что претендует на выход из одномерного мира фактов, что затрагивает связи и тем более какие-то сущности, должно быть исключено из науки как не имеющее смысла. Именно для очищения науки от бессмысленных предложений (о связях фактов, сущностях, законах, причинах и т.д.) требуется логический анализ языка науки. Именно это должно стать главной задачей философов.

Атомарные факты Витгенштейна неопозитивисты заменили *чувственными переживаниями* субъекта и комбинациями этих чувственных переживаний. Мир оказался калейдоскопом чувственных впечатлений.

Так как всяким знанием считаются только чувственные впечатления, центральным в неопозитивизме становится *принцип верифицируемости*: всякое подлинно научное и осмысленное предложение должно быть сводимо к предложениям, выражающим то, что дано в чувственном восприятии. Если положение нельзя свести к высказываниям о чувственно воспринимаемом, то это положение лежит вне науки. Более того, согласно неопозитивистам, такое положение попросту бессмысленно.

Предложения, выражающие чувственные переживания субъекта, неопозитивисты называют *протокольными предложениями*. Истинность таких предложений, выражающих то или иное переживание, должна быть несомненной для субъекта. Система протокольных предложений образует твердый базис науки. Гарантией истинности всего научного знания

[1] См.: *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 1966.

является сводимость всех остальных научных предложений к протокольным.

Задачу описания принципов сведения всякого научного положения к протокольному неопозитивистам так и не удалось решить. Осталось неясным, как вообще можно свести всякое положение к утверждению о чувственном опыте.

Отрицание развития. Неопозитивизм отрицает какое бы то ни было развитие в мире. Развитие предполагает взаимосвязь и взаимодействие фактов. Но мир представляет собой совокупность чувственных переживаний или лишенных связей фактов. Поэтому в нем не может быть развития. Все изменения, происходящие в мире, сводятся к перекомбинациям фактов или ощущений. Ни одна комбинация не порождает другую, они только следуют во времени друг за другом.

Нет развития и в самом познании мира. Рост знаний о мире — это только добавление все новых фактов. Имеющееся знание никогда не претерпевает никаких потрясений. Неопозитивизм доводит до предела характерный для стиля мышления Нового времени *кумулятивизм* в трактовке развития знания. Его развитие напоминает процесс такого строительства здания, когда к тому, что уже сделано, поочередно добавляются все новые и новые кирпичи (факты), но сделанное никогда уже не перестраивается. Понятие научной революции, ведущей к коренной ломке когда-то созданной теории, совершенно чуждо для неопозитивизма.

Оценки в познании. Одной из важных ошибок неопозитивистов является сведение всех употреблений языка к *описаниям*. Тем самым отрицается возможность использовать в процессе познания и в изложении его результатов *оценок* и их частного случая — *норм*, т.е. утверждений со связкой не «есть», а «должно быть». Отказ от оценок приводит к тому, что неопозитивисты почти не занимаются социальными и гуманитарными науками, невозможными без оценок. Эти науки считаются еще незрелыми, не дотягивающими до уровня естественных наук, и в особенности до идеала каждой науки — физики.

Неопозитивисты подхватили выдвинутый еще в начале XX в. тезис «свобода от ценностей». Ценностные суждения, писал, в частности, Р. Карнап, являются не более чем приказами, принимающими грамматическую форму, вводящую нас в заблуждение. Они не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не утверждают, и их невозможно ни дока-

зать, ни опровергнуть. Как таковые ценностные суждения не имеют никакого отношения к научному познанию.

Жесткий отказ от ценностей в научном познании и, прежде всего, в социальных науках является, однако, крайней позицией. Он плохо согласуется с реальной практикой науки, и в особенности с практикой социальных и гуманитарных наук, всегда опирающихся на определенные ценности и стремящихся каким-то образом обосновать их.

Интересно отметить, что в то время как неопозитивисты настаивали на устранении ценностей не только из естественных, но даже из социальных и гуманитарных наук, сами представители естествознания, не колеблясь, признавали важную роль ценностей даже в физическом знании. Так, физик М. Планк считал поразительным тот факт, что понятие ценности совершенно не употребляется в методологии науки: «Значение физической идеи только при учете ее ценности может быть полностью исчерпано». Физик В. Гейзенберг говорил, что не видит, чтобы в той части современного мира, в которой, как кажется, совершаются наиболее сильные движения, а именно в естествознании, движение уводило прочь от идей и ценностей. Напротив, это истолкование через идеи и ценности практикуется с большей интенсивностью, только в каком-то более глубоком слое.

Отказ неопозитивистов использовать оценки в научном познании непосредственно связан с идеей **физикализма**, одной из центральных в неопозитивизме: идеалом каждой науки является физика; нужно стремиться к тому, чтобы любая наука, в том числе и социальная, стала похожа на физику. Эта идея перекрывала неопозитивизму дорогу для сколько-нибудь глубокого исследования общества и человека.

Отрицание традиционной философии. Витгенштейн заявлял, что пришел к окончательному решению вопроса о возможности философии, после чего ее существование должно прекратиться раз и навсегда. Ключ к этому решению находится в языке. Философия возникла вследствие путаницы в значениях языковых выражений, а сама эта путаница — результат сочетания слов из несопоставимых категорий. Например, вопрос «В чем цель жизни?» вообще не имеет смысла, поскольку слова «цель» и «жизнь» относятся к несопоставимым категориям. То, что именуется философией, — всего лишь результат ошибок в использовании языка. Если распутать переполняющие философию

языковые клубки, ошибки исчезнут сами собой. То, что останется от философии, будет всего лишь «языковой терапией».

Идея о замене философии анализом языка является одним из основных положений неопозитивизма. Он отрицает традиционную философию, поскольку она всегда стремится сказать что-то о том, что лежит за ощущениями, старается вырваться из узкого круга субъективных переживаний. Либо не существует мира вне чувственных переживаний, либо о нем ничего нельзя сказать. В обоих случаях философия оказывается ненужной. Единственное, в чем она может быть хоть сколько-нибудь полезна, так это в анализе научных предложений и в разработке способов их сведения к протокольным предложениям. Поэтому философия отождествляется с логическим анализом языка.

Уже в 50-е гг. прошлого века обнаружила свою несостоятельность неопозитивистская идея сведения научного знания к протокольным предложениям. Исследование реальной истории научного познания показало искусственность неопозитивистской модели развития научного знания.

Проблемы и трудности, возникшие при разработке неопозитивистской философии, оказались непреодолимыми. К началу 60-х гг. прошлого века эта философия растеряла всех своих сторонников. Тем полезным, что осталось от неопозитивизма, оказались только стремление к ясности, точности, обоснованности философских положений и отказ от туманных рассуждений, не имеющих сколько-нибудь убедительных оснований.

5.2. Аналитическая философия

Аналитическая философия охватывает многообразные философские теории, сложившиеся в XX в. и придерживающиеся *аналитической традиции*. Эта традиция утвердилась в Англии, США, Канаде, Австралии, затем получила распространение в Скандинавских странах и Нидерландах. Сейчас аналитическая философия энергично развивается во всем мире, включая и Россию.

Разные концепции аналитической философии существенно отличаются друг от друга, но им присущи некоторые общие моменты. Это, прежде всего, лингвистический поворот — переформулировка философских проблем как языковых проблем и их решение на основе анализа языковых

выражений; акцентирование внимания на проблеме значения языковых выражений; использование различных методов анализа с целью превращения философии в достаточно строго аргументированное знание[1].

Формирование аналитической философии. Основоположниками аналитической философии являются английские философы **Джорфи Мур** (1873—1958) и **Бертан Рассел** (1872—1970), у которых можно найти зачатки почти всех форм анализа, применяемых в этой философии.

За исходные единицы анализа Рассел принимает высказывания естественного языка. Но он полагает, что форма этих высказываний, их двусмысленность и сложность скрывают их подлинное значение. Необходимо найти способ переформулировки высказываний об объектах, чье существование сомнительно, с заменой имен этих объектов на описание присущих данным объектам свойств. Аналитический метод имеет у Рассела позитивный смысл — с его помощью предполагается получить истинную информацию о том, что существует в мире.

Философия, пишет Рассел, в течение всей своей истории состояла из двух частей, не гармонировавших между собой. С одной стороны — теория о природе мира, с другой стороны — этические и политические учения. Неспособность четко разделять эти две стороны была источником большой путаницы. Философы, от Платона до современных, допускали, чтобы на их мнения о строении Вселенной влияло желание поучать. Рассел осуждает такую предубежденность как по моральным, так и по интеллектуальным соображениям. С точки зрения морали философ, использующий свои профессиональные способности для чего-либо, кроме беспристрастных поисков истины, по мнению Рассела, совершает предательство[2]. Если он принимает еще до исследования, что некоторые убеждения — не важно, истинные они или ложные — способствуют хорошему поведению, он так ограничивает сферу философских рассуждений, что философия становится тривиальной. Истинный философ готов исследовать *все* предположения. Философы, сделавшие основным делом философии логический анализ, отвергают всякую предубежденность. Они откровенно признают, что человеческий интеллект не способен дать окончательные

---

[1] См.: Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.

[2] См.: *Рассел Б.* Истории западной философии. Т. 2.

ответы на многие очень важные для человечества вопросы. Но они отказываются верить в существование некоторого «высшего» способа познания, с помощью которого можно открывать истины, скрытые от науки и разума. Привычка к тщательной правдивости, прививаемая аналитической философией, может быть распространена на все сферы человеческой деятельности.

Мур делает упор на возможности использования естественного языка для целей аргументации. Занимаясь этикой, он приходит к выводу, что трудности, с которыми сталкиваются философы, в значительной мере проистекают из неряшливого отношения к значениям используемых понятий, нечуткости к их зависимости от контекста, из попыток ставить вопросы без обоснования их правомерности и т.п.

Витгенштейн исходит из посылки о существовании связи (корреляции) между действительностью и логической структурой языка. Возможно, полагает Витгенштейн, создание аналитических средств, позволяющих отличить теоретически правомерные высказывания от логически абсурдных и бессмысленных. Одно из таких средств — схема идеального языка, дающего на основе выявления подлинной логической структуры языка единую формализованную модель человеческого знания. Витгенштейн апеллирует, таким образом, к корректировке естественного языка с помощью искусственного. В отличие от Рассела, верящего в прогресс философского знания, аналитические приемы нацелены у Витгенштейна не столько на позитивное решение проблем, сколько на освобождение от «мистического», в число которого попадает большая часть проблематики традиционной философии.

Позднее Витгенштейн отказывается, однако, от своей идеи совпадения структуры языка со структурой фактов. Теперь он рассматривает язык как набор инструментов, выполняющих коммуникативные функции и обслуживающих меняющиеся социальные цели. Предлагается новый вариант анализа, основанный на концепции «языковых игр». Задача анализа состоит в прояснении употреблений, или функций, выражений, описании тех инструментальных функций, которые они выполняют в каждом конкретном контексте и в различных формах жизни. Среди употреблений языка выделяются описания, оценки, нормы, выражения чувств (экспрессивы), внушения чувств (орективы) и др.

Как и ранее, Витгенштейн отвергает спекулятивную философию, но уже на другом основании — она неправомерно переносит правила одной языковой игры на другую: например, отождествляет оценки с описаниями или выражения чувств с их внушением. У философии, полагает Витгенштейн, только *терапевтическая*, а не познавательная роль — отсеять то, о чем что-то может быть сказано, от того, о чем говорить нельзя.

Иногда по этому поводу говорят, что Витгенштейн покончил с традиционной философией и показал, что такой вещи как философия, больше не существует, есть только *философствование*. Большинство основных философских вопросов были результатом лингвистических ошибок. Достаточно понять ошибку — и вопрос просто исчезает. А все оставшиеся вопросы просто не имеют ответа или, что было бы более правильным, не должны были вообще задаваться.

Современная аналитическая философия. Вслед за Витгенштейном многие представители аналитической философии исходят из идеи, что все знание о мире дают наука и здравый смысл; философия же занимается не установлением истин, а проясняющей терапевтической деятельностью по очищению языка от «систематически вводящих в заблуждение высказываний» (Г. Райл).

Американский философ **Уиллард Ван Орман Куайн** (1908—2000) выдвинул тезис о «неопределенности радикального перевода», согласно которому предложение всегда может рассматриваться как значение не одной, а множества различных вещей. Наши высказывания о мире предстают перед судом чувственного опыта не по отдельности, а в виде системы, которая сталкивается с опытом только краями, и речь может идти только об оправдании всей системы. Анализ выступает как построение логически обоснованной теории, получающей свое оправдание с помощью практической эффективности системы.

Потребность в логическом моделировании естественного языка, возникшая с производством компьютерных систем, стимулировала разработку необходимой для этого формальной техники.

Современная аналитическая философия не может быть выделена по какому-либо содержательному базисному принципу. Ее связывает не приверженность какому-то одному «образцу знания», а стилевое родство. Главным предметом анализа выступает не столько язык, сколько философский

вопрос о том, как язык «сцепляется» с мышлением и реальностью. Чаще всего под анализом понимается применение современной техники аргументации для определения посылок, установления смысловой и логической зависимости между высказываниями и т.п. Аналитические теории в целом следуют идеалу философии как рационально-теоретической деятельности, хотя и не отождествляют философию с наукой.

Некоторые американские аналитики (Р. Рорти, А. Данто и др.) подвергают сомнению сам образ «философии как науки» и оставляют для философии одну перспективу — «философии как литературы».

5.3. Экзистенциализм

Экзистенциализм (от лат. *exsistere* — существовать, выступать, показываться, становиться, обнаруживаться), или **экзистенциальная философия**,— не столько единое философское направление с общими исходными принципами, сколько совокупность разных, хотя и близких друг другу, философских концепций. Они начали складываться в 20-е гг. прошлого века. Хотя термин «экзистенциализм» достаточно условен, обычно временем появления экзистенциализма считается 1927 г., когда вышла в свет книга немецкого философа **Мартина Хайдеггера** (1889—1976) «*Бытие и время*». Однако философствование «в духе экзистенциализма» начало формироваться еще в XIX в., и первыми предшественниками экзистенциализма были С. Кьеркегор и Ф. М. Достоевский.

После Второй мировой войны экзистенциализм приобретает мировой размах, завоевывая себе сторонников даже в странах, где философские традиции ранее были иными. Но уже в середине 60-х гг. прошлого века экзистенциализм утрачивает былое влияние.

Философы, традиционно относимые к экзистенциалистам, нередко именуют то, чем они занимаются, иначе: Хайдеггер — «фундаментальной онтологией», Карл Ясперс (1883—1969) — «философствованием на уровне экзистенции» и т.д. Только **Жан-Поль Сартр** (1905—1980) признает термин «экзистенциализм» вполне своим.

Кроме этих философов к экзистенциально ориентированным философам обычно причисляют Г. Марселя, М. Мерло-

Понти, А. Камю, Н. А. Бердяева, Л. Шестова, Х. Ортегу-и-Гассета и др. В учениях этих и близких к ним философов фигурируют родственные темы, настроения, понятия.

К своим предшественникам экзистенциалисты обычно относят помимо Кьеркегора и Ф. М. Достоевского, также Б. Паскаля, Августина и даже Сократа.

Экзистенциализм не случайно называют «философией кризиса». Он представляет собой философское выражение глубоких потрясений, постигших западную цивилизацию в первой половине прошлого века. У людей, переживших Первую мировую войну, обманчивую стабилизацию 1920—1930-х гг., приход фашизма, гитлеровскую оккупацию, экзистенциализм вызвал интерес прежде всего потому, что обратился к проблеме *критических*, *кризисных ситуаций*, попытался рассмотреть человека в его «хождениях по мукам», в переживании им жестоких исторических испытаний. Для экзистенциализма характерен, однако, протест против личной капитуляции перед «глобальным кризисом» и новое определение предмета философии, ее задач и возможностей.

Человек. Экзистенциализм не пытается проникнуть в методологические тайны науки, раскрыть природу искусства, морали и религии, предложить новые глобальные философские конструкции. В центре внимания экзистенциализма вопросы индивидуального существования человека: вина и ответственность, решение и выбор, отношение человека к своему призванию и к смерти.

С самого своего возникновения экзистенциализм видит свою задачу в том, чтобы:

• оставить в стороне «мировую историю» с ее стадиями и периодами, тенденциями и закономерностями;

• сосредоточить внимание на временной структуре «любой и всякой» индивидуальной жизни, на фазах осуществления неповторимо личной судьбы;

• после того как эта структура будет аналитически прояснена с помощью специфических, только ей адекватных категорий (экзистенциалов), вновь вернуться к проблеме строения «мировой истории» и решить ее, но уже без всяких мистификаций.

Формула Сартра «Существование предшествует сущности» означает, что изначально человек — ничто и никто. Это и есть его онтологическая основа. Человек определяет себя, всякий его поступок формирует и оформляет его.

Однако человек в качестве экзистенции неопределим. То, что может быть все-таки определено, не есть он сам. Прошлое не властно над человеческой экзистенцией. Последняя устремлена в будущее. Пребывание человека во времени — признак этой устремленности, фундаментальной *безосновности человека*. Ставшее — только фальсификация времени. Человек как экзистенция не может быть предметом, т.е. чем-то себе тождественным. Он всегда иной. Безосновность является тем, что постоянно тяготит человека.

Экзистенциализм Сартра глубоко субъективен. Человеческая сущность и сама субъективность не имеют для него значения. Эту сущность мы сами создаем в зависимости от того, как мы существуем, какой делаем выбор и как действуем в окружающем мире. Подобным же образом наша субъективность не является чем-то постоянным, ей нельзя дать точное и окончательное определение. Она непрерывно формируется, постоянно развивается как результат нашего образа жизни.

Экзистенциализм хочет быть философией конкретного, поэтому он исходит из ситуации фактичности человека, из того, что человек «просто есть». Эта «простота естества» выражается, в частности, в категории «ситуация», которая фиксирует исходную вовлеченность человека в мир. Разум человека — не «чистая доска» Локка, потому что человек не один в мире. Он заброшен в мир и с самого начала обнаруживает себя в связи с миром. Он понимает мир, участвуя в нем, будучи обусловленным своей жизненной ситуацией.

Ранее философия стремилась увести человека от забот, чтобы он смог найти себя. Но именно заботу Хайдеггер делает ключевым моментом человеческого бытия. Об этом же говорит и Ясперс, обсуждающий пограничную ситуацию. Именно в ней человеку открывается Иное, Объемлющее, благодаря чему он уходит от зацикленности на себе. Пограничность складывается в силу вовлеченности человека в конкретную жизнь.

Начиная с Античности человек определяется как разумное животное. Хайдеггер считает, однако, что человек задается более глубокими элементами, нежели разум. Человек, по Хайдеггеру, — это сущее, вопрошающее о смысле бытия. Но человек также такое сущее, которое не позволяет свести себя к бытию. Он не может быть только объектом, вещью среди вещей.

Человек является существом, которому суждено пребывать в истории, и не в состоянии прожить вне общества. Но человек — это также существо, способное стойко перенести саму перспективу заката истории и общества. Не существует события, которому он побоялся бы взглянуть в глаза. Ясперс говорит, что если бы даже история пришла к концу (к мировой катастрофе, прогрессирующему вырождению человеческого рода и т.п.), то и это не могло бы служить оправданием полного упадка и беспринципности. Подлинный человек и в этих условиях остался бы верен однажды принятому внутреннему убеждению. Он просто пребывает в истории, стихийно вовлечен, «заброшен в нее», а не создан ею. Человек заглядывает в будущее, пытается распознать социально-исторические тенденции не для того, чтобы найти свои жизненные цели: его убеждения и цели уже при нем. Его интересует лишь то, какая ситуация его ожидает, в какой обстановке ему придется отстаивать свое личное кредо.

Человек является существом, приносящим свою жизнь в жертву своему предназначению. Ранее философия выводила эту «готовность к жертве» из разумности человека, из истории, принуждающей человека к самоотречению и т.п. Экзистенциализм говорит, что готовность человека к самопожертвованию является просто изначальным, само собою разумеющимся определением личности. Дело не в том, что в мире существуют идеалы, ради которых человек готов к самоотречению. Оно в том, что человек просто не в силах существовать, не посвящая чему-то свою жизнь. Эта фундаментальная предрасположенность человека особенно наглядно проявляется тогда, когда все социально устойчивые ценности рушатся, когда человек сам ищет для себя достойное бремя. «Желать безусловного, стремиться посвятить себя безусловному» — в этом сущность человеческого «я».

Как пишет испанский философ **Хосе Ортега-и-Гассет** (1893—1955), наше высшее решение, наше спасение состоит в том, чтобы найти свою самость, вернуться к согласию с собой, уяснить, каково наше искреннее отношение к каждой и любой вещи. Не важно, каким это отношение может быть — мудрым или глупым, позитивным или негативным. Важно, чтобы каждый человек в каждом случае думал то, что он действительно думает. Бытие человека в мире — это судьба-призвание, которой он беспрекословно, стоически подчиняется; история же — это судьба-ситуация, которую он безропотно переносит.

Выбор самого себя — принцип, сформулированный еще Кьеркегором, полагавшим, что Бог — это высший нравственный судья. Его не интересует знание или незнание человека, понимание или непонимание им истории. Бог спрашивает человека только об одном: жил ли он в согласии со своими собственными убеждениями, следовал ли заложенному в нем голосу совести?

Как *здесь-бытие* (наличное бытие) человек всегда находится внутри ситуации, заброшен в нее и активно соотносится с нею. Бытие человека — это его экзистенция, бытие, могущее быть. В нем и природа, и сущность человека. Но возможное бытие означает проектирование. Поскольку человек проективен, мир — это не реальность, предназначенная для созерцания, а комплекс инструментов для человека. *Бытие-в-мире* изначально отсылает к миру как к проекту.

Экзистенция. Являющееся одним из центральных в экзистенциализме понятие экзистенции обозначает конкретное бытие, существование в его простой фактичности. На русский язык переводится как «существование». Экзистенциальный — относящийся к существованию, ссылающийся на него.

Термин «экзистенция» вводится в философию в Средние века и обозначает специфический способ бытия вещи, производный от какого-либо другого бытия. Начиная с Кьеркегора и особенно с экзистенциализма термин употребляется для описания специфически человеческого существования в его безосновности и беспредпосылочности.

У Хайдеггера экзистенция — это *бытие-впереди-самого-себя*, проецирование себя в будущее, «бытие того сущего, которое открыто для откровенности бытия, в которой оно находится благодаря тому, что переносит ее»; этим сущим является человек, переносить что-нибудь означает заботиться о чем-нибудь. Для Г. Марселя экзистенция — личностный, сугубо человеческий способ существования. У К. Ясперса экзистенция обнаруживает себя в пограничных ситуациях выбора и принятия решения.

Термин «экзистенция» фиксирует некоторую переходность. Бытие выступает на поверхность, становится видимым. Человек переходит к бытию, открывается ему, переживает его присутствие. Экзистенция — это то, где бытие показывает себя; она, так сказать, «светлое место бытия». Как феномен бытия экзистенция переживается. А так как она переживается, то и понимается, причем понимается именно в переживании.

Экзистенциализм имеет открытую антинаучную направленность. Как отмечает Хайдеггер, наука не может мыслить, она лишь вычисляет, калькулирует. Экзистенцию нельзя «схватить». По отношению к ней бесполезно находиться в положении «вненаходимости». Напротив, человек сам оказывается ею «схвачен».

Экзистенция невозможна при наличии дистанции между субъектом и миром. Субъект не является противоположностью объекта. Экзистенция — это исходная неразделенность мира и личности, «в-мире-бытие», как говорит Хайдеггер. Философия как непосредственное размышление о переживаемом бытии является со-бытием. Нельзя сказать вслед за философами Античности: сначала жить, потом философствовать. Экзистенциализм отвергает идеал истины Нового времени, с точки зрения которого истина — это взгляд бесстрастного мудреца, абсолютного наблюдателя. Бесстрастная, незаинтересованная мысль является бесплодной. Не должно быть разрыва между бытием мысли и познаваемым человеком бытием.

Смерть. Человек может расходовать собственную жизнь, как ему заблагорассудится: прожить ее с пользой или растратить на пустяки. Он может быть кем угодно, но он не может не умереть. Смерть становится, таким образом, реальностью, той экзистенцией, которой больше нет.

Самое адекватное знание о природе человека — это сознание им собственной смертности и того неизбежного несовершенства, которое присуще каждому индивиду. Ясперс называет это сознание «единственным небожественным откровением»; Хайдеггер определяет человеческое бытие как *бытие-к-смерти*; окончательное поражение, вторит ему Сартр, есть наиболее общая правда жизни.

Считая, подобно религии, смерть самоочевидной абсолютной границей любых человеческих начинаний, экзистенциализм не предлагает, однако, человеку никакой потусторонней перспективы. Человек не должен убегать от сознания своей смертности и постоянно помнить о суетности всех своих практических начинаний.

Пока человек жив, смерть пребывает в качестве *возможности-угрозы* сделать все прочие возможности невозможными. Смерть как возможность, заключает Хайдеггер, перекрывает пути самореализации. Со смертью исчезают все возможности строить проекты, выбирать и реализовывать.

Сознание человека постоянно озвучивает смысл смерти, обнажающей ничтожность любого его проекта. Осознание смерти, суетности каждого проекта обосновывает историчность экзистенции и ее неполноту. Подлинная экзистенция есть *бытие-к-смерти*. Только приблизившись к постижению смерти как невозможности существования, человек находит себе подлинное бытие. Стать свободным перед лицом собственной смерти — значит распознать среди суетных такие возможности, которые, будучи правильно выбранными, окажутся недостижимыми для смерти.

Для Хайдеггера истина — это не результат сравнения представлений и не соответствие представления реальной вещи. Истина не является и равенством познания и предмета, одного сущего (субъекта) и другого сущего (объекта). Истина как истинное бытие, как открывающее бытие укоренена в способе бытия человека, которое характеризуется как *раскрытость*. Его модусы, или способы, существования: заброшенность и фактичность (прошлое); впадение, потерянность в мире, господство любопытства, двусмысленности (настоящее); проект, истина экзистенции (будущее). У позднего Хайдеггера истина — это несокрытость. Истина как правильность представления полностью зависит от истины как несокрытости сущего. Хранительница истины — поэзия, являющаяся сущностью искусства. Истина оказывается, таким образом, по существу тождественной бытию.

5.4. Феноменология

Феноменология (от греч. *phainomenon* — являющееся) — одно из основных направлений в философии XX в. Основатель этого направления — немецкий философ **Эдмунд Гуссерль** (1859—1938).

Феноменология — не замкнутая философская школа, а широкое философское движение, в котором уже в ранний период возникают тенденции, не сводимые к философии Гуссерля. Это учения **Макса Шелера** (1874—1928) и М. Хайдеггера, реалистическая феноменология, обнаруживающая тенденцию, близкую к аналитической философии (Р. Чизом, Дж. Финдлей и др.) Эволюции феноменологии сопутствовали попытки применения феноменологического метода в психологии и психиатрии, этике, эстетике, праве, социологии, философии религии и др.

Исходный пункт и единственная предпосылка феноменологии — возможность обнаружения и описания интенциональной, направленной на объекты жизни сознания (Гуссерль), бытия личности (Шелер) и фундаментальных структур человеческого существования (Хайдеггер). Отказ от любых не проясненных предпосылок — существенная черта феноменологического метода. Основная идея феноменологии — неразрывность и в то же время взаимная несводимость сознания, человеческого бытия, личности и предметного мира, психофизической природы, социума, духовной культуры.

Гуссерлевский лозунг «К самим вещам!» ориентирует на отстранение от причинных и функциональных связей между сознанием и предметным миром, а также от их мистического взаимопревращения. Тем самым сознание как смыслообразование отъединяется от основывающихся на этих связях мифологических, научных, идеологических и повседневно-обыденных установок и схем. Движение к предметам — это воссоздание непосредственного смыслового поля, поля значений между сознанием и предметами.

Обнаружение и выявление чистого сознания, или сущности сознания, предусматривает феноменологическую редукцию — особого рода рефлексивную работу с сознанием. Любой предмет должен быть понят только как коррелят сознания, т.е. коррелят восприятия, памяти, фантазии, суждения, сомнения, предположения и т.д. Предмет при этом не превращается в сознание, но его значение, или смысл, схватывается именно так, как он усматривается в соответствии со свойствами определенного модуса сознания.

Сознание не есть что-то «чисто внутреннее» (понятия внутреннего и внешнего не могут быть основными в учении о сознании). В сознании нет ничего, кроме смысловой направленности на реальные, идеальные, воображаемые или иллюзорные предметы. Одна из главных причин заблуждений — смешение состояний сознания, т.е. несоответствие состояния сознания предмету. Как говорит польский феноменолог Р. Ингарден, нельзя нюхать содержание теоремы Пифагора или слышать цвета, но, тем не менее, не всегда легко различить сомнение и предположение, суждение и оценку, например, в политических, экономических и других видах информации.

Чистое сознание — это не сознание, очищенное от предметов. Напротив, сознание выявляет свою сущность как

смысловое смыкание с предметом благодаря самоочищению от навязываемых схем, догм, шаблонных ходов мышления, попыток найти основу сознания в том, что сознанием не является.

Феноменология объединяет традиционно противопоставляемые «истины в себе» (идеальные, вневременные предметы) и абсолютный временной поток сознания, рефлексию и время, время и бытие. Поток сознания и идеальный предмет — два рода непсихологических связей сознания, два полюса феноменологической сферы.

Время рассматривается феноменологией не как объективное время (существование которого не отрицается, ровно как и объективного пространства), но как временность, темпоральность самого сознания, и прежде всего его первичных модусов — восприятия, памяти, фантазии (Гуссерль), человеческого бытия (Хайдеггер), человеческой реальности (Сартр), субъективности (Мерло-Понти).

Интуиция. Особую роль в феноменологии играет **интуиция** — непосредственное усмотрение истины без какого-либо представления о пути, который привел к ней.

Гуссерль, математик по образованию, считал слабой всякую философскую концепцию, основывающую знание на интуиции или на непосредственности индивидуального восприятия. Если основы любого знания находятся за пределами разума и науки, как тогда определить истинность знания, не основанного на твоей личной интуиции? Отсюда следует, что любое математическое и научное знание является относительным. Тогда и положения типа «2 + 2 = 4» не являются незыблемыми: они всего лишь результаты чьего-то интуитивного познания мира. А у другого интуиция работает по-другому, значит, нет никаких оснований отвергать и другие гипотезы.

Гуссерль попытался вывести философию из этого затруднительного положения, которое угрожало уничтожить любую возможность объективного познания. В качестве образца для всякого математического и научного знания он взял геометрию как наиболее точную его форму. Если удастся выяснить, что наше знание геометрии не является относительным, тогда мы сможем с уверенностью сказать, что истинно и любое подобное знание.

По мысли Гуссерля, геометрия должна иметь историческое происхождение. Она возникла как первоначальный интуитивный импульс некоего реально существовав-

шего человека. Однажды в доисторическое время какой-то индивид интуитивно пришел к пониманию существования прямой линии, расстояния и, может быть, даже точки. Эти исходные понятия должны были обладать ясным, неопровержимым, изначально осознанным интуитивно значением. А вся остальная геометрия просто выводится на основании логических заключений из этих интуитивно осознанных посылок. Еще Евклидом было показано, каким образом геометрия строится на основе ограниченного числа базовых идей. Геометрия уже «где-то там» существовала в ожидании того исторического момента, когда ее, наконец, откроют. Исходные понятия были осознаны интуитивно, а все остальное оспорить уже нельзя. В итоге ничего относительного и никакого релятивизма.

Прочие виды научного и даже философского знания возникли, полагает Гуссерль, таким же путем. Он даже утверждал, что намерен построить философию, более строгую, чем сама математика. Такой философией должна была являться как раз его феноменология.

Согласно феноменологии, с точки зрения происхождения основой знания является интуиция. Но знание отнюдь не является относительным, потому что на основании интуитивно осознанных предпосылок логическим путем выявляется структура, которая каким-то образом уже существовала в ожидании своего открытия человеком.

Французский философ Ж. Деррида показал, однако, что гуссерлевское понимание знания содержит логическое противоречие. По Гуссерлю, совершенное геометрическое знание всегда существовало в царстве вечной истины. Оно являлось бесспорным вне зависимости от восприятия или интуиции человека. Согласно Дерриде, никакой акт интуиции, якобы имевший место в доисторическое время, не имеет отношения к реальной геометрии и к науке вообще. Если какие-то истины всегда существовали «где-то там» в ожидании открытия их человеком, то они никак не основываются на жизненном опыте человека. Они не были проинтуитированы сознанием, а ведь согласно феноменологии именно акт интуиции является необходимым условием всякого познания. Либо наше знание основано на интуиции, либо нет, и то и другое одновременно невозможно. Но откуда нам знать, что геометрия находилась «где-то там» в ожидании открытия ее человеком? И почему мы воспринимаем знание о геометрии как истинное? Потому, говорит Деррида, что

применяем к нему логические операции, а не потому, что осознаем геометрическое знание интуитивно. Возможно, геометрия является логически внутренне непротиворечивой системой, но как мы можем интуитивно получить это знание? Наше сознание является источником всех наших знаний, но что в нем дает нам возможность понять геометрические истины?

На все эти вопросы в феноменологии нет ответа. Интуиция не может являться источником ни математики, ни тем более всего человеческого познания.

Истолкование истины. Феноменология пытается разработать особое, онтологическое понимание истины. Гуссерль называет истиной как определенность бытия, т.е. единство значений, существующее независимо от того, усматривает ли его кто-то или нет, так и само бытие — «предмет, свершающий истину». Истина — это тождество предмета самому себе, «бытие в смысле истины»: истинный друг, истинное положение дел и т.д. Истина — это также структура акта сознания, которая создает возможность усмотрения положения дел именно таким, каким оно является, т.е. возможность тождества мыслимого и созерцаемого. Очевидность как критерий истины является не особым чувством, сопровождающим некоторые суждения, а переживанием этого совпадения.

Можно отметить, что первое понимание истины Гуссерлем повторяет старую философскую ошибку: отождествление истины с позитивной оценкой. «Истинный друг» — это такой друг, каким он должен быть в соответствии с социальным стандартом «настоящего друга». Ясно, что это — положительная оценка человека, а не его описание. Понятие истины относится только к описаниям (утверждениям со связкой «есть»), но не относится к оценкам (утверждениям со связкой «должно быть»). Второе понимание истины совпадает с так называемым классическим определением истины как соответствия утверждения и описываемого им фрагмента реальности. Это определение первым сформулировал еще Платон, детально проанализировал его Аристотель.

5.5. Неомарксизм

Неомарксизм является разнородным и противоречивым философским и социологическим течением, пытающимся приспособить марксизм к реалиям XX в.

К неомарксизму обычно причисляют бывшую в свое время широко известной *франкфуртскую школу*, в которую входили **Макс Хоркхаймер** (1895—1973), **Герберт Маркузе** (1898—1979), **Теодор Адорно** (1903—1969); соединение марксизма с неофрейдизмом, которое пытались осуществить Э. Фромм (1900—1980) и В. Райх, попытки Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти дополнить марксизм экзистенциализмом; соединение Л. Гольдманом марксизма со структурализмом; с философской герменевтикой (Ю. Хабермас) и др.

Ранний неомарксизм. Развитие марксизма до конца 30-х гг. прошлого века обычно называется ранним неомарксизмом, а с этого времени и до конца 70-х гг. — поздним неомарксизмом.

Уже к началу прошлого века внутри рабочего движения намечаются два все более расходящихся истолкования марксизма — *социал-демократическое* и *коммунистическое*. Для первого характерен отход от элементов диалектики, выдвигаемой марксизмом в качестве универсальной теории развития природы, общества и мышления, интерпретация марксизма в духе позитивизма или неокантианства. Социал-демократическое истолкование привело в конечном счете к доктринам современной социал-демократии, в которых вообще нет ссылок на диалектику, пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Современные социал-демократы вообще исключили какие-либо ссылки на Маркса из своих программных документов. Коммунистическая интерпретация марксизма привела к преобразованию последнего в марксизм-ленинизм в России, в маоизм в Китае, в доктрину «чучхе» в Северной Корее и т.п. Все коммунистические версии неомарксизма воспринимают Маркса вместе с его диалектикой и сводят диктатуру пролетариата к диктатуре единственной в стране правящей коммунистической партии.

Социалистическая революция в России опровергла учение Маркса о характере будущей мировой революции. Последняя якобы должна начаться одновременно во всех развитых капиталистических странах. Оказалось, однако, что марксизм применим не столько в таких странах, как полагал сам Маркс, сколько в странах формирующегося капитализма.

В размежевании социал-демократического и коммунистического неомарксизма особую роль сыграли работы немецкого социал-демократа **Эдуарда Бернштейна** (1850—1932),

указавшего на теоретически наиболее уязвимые моменты марксизма. Экономическая ситуация во всех капиталистических странах, как предсказывалось Марксом, должна резко ухудшится. На такое ухудшение возлагались большие надежды: оно должно было привести к нестерпимому абсолютному и относительному обнищанию пролетариата, а затем и к пролетарской революции. Но, вопреки прогнозу Маркса, ухудшения не происходит. Напротив, экономическое положение рабочего класса постепенно, но неуклонно улучшаться. Не наступает и предсказанная Марксом пролетаризация среднего слоя населения, нет ужесточения классовых конфликтов и учащения экономических кризисов. Диалектика, являющаяся, по Бернштейну, «самым коварным элементом марксизма», приводит последний к смешению экономических и социальных факторов с моральными факторами, к неверному пониманию природы государства. Последнее представляется Марксу, с одной стороны, чисто репрессивным органом, действующим от имени собственников, а с другой — поистине чудотворной силой в руках пролетариата.

Бернштейн полагает, что необходима ревизия марксизма, обнаружившего свою несовместимость с новыми историческими фактами. Нужно бороться не за революцию, а за государственные реформы, способные, в конце концов, с помощью демократии преобразовать существующее общество. «Демократия есть начало и конец в одно и то же время, — пишет Бернштейн. — Она — средство введения социализма и форма реализации социализма». Бернштейн начинал как марксист, именно ему Энгельс доверил редактирование и публикацию своих работ после смерти.

Менее радикален в своих усовершенствованиях марксизма социал-демократ К. Каутский. Он вносит в марксизм элементы социал-дарвинизма, настаивает на новом истолковании диалектики, подвергает сомнению экономический детерминизм Маркса. Ни экономическими, материальными предпосылками, ни духовной активностью нельзя пренебрегать. Более того, нельзя даже сказать, что для них характерно отношение причины и следствия, скорее они взаимно обусловливают друг друга, постоянно переплетаясь. Каутский не считает революцию, совершенную большевиками в России, социалистической.

В Италии А. Грамши полагает, что Октябрьская революция произошла вопреки прогнозам Маркса и является на самом деле революцией против «Капитала». Марксизм

должен истолковываться поэтому не как спекулятивная доктрина, а как философия практики, и прежде всего как философия революционной практики, говорящая о борьбе за власть класса подчиненного и класса руководящего.

Поздний неомарксизм. Во Франции неомарксизм был довольно популярен в 50—60-е гг. прошлого века.

А. Лефевр отстаивает идею, что неокапитализм изменяет природу рабочего класса, лишает его революционных потенций и превращает в класс потребителей общества мнимого благосостояния.

Л. Альтюссер противопоставляет науку как описание реальности и идеологию как волю, надежду, ностальгию. Маркс переходит от идеологии к науке лишь когда оставляет разговоры о сущности человека и т.п. Благодаря этому перелому марксизм становится не только антигуманизмом, но и антиисторизмом. Гуманизм есть идеология, поскольку говорит о человеке воображаемом. Теоретический антигуманизм уничтожает философский миф о человеке и тем самым делает возможным научное познание человеческого мира и путей его трансформации.

Неомарксистские идеи Альтюссера, особенно его книга «Читать “Капитал”» (написана в соавторстве), оказывали заметное влияние на французскую молодежь почти в течение двадцати лет. Последние десять лет жизни Альтюссер провел в психиатрической лечебнице. Здесь он написал интересную автобиографию, в которой признался, как мало работ Маркса он на самом деле читал. О своей прошлой рекомендации читать и перечитывать «Капитал» он не упоминает.

Сартр выступает с программой экзистенциалистского обоснования марксистского истолкования истории, в котором он видит «самую решительную попытку осветить исторический процесс в его тотальности».

В Германии неомарксизм представлен франкфуртской школой, просуществовавшей около сорока лет и оказавшей определенное влияние на интеллектуальную атмосферу Западной Европы. В последние десятилетия своего существования франкфуртская школа несомненно тяготела к американскому прагматизму[1].

Неомарксизм не имел никакого влияния в США. В 1970-е гг. он растерял почти всех своих сторонников

---

[1] См.: *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М., 1991.

в Западной Европе. С постепенным разложением коммунистических режимов в странах бывшего лагеря социализма неомарксизм все более становился историей.

Несмотря на горячие уверения представителей неомарксизма в верности «аутентичному Марксу», оказалось, что они делают ту же работу, что и прямые противники марксизма. И те, и другие все с большей очевидностью обнажают расплывчатость и внутреннюю рассогласованность концепции Маркса, предсказывающей скорый и неизбежный переход от капитализма к коммунизму. К концу прошлого века сама реальная социальная история явственно обнажила утопичность марксизма и невозможность приспособить его к современной социальной реальности.

Контрольные вопросы

1. В каких своих чертах неопозитивизм продолжает линию позитивизма?
2. В чем причина отказа неопозитивистов от оценок в познании?
3. Что означает «исчезновение философии» у Витгенштейна?
4. Как трактуется знание в контексте аналитической философии?
5. В чем суть вопросов, стоящих в центре внимания экзистенциализма?
6. Что представляет собой экзистенция?
7. Какие новые идеи выдвигает феноменология?
8. Какое будущее может ожидать марксизм?

Глава 6
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

После изучения данной главы студент должен:

знать

• главные особенности развития русской философии;

• основных представителей русской философии;

• проблематику и категории;

уметь

• выделять то общее, что характеризует русскую философию в целом;

• характеризовать основные идеи разных периодов в русской философии;

• сравнивать разные направления в русской философии;

владеть

• навыками сравнительного анализа разных направлений в русской философии;

• умением вести дискуссию по проблемам русской философии;

• способностью критически оценивать те или иные философские идеи и концепции.

6.1. Зарождение русской философии

Философская традиция в Древней Руси формировалась по мере общекультурного развития страны. С самого начала своего существования русская философия прежде всего пыталась найти ответы на вопросы о смысле и цели истории, о судьбе и духовных устремлениях человека. Большое влияние на облик русской философии оказало важнейшее историческое событие — принятие христианской религии в конце X в. Памятники древнерусской мысли свидетельствуют о том, что в это время пути философии практически совпадают с путями богословия. Как и в средневековой Европе, философские идеи находили свое выражение прежде всего в богословских сочинениях.

Одним из наиболее ранних памятников отечественной богословской мысли является «*Слово о законе и благодати*» первого русского митрополита **Иллариона** (XI в.). В нем автор поставил вопрос о месте русского народа в мировой истории, историческом значении принятия им христианства. Оригинальным памятником древнерусской мысли является «*Моление*» **Даниила Заточника** (XII—XIII вв.). В «Молении» высоко оценивается ум человека, ведущий его к мудрости, которая для автора неотделима от нравственности. Мудрость имеет не только моральный, но и эстетический характер: мудрое начало создает нравственную гармонию в душе человека, делает прекрасным его духовный облик.

В XV—XVI вв. в древнерусской литературе нашла свое выражение идея самодержавной московской государственности, обосновывался сакральный смысл царской власти. Постепенно формируется историософская концепция «Москвы — третьего Рима»: после падения Византии (1453) историческая роль «православного царства» отныне принадлежит русскому государству. Еще в Византии возникла идея «странствующего царства», согласно которой центральное место в христианском мире занимает православный Константинополь, сменивший в этой роли Рим. Исторически закономерно, что в период кризиса Византийской империи, а затем и ее падения на Руси возникает взгляд на Московское царство как на наследника Византии и Рима.

XVII столетие было в истории России эпохой «смутного времени», церковного раскола, но в истории формирования русской философской культуры это был важный период. В XVII в. формируется духовно-академическая традиция изучения философии. Были созданы такие учебные заведения, как Киево-Могилянская академия, в Москве — Славяно-греко-латинская академия) благодаря чему процесс освоения мирового философского опыта приобрел уже систематический характер.

6.2. Русская философия в эпоху Просвещения

XVIII в. благодаря реформам Петра стал в России веком секуляризации, веком Просвещения. Богословский и философский опыт в эту эпоху еще сохраняют тесную взаимосвязь. Однако появляются и новые просветительские тенденции, ярким выражением которых явилось творчество

Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765) — ученого-энциклопедиста, внесшего свой вклад в разные области знания — от естественно-научного до социально-гуманитарного. Ломоносов получил образование в Германии и на его взгляды оказали большое влияние западноевропейские ученые и философы — Г. Галилей, Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Ньютон, Г. Лейбниц. Занимаясь естествознанием, Ломоносов придавал первостепенное значение опыту, но сумел избежать крайностей эмпиризма и сенсуализма, признавая за рациональным познанием решающую роль. Метод познания Ломоносов описывал так: от опыта через гипотезы к формулированию научной теории. Ученый пытался примирить научный и религиозный подходы к объяснению мира, но отвергал мистическую трактовку природы: «Приписывать... физическое свойство тел божественной воле или чудодейственной силе мы не можем». Ломоносов развивал так называемую «корпускулярную философию»: материя состоит из мельчайших частиц — атомов, которые образуют более сложные формы — корпускулы (молекулы). Молекулы, сочетаясь в разных комбинациях и количествах, порождают все многообразие мира.

В 1755 г. открылся Московский университет. Первые университетские профессора философии были прежде всего просветителями и проводниками идей новоевропейской философии. Особенно популярна была французская философия и прежде всего Вольтер, но русские философы-профессионалы очень рано обнаружили тяготение и к английскому эмпиризму, и к немецкой идеалистической философии. На рубеже XVIII—XIX вв. в России появляются первые переводы сочинений Канта.

Яркой и трагической фигурой в истории русской философии и литературы был **Александр Николаевич Радищев** (1749—1802). Его знаменитое сочинение «*Путешествие из Петербурга в Москву*» (1790) утверждало идеи равноправия, человеческого достоинства, личной свободы и социальной справедливости. Радищев получил образование в Германии, и в его творчестве заметно влияние таких немецких философов, как Гёрдер и Лейбниц. Он также проявлял интерес к французским сенсуалистам и английской эмпирической философии. Вслед за европейскими мыслителями Радищев считает, что основанием всего естественного познания является опыт. Чувственный опыт, будучи главным источником познания, находится в единстве с «опытом разумным». Мир

материален, телесен, утверждает Радищев, и человек является существом телесным, как и вся природа, и живет по законам, одинаковым для всего тварного мира. Принципиальным отличием человека от прочих живых существ является наличие у него разума, однако более важное отличие заключается в способности человека к моральным оценкам и действиям. Человек — единственное существо на земле, понимающее, что такое добро и зло. Из всех живых существ только человек может беспредельно совершенствоваться или развращаться. Радищев не принимал просветительскую идею «разумного эгоизма», считая, что себялюбие не может быть источником нравственного чувства. В основе нравственного поведения лежит чувство сострадания, помощи ближнему.

В трактате «*О человеке, о его смертности и бессмертии*» Радищев рассматривает человека как природное существо, признавая неразрывность природного и духовного, единство тела и души. Говоря о бессмертии, Радищев позиционирует себя скорее как агностик, чем атеист, что вполне отвечает его мировоззрению, ориентированному на «естественность» миропорядка, но не склонному к богоборчеству.

6.3. Русская философия в XIX веке

В первой половине XIX в. в русской философии сформировались два основных направления, о существовании которых, правда, в несколько измененном виде, можно говорить и сейчас. Одно из них — **славянофильство**. В центре внимания славянофилов была судьба России и ее роль в общеисторическом процессе. Сторонники этого направления считали, что западная культура уже исчерпала себя и клонится к упадку. Россия же благодаря своему самобытному прошлому способна осуществить свое мировое призвание. Члены славянофильского кружка (Хомяков, братья Аксаковы, Киреевский, Самарин) не создали законченных философских или социально-политических систем. В то же время есть все основания говорить о вполне определенных и последовательных философских позициях ведущих славянофилов. В первую очередь это относится к А. С. Хомякову и И. В. Киреевскому. Программной для формирования славянофильства как оригинального течения русской общественной мысли стала статья Хомякова «*О старом и новом*». В данной работе Хомяковым была очерчена постоянная тема

славянофильских дискуссий: «Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию?... Много ли она утратила своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?». Философ отвергает рационализм и критикует католицизм, основанный на нем. Ответственность за то, что западная культура подпала под власть рационализма, он (как и все славянофилы) возлагал прежде всего на католицизм. Но, критикуя Запад, Хомяков не идеализировал ни прошлого России (в отличие, например, от К. С. Аксакова), ни тем более ее настоящего. Будущее России, о котором мечтал лидер славянофилов, должно было стать преодолением «разрывов» русской истории. Он надеялся на воскресение Древней Руси, хранившей, по его убеждению, религиозный идеал соборности, но воскресение «в просвещенных и стройных размерах», на основе нового исторического опыта государственного и культурного строительства последних столетий. Достижение целостности человека и гармонии в обществе славянофилы видели в идее общины, духовной основой которой является русская православная церковь. В западной (буржуазной) цивилизации славянофилы видели по преимуществу негативные, разрушающие нравственную природу человека факторы.

Постоянный и резкий критик славянофилов В. Г. Белинский писал: «Явление славянофильства есть... протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии»[1].

Противостоящее славянофильству направление **западничества** было более сложным и неоднородным по своему составу. Западническую позицию разделяли люди самых разных убеждений, от либералов до консерваторов. Некоторые из них пережили сложную духовную эволюция, как, например, **Петр Яковлевич Чаадаев** (1794—1856), пришедший от западничества к признанию очевидных преимуществ исторического развития России. Ранний Чаадаев был приверженцем идеи тотального единства человечества, из которой вытекала необходимость следования России по пути европейского развития. Европоцентризм в той или иной степени был характерен для историософии того времени. «Конечно, не все в европейских странах, — писал Чаадаев, — проникнуто разумом, добродетелью, религией, далеко

[1] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 11 т. М. 1956. Т. 10. С. 264.

нет, — но все в них таинственно повинуется той силе, которая властно царит там уже столько веков». Позже взгляды Чаадаева на историческую судьбу России изменились. Если раньше отставание России от Западной Европы он считал недостатком, то впоследствии это стало представляться ему преимуществом, которое позволит России, не повторяя ошибок и пороков западного развития, достичь высокого уровня западной цивилизации.

Западническое мировоззрение исповедовали известные литературные критики, философы-публицисты, общественные деятели: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, М. А Бакунин, А. И. Герцен и др.

Николай Григорьевич Чернышевский (1828—1889) испытал влияние позитивистской философии и идей Л. Фейербаха. «Единственной философской системой, верной научному духу» называл Чернышевский учение основоположника позитивизма — О. Конта. В области этики Чернышевский следовал идее «разумного эгоизма», которая до сих пор оценивается весьма неоднозначно. В эстетике Чернышевский стоял на материалистической позиции, утверждая, что «прекрасное есть жизнь». Неприятие субъективизма в эстетике вообще характерно для русской философии искусства. «Искусство для искусства, — утверждал Чернышевский, — мысль такая же странная в наше время, как “богатство для богатства”, “наука для науки” и т.д. Все человеческие дела должны служить на пользу человека... Искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на бесплодное удовольствие»[1]. Идеализм во всех его разновидностях был для Чернышевского постоянным объектом критики, в частности гегелевская философия «метафизической трансцендентальности».

Влияние идей позитивизма и материализма можно обнаружить также во взглядах П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Д. И. Писарева. Определенным влиянием позитивистские идеи пользовались в научных кругах. Интерес к философии позитивизма проявляли, в частности, такие крупные ученые, как И. М. Сеченов и Н. И. Пирогов.

К западническому направлению принадлежали и представители *русского анархизма*. Термин «анархизм» (от греч. *anarchia* — против власти или без правителя) употребил для описания своей политической и социальной

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1950. Т. 5. С. 363.

идеологии французский политик, философ и публицист П. Ж. Прудон в трактате «*Что такое собственность*» (1840). К классикам анархизма, помимо Прудона, относят русских идеологов М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

Философское образование **Михаила Александровича Бакунина** (1814—1876) начиналось с усвоения немецкой идеалистической философии (Кант, Фихте, Гегель). Однако со временем Бакунин разочаровался в «логическом и теоретическом фантазировании о конечном и бесконечном». В работе «*Государственность и анархия*» (1873) русский революционер пишет о гегельянстве как о «веренице сомнамбулических представлений и опытов». Метафизичность Бакунин усматривал также у Фейербаха, философов-позитивистов и даже у материалиста Маркса. Именно в полемике с Марксом Бакунин с поразительной точностью предсказал итоги марксистских диктатур XX в.: «Свобода без социализма — это привилегии и несправедливость, но социализм без свободы — это рабство и жестокость».

Бакунин, как и анархизм в целом, с глубокой неприязнью относился к религиозным разногласиям. В своей работе «*Бог и государство*» русский философ-революционер признает, что религия — это социальный феномен, но негодует по поводу того, что вера в Бога до сих пор широко распространена. Бакунин уверен, это связано с тем, что правительства извлекают для себя пользу из людского невежества: нагруженные работой, лишенные свободного времени и интеллектуального общения люди ищут хоть какого-то облегчения в религии. Бакунин видит три пути избавления от невзгод: два иллюзорных и один реальный. Первые два — бутылка и церковь, «развращенность тела или развращенность ума»[1], третий — социальная революция. Бакунин критикует господствующие классы, которые достаточно искушены, чтобы верить только в самих себя, но тем не менее поддерживают видимость собственной набожности, так как им легче угнетать смиренных верующих людей. Бакунин также жестко отзывается о религиозных идеологах, которые высокомерно объясняют, что в абсурдных моментах их учения (чудеса, непорочное зачатие, воскресение из мертвых) нужно видеть скорее красивые мифы, нежели буквальные истины.

---

[1] Цит. по: *Вард К.* Анархизм. Очень краткое введение. М. : АСТ-Астрель, 2009. С. 45.

Бакунин также высказывает интересные мысли об организации системы образования, которые были определенным образом восприняты прогрессивными идеологами уже в XX в. Так, Бакунин рассматривал школу как пожизненный ресурс каждого человека: «Это не будут уже школы, но народные академии, где не будет ни школьников, ни учителей, куда народ будет свободно приходить, чтобы получать, если сочтет нужным, свободное образование, и где, в свою очередь, богатый опытом, он сможет научить многим вещам учителей, которые принесут ему отсутствующие у него знания. Это будет, следовательно, взаимное обучение, акт интеллектуального братства между образованной молодежью и народом»[1].

Размышляя о судьбах Европы, анархисты работали над федералистской программой, которая предвосхищала современные дискуссии о Европейском Союзе. Бакунин был практически единственным среди политических мыслителей XIX в., кто смог предвидеть ужасы столкновения национальных государств в Первую и Вторую мировые войны, а также предсказать последствия проникновения марксизма в Россию. В своем сочинении «*Федерализм, социализм и антитеологизм*» он предложил несколько принципов для объединения Европы. Бакунин считал необходимым для предотвращения гражданской войны между разными народами образовать Соединенные Штаты Европы. Но в данном виде государства Европы не смогут образовать справедливую Лигу «по причине чудовищного неравенства их сил». Поэтому «...все приверженцы Лиги должны направлять все свои усилия к переустройству своих отечеств, дабы заменить старую организацию, основанную сверху донизу на насилии и авторитарном принципе, новой организацией, не имеющей иного основания, кроме интересов, потребностей и естественных влечений населения». Важным принципом для создания Соединенных Штатов Европы Бакунин считал признание права выхода из Лиги.

М. Бакунина заслуженно считают одним из основных классиков анархизма. Его идеями вдохновлялись не только политические философы, но и политические деятели. В Турции Кемаль Ататюрк, разделявший взгляды Бакунина на религию, железной рукой проводил политическую

---

[1] *Бакунин И. А.* Кнуто-Германская империя и социальная революция // Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989.

линию, которую можно назвать «деисламизация». Известный американский философ Р. П. Вольф — автор учебника «О философии» — утверждает: «Философский анархизм представляется единственной разумной верой для просвещенного человека»[1].

Еще одним ярким представителем философии анархизма был князь **Петр Алекеевич Кропоткин** (1842—1921). Его по праву считают самым читаемым из всех анархистских авторов в мире. Молодость Кропоткин провел армейским офицером в геологических экспедициях в дальневосточных областях России. То, что он увидел там, привело его в будущем к анархизму. В автобиографии Кропоткин с возмущением описывает как чрезмерно централизованные управление и финансирование приводят к краху любые попытки улучшить местные условия. В результате — богатые богатеют, бедные беднеют, администрация бездеятельна и воровата.

В первой своей книге «*В русских и французских тюрьмах*» (1887) именно Кропоткин первым употребил фразу: «Тюрьмы — это криминальные университеты». Кропоткин был убежден, что общество, основанное в большей степени на сотрудничестве, нежели на соперничестве, будет меньше страдать от преступности. В работе «*Поля, фабрики и мастерские*» (1899) Кропоткин высказывает идею гуманизации труда через интеграцию промышленности и сельского хозяйства, интеллектуальной и физической работы, теоретического и прикладного образования. Он показывает, что хотя политики и экономисты интересуются преимущественно крупными предприятиями, большая часть товарного производства приходится на мелкие мастерские и небольшие местные предприятия. Именно в них возможно соединение умственного и физического труда, что и было его идеалом для индустрии. Эта книга во многом вдохновила предшественников «зеленого движения», которые постоянно подчеркивают продуктивность мелкомасштабной децентрализованной промышленности и «садоводческого» подхода в производстве продуктов питания.

Книга «*Взаимная помощь как фактор эволюции*» (1902) была написана Кропоткиным в противовес неверным истолкованиям дарвинизма некоторыми социальными мыслителями, оправдывавшими жесткую капиталистическую конкуренцию. Кропоткин продемонстрировал на примерах,

---

[1] *Вольф Р. П.* О философии. М. : Аспект Пресс, 1996.

взятых из наблюдения за животными и человеческими сообществами, что внутривидовая конкуренция служит выживанию гораздо меньше, чем кооперация. Он часто указывал на институт спасательных шлюпок как на пример добровольных организаций, задуманных анархистами, которые могут приносить пользу во всем мире без вмешательства властей. Два других примера — это почта и железная дорога. Вы можете послать письмо в Чили или Китай, будучи уверены в том, что оно будет получено в результате действия соглашений о свободном обмене корреспонденцией между различными национальными почтами без существования какого-либо центра всемирной почтовой власти. Или вы можете путешествовать по Европе и Азии по линиям железнодорожных сетей, государственных и частных, над которыми нет никакой общей центральной железнодорожной власти. Координация не нуждается ни в единообразии, ни в бюрократии. Кропоткин показал, что «экономическое и политическое освобождение человека должно будет создать новые формы их выражения в жизни, взамен учрежденных государством».

В статье «*Анархизм*», написанной в 1905 г. для одиннадцатого издания «Британской энциклопедии», Кропоткин объяснял, что анархизм — это «определение, данное жизненному принципу или теории и поведению, в соответствии с которыми общество задумано лишенным власти. Гармония в таком обществе достигается не подчинением законам или покорностью властям, а посредством соглашения, заключенного между различными территориальными и профессиональными группами, общинами, свободно учреждаемыми как для производства и потребления, так и для удовлетворения бесконечного многообразия нужд и стремлений цивилизованного человека».

Современный американский философ и лингвист Н. Хомский следующим образом высказывает свое отношение к философии анархизма: «Лично меня привлекают в анархизме те его тенденции, которые стремятся к пониманию проблем, встающих перед сложноорганизованными сообществами в рамках свободных институтов и структур».

Александр Иванович Герцен (1812—1870), как и большинство русских философов, пережил увлечение гегельянством. Он стремился обосновать закономерность движения человечества по пути к свободному от антагонизмов обществу. Будущее развитие человечества, считал он, должно

привести к революционному снятию антагонистических противоречий в обществе. Герцен полемизировал со своим другом Бакуниным по поводу крайностей революционной теории. По мнению Герцена, поклонение идее прогресса (идее построения в будущем счастливого общества) имеет негативные стороны: «Если прогресс цель, то для кого мы работаем? ...Неужели и вы обрекаете современных людей на жалкую участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь другие будут танцевать... цель, бесконечно далекая, не цель, а, если хотите, уловка; цель должна быть ближе, по крайней мере — заработанная плата или наслаждение в труде»[1]. На смену оторванным от реальной жизни научным и философским теориям, считал Герцен, должно прийти научно-философское знание, тесно связанное с действительностью.

Герцен достаточно пессимистично оценивал будущее Европы. Он видел, как там формируется новый тип массового сознания, исключительно потребительский, основанный на материалистическом индивидуализме — «эгоизме». Это может привести, по мнению Герцена, к тотальному «омассовлению» общественной жизни и к утрате всякого индивидуального своеобразия. Разочарование в европейском прогрессе укрепило Герцена в мысли о том, что в России возможно прийти к социализму через крестьянскую общину. Эти его идеи стали одним из источников народнической идеологии.

Консерватизм в русской философии XIX в. был представлен мыслителями с достаточно различными взглядами. Консерватором считал себя славянофил Ю. Ф. Самарин, бывший одним из организаторов реформ 1861 г.; к консерваторам обычно относят Ф. М. Достоевского, М. Н. Каткова, К. П. Победоносцева, И. С. Аксакова. Традиционную максиму консерватизма: «что можно не менять, менять не надо», также не надо толковать слишком прямолинейно, так как она не исключает необходимости изменений в обществе. К числу наиболее ярких представителей российского консерватизма принадлежат Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев. Их взгляды можно охарактеризовать как своеобразную «консервативную» философию истории и культуры.

Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885) всемирно известен как автор работы «*Россия и Европа*» (1869),

---

[1] *Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 34.

в которой была изложена оригинальная концепция культурно-исторического процесса. Книга оказала определенное влияние на Ф. М. Достоевского и др. Данилевский подверг критике **европоцентризм**, доминировавший в историографии XIX в., а также общепринятую схему деления мировой истории на Древность, Средние века и Новое время. Данную схему он считал весьма условной и имеющей значение лишь для Европы. Центральное место в учении Данилевского занимает понятие «культурно-исторический тип», который образует всякое племя или семейство народов, характеризуемых отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и уже вышло из состояния младенчества.

Данилевский выделял следующие культурно-исторические типы, уже реализовавшие себя в истории: египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, аравийский и германо-романский (европейский). В ближайшем будущем, считал Данилевский, огромную роль в истории предстоит сыграть новой культурно-исторической общности — России и славянскому миру. Однако Данилевский не утверждал категорично, что историческая миссия России должна осуществиться с фатальной необходимостью. Русско-славянский тип может развиться и достичь необычайно высоких результатов, но может и не реализовать себя, оставшись простым этнографическим материалом. Данилевский не был склонен к фатализму. Он настаивал на том, что «государство и народ суть явления преходящие и существуют только во времени, а следовательно, только на требовании этого их временного существования могут основываться законы их деятельности». Понятие общечеловеческого прогресса Данилевский считал слишком отвлеченной категорией, поэтому он фактически исключал возможность непосредственной преемственности в культурно-историческом развитии. «Начала цивилизации не передаются от одного культурно-исторического типа другому». Данилевский имеет в виду именно начала, составляющие основу своеобразия определенной культурной традиции и остающиеся всегда чуждыми иному типу культуры. В то же время он признает возможность воздействия одного культурного типа на другой, более того, эти воздействия неизбежны.

Философские идеи в русской литературе

В истории мировой культуры всегда существовали глубокие связи между философией и литературой. Древние памятники философской мысли часто имели литературно-художественную форму, в том числе поэтическую. Особенно тесная связь существует между русской литературой и философией. Философскими размышлениями пронизана русская поэзия XIX—XX вв. (Ф. Тютчев, Вяч. Иванов, А. Белый). Глубокие философские идеи были высказаны в художественной форме великими русскими писателями Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым.

Федора Михайловича Достоевского (1821—1881) нельзя назвать академическим философом; попытки определить место человека в бытии писатель предпринимает в своих художественных произведениях: философских романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». «В историю русской философии Достоевский входит не потому, что он построил философскую систему, — писал Г. В. Флоровский, — но потому, что он широко раздвинул и углубил самый метафизический опыт». Подобно Кьеркегору и отчасти Ницше, Достоевский намного опередил время, выражая настроения, идеи и конфликты, которые в немалой степени составляют духовный мир современного человека. Центром мира Достоевского является человек. Достоевский хочет познать человека в его обнаженной действительности и не спрашивает с самого начала, плоха она или хороша и в чем ее предназначение. Полемизируя с распространенной в то время идеей сверхчеловека (вспомним Ф. Ницше), Достоевский создает своего собственного сверхчеловека в образе князя Мышкина, главном персонаже «Идиота». Это сочинение Достоевского можно назвать психоаналитическим исследованием силы добра.

Как философ Достоевский впервые предстает перед нами в небольшой книге «*Записки из подполья*» (1864). В ней Достоевский обращается прежде всею к упрощенной психологии, которая кроется за верой XIX в. в прогресс и оптимизм разума и которая, если и была недолговечна в качестве популярной теории, на практике являлась одной из основ современного ему общества. Ядром этой психологии, которая имеет глубокие корни в европейском рационализме, является то, что человек прежде всего эгоист. Все его добровольные поступки сознательно или бессознательно соверша-

ются тогда, когда они каким-то образом идут ему на пользу. Альтруизм и самопожертвование возникают, таким образом, когда человек на опыте познает, что неприкрытый эгоизм не всегда оплачивается наилучшим образом. Выражение «добродетель превыше всего» замечательно выражает эту мораль. Иногда ложь может быть полезна, но в конце концов более выгодно все-таки говорить правду, ибо всеобщая ненадежность сделала бы невозможным любое сотрудничество.

Переоценка всех ценностей провозгласила в философии примат воли над интеллектом. Три великих основоположника новых представлений о человеке — это Шопенгауэр, Ницше и Достоевский. Для Достоевского первейшим проявлением человеческой воли является требование свободы. Философия воли Достоевского отличается от волюнтаризма двух немецких мыслителей. У Шопенгауэра первичный инстинкт называется «воля к жизни», у Ницше — «воля к власти», у Достоевского его можно было бы назвать «волей к свободе». У Шопенгауэра воля к жизни является основой его пессимизма, у Достоевского воля к свободе является трагическим мотивом, так как утверждение свободы с неизбежностью ведет к ее отрицанию. «*Трагедия свободы*» у Достоевского имеет две формы: индивидуалистскую и коллективистскую. Индивидуалистскую можно назвать стремлением к сверхчеловеку или обожествлением человека. Коллективистская — это вера в революцию, которая приведет к царству социализма. Достоевский считает эти формы родственными, так что его философия свободы охватывает как проблемы Ницше, так и проблемы Маркса. Свобода и могущество — это идеал по меньшей мере двух персонажей романов Достоевского — Раскольникова («Преступление и наказание») и Кириллова («Бесы»). Раскольников убил вдову, чтобы доказать самому себе, что он как сверхчеловек свободен от моральных запретов. Кириллов покончил с собой, чтобы доказать другим, что он свободен от религиозных предрассудков, желая открыть своим примером новую эру свободы для человечества. Отрицание Бога, «новая и опасная свобода» — это признаки новой божественности человека.

Достоевский показывает, что мысль о неограниченной свободе для человека предусматривает отход от религии и ведет к атеизму. Но последовательный атеизм сам является идеей религиозной. Как и всякая религиозная идея, он связан с высшими ценностями добра и зла, справедливости

и несправедливости. Кроме того, религия атеизма отличается от обычной религии тем, что высшей ценностью в атеизме является человек. Достоевский уверен в том, что такая человеческая религия (секуляризованная) невозможна. Человеческое не является самодостаточной ценностью. Тот, кто убивает Бога, убивает в себе человека. Преодоление Бога ведет не в счастливое царство свободы, а назад — к горилле. Случаем с Кирилловым Достоевский иллюстрирует свою собственную парадоксальную веру в то, что полная свобода достигается не путем самоутверждения, а путем подчинения человека высшим силам.

Одна из основных тем в творчестве Достоевского — *социализм*. В юности он был членом кружка, в котором обсуждались общественные проблемы. Это привело его на каторгу и оказалось, таким образом, причиной большого внутреннего кризиса. Несомненно, что Достоевский не был сторонником революции. Обычно его характеризуют как консерватора или реакционера, что не совсем верно, так как мировоззрение Достоевского несовместимо с охранительным буржуазным консерватизмом. Напротив, Достоевский глубоко убежден в порочности буржуазного общества — как в России, так и в Европе — и потому в психологической неизбежности социальной революции. Но в отличие от убежденных революционеров для Достоевского революционное общество — не высшее достижение, а наихудший результат.

Социализм был для Достоевского не столько экономическим или политическим вопросом, но, скорее, религиозной проблемой. Достоевский видит в социализме освобождение от традиционной религии, прежде всего от христианского учения о загробном мире, и одновременно считает его заменителем религии. Сущность социализма — абстрактная любовь к Человеку как венцу творения, а его рай — земное тысячелетнее царство. Социализм — это итог вековых мечтаний европейцев, начиная с Ренессанса: гуманизм, просвещение, либерализм.

Революция, по мнению Достоевского, это необузданный триумф свободы и одновременно ее трагический поворотный пункт: люди начинают путь к рабству и глубокому самоунижению. Руководящий слой революции, для того чтобы держаться на плаву, будет вынужден проводить интеллектуальную и моральную унификацию в массах.

В революции, по мнению Достоевского, есть еще один аспект. Он называется «легенда о вожде», благодаря кото-

рой этот вождь будет почитаться как новый бог. Триумф легенды о вожде — это триумф подлой и циничной глупости над порабощенным человечеством.

Еще одной важной темой в творчестве Достоевского была тема *взаимоотношений России и Европы*. В данном контексте амбивалентность Достоевского достигает своей высшей точки, и его часто называют панславистом и религиозным реакционером. Славянофилы были консерваторами, твердыми охранителями устоев, неустанно заботившимися о том, чтобы оградить себя и свой народ от западных новшеств и революционной заразы. Но по сравнению с ними Достоевский предстает просто космополитом. «Славянофилы обладают редкой способностью непонимания самих себя и современной реальности», — писал он в «Дневнике писателя». «Русская идея» в понимании Достоевского была идеей для всего человечества, а не только для русских. Европу Достоевский одновременно любил и ненавидел. Он ненавидел ее материализм: сытое равнодушие буржуазии, дух торгашества, лицемерие политиков. Но он любил культуру Европы, вот что он говорит устами Версилова: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия; каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия!»

Но Достоевский глубоко убежден в том, что величие Европы в прошлом. Самым трагичным для Европы Достоевский считает национальный раскол. Европейцы — пленники национальных предрассудков. Только «русский странник» способен понять и прочувствовать всех: «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления... ». Очевидно, что надежды Достоевского на будущее России вдохновлялись этим универсальным, не стесненным национальными границами взаимопониманием и ассимиляционными возможностями русской интеллигенции.

Проблема *национализма* была очень важной в философских размышлениях Достоевского. В национализме, как и в социализме, он видел форму выражения религиозных склонностей человека. Национализм не является стадным инстинктом, потребностью объединения во имя выживания, считал он. Напротив, феномен национализма явление довольно позднее. Это культурный продукт, выросший из пробуждающегося осознания призвания к осуществлению особой миссии. Тот, кто отвергает национализм как

атавизм, просто слеп и не видит важную культурно-философскую проблему.

Устами своего литературного персонажа Достоевский высказывает следующую идею: «Если великий народ не верует, что в нем одном истина, если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве..., а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы все остальные народы и имели своих особых и великих Богов. Единый народ “богоносец” — это русский народ...»

Достоевский выступал против обожествления человека в формах идеи сверхчеловека или социалистической утопии. Идея обожествления нации не вызывала у него отторжения, так как его любовь к России была слишком сильна, чтобы открыто признать, что национализм — это также обожествление, уход от истины.

Важной страницей в творчестве Достоевского является стремление писателя-философа ответить на вечные вопросы: Что такое религия? Что такое Бог? Что такое вера? Для Достоевского очевидно, что отличительной чертой религиозных идей является стремление к универсальности. Всечеловечность, универсальность христианства является его наиболее привлекательной чертой. Если рассматривать претензии на универсальность социализма, то и его, вероятно, можно считать религией. Другой религией является национализм, особенно если он принимает форму стремления великого народа к мировому господству. «Человечество в целом всегда стремится к созданию универсального государства», — говорится в «Братьях Карамазовых». «Было много народов с великой историей, но чем более развиты они были, тем были более несчастны, ибо когда становишься сильнее других (народов), то чувствуешь потребность в охватывающем весь мир союзе». По Достоевскому, истинный Бог — это Бог христианский, боги же социализма и национализма — фетиши. Можно сказать, что все его творчество направлено на то, чтобы определить различие между истинными и ложными богами.

В заключение хотелось бы отметить вклад великого писателя-философа в *психологию*. Стало уже прописной истиной, что Достоевский является одним из наиболее замечательных предшественников психоанализа. Расщепление личности и внутренние противоречия, сновидения как отражение неосознанных желаний, скрытая сексуальность и стремление к самопознанию как движущие силы наших поступков — все это Достоевский описал задолго до Фрейда и Адлера. Особый интерес представляет вклад Достоевского в психологию преступления и наказания. Он никогда не переставал удивляться «человеческой способности ... питать в своих душах наиболее возвышенные идеалы и бок о бок с этим омерзительнейшую низость, и все это вполне открыто». Достоевский, рассматривавший человека как сложное, противоречивое существо, является великим учителем новейшей психологии.

Если оценивать творчество Достоевского шире, то можно сказать, что он создал часть фундамента европейской духовности XX в., заполнил вакуум в идейных основах современной европейской традиции.

Другого великого русского писателя — **Льва Николаевича Толстого** (1828—1910) также вряд ли можно назвать академическим философом. Всю жизнь он стремился ясно и по возможности просто объяснять фундаментальные философские и религиозные вопросы, прибегая к своеобразному исповедально-проповедническому стилю.

В молодости Толстой испытал глубокое влияние философских идей Ж.-Ж. Руссо и Вольтера. Толстой и Руссо были во многом родственны по духу. Отличительной чертой обоих было сочетание рационализма с критикой цивилизации. Руссо оказал большое влияние на мысли Толстого о воспитании и в известной степени на его религиозные идеи, но не на его эстетику и философию истории. Ненависть Толстого к церкви и священникам очень созвучна со знаменитой позицией Вольтера. Позже Толстой открыл для себя А. Шопенгауэра, называл его величайшим гением и удивлялся, что тот так мало известен. В это же время Толстой читал Канта, который также оказал значительное влияние на него как мыслителя. Философский стиль Толстого напоминает стиль Шопенгауэра. Обоим присущи уверенность, сила и яркость изображения.

В своих философских работах Толстой рассматривает почти все формы человеческого бытия со своей, часто

необычной, но всегда глубокой точки зрения. Он создал философию истории и теорию искусства. Толстой работал почти шесть лет над критическим переводом Евангелия с языка оригинала на русский с надлежащими философскими комментариями и пояснениями. К этому следует добавить массу работ по социально-этическим, национально-экономическим, педагогическим и политическим вопросам.

Одним из вопросов, глубоко занимавших Толстого, была *тема смерти*. Смерть по Толстому — это мучительная гибель, напоминание о бессмысленности жизни. Чтобы преодолеть смерть, мы должны порвать все узы, которые связывают нас со всем личным: с нашими близкими, с нашей собственностью, нашей славой и нашим успехом. Мы должны возвыситься в любви ко всему и всем, что идентифицирует нашу жизнь с самой жизнью. Тогда смерть не настигнет нас. Наша смерть — это только физическое изменение плоти, которое — если смотреть глубже — касается нас так же мало, как какой-либо другой из отдельных предметов бытия. «В космическом упоении любви перестают действовать разрушительные силы пространства и времени», — пишет Толстой в своем наиболее глубоком философском произведении «*О жизни*». Найти смысл в существовании для Толстого, значит найти что-либо, преодолевающее смерть. И вопрос о смысле жизни для Толстого — важнейший религиозный вопрос. Религия и смерть близки. Религия для Толстого — это сила, которая дает человеку возможность находиться перед фактом смерти и при этом не расстаться по собственной воле с жизнью.

Толстого часто называют анархистом, ниспровергателем кумиров и авторитетов. *Анархизм* Толстого тесно связан с его стремлением к опрощению, попытке сконструировать жизненное пространство, в котором была бы отброшена большая часть этических и социальных норм, осложняющих жизнь в культурном обществе. Он никогда не скрывал своей ненависти ко всем представителям авторитета и порядка на земле: генералам, министрам, судьям, священникам и им подобным. Но в анархизме Толстого можно усмотреть не только психологические основания. В определенном смысле можно говорить и о социально-культурной основе. Возможно, ненависть Толстого к порядку является не столько ненавистью к порядку вообще, сколько к неестественным порядкам той среды, к которой сам он принадлежал.

Большинство исследователей творчества Толстого отмечают его своеобразное стремление «повернуться спиной к Европе». Видимо, это связано с глубоким убеждением Толстого в том, что географически и исторически Европа — это лишь маленький уголок мира. Мы должны научиться заглядывать за европейский горизонт. Ведущим мотивом в мышлении Толстого является мысль, что существуют этические, религиозные и социальные идеалы более универсальные, чем европейские. В католической, православной и реформированных церквах он видел искажение основных мыслей христианского учения. Когда христианство освобождается от европейских одежд, от него остается зерно мудрости, которое можно выкристаллизовать, например, из буддизма или конфуцианства.

Основной тезис *философии истории* Толстого можно кратко выразить следующим образом: все исторические события необходимы. Ход истории определяется не свободным вмешательством отдельных индивидуумов, а надличностными факторами, которые, однако, нельзя распознать. Далее Толстой утверждает, что проблема свободы воли напоминает о себе в истории повсеместно. Каждый серьезный историк вынужден размышлять о ней, если не абстрактно, то, по крайней мере, в какой-либо конкретной исторической связи. Свобода и необходимость — две стороны одной медали.

Бесспорный факт, что чем больше углубляются наши знания, тем менее мы склонны говорить о случайностях и свободе воли. В этой связи Толстой рассматривает отношение исторической необходимости к месту наблюдателя во времени. Он говорит, что явление кажется нам тем более необходимым, чем больше оно удалено от нас по времени. Но верно также, что при очень большом удалении связь событий исчезает во тьме веков и уже поэтому кажется загадочной и непостижимой. При рассмотрении отношения исторического восприятия к удалению во времени обнаруживается еще один аспект. А именно: необходимость, которую мы обнаруживаем в историческом явлении, распространяется не только на то, что произошло, но не в меньшей степени и на то, что за этим последовало. Толстой критикует телеологическую историографию, которая видит движущую силу истории в осознанных целях исторических личностей или самих историков.

Что касается темы личности в истории, то существует, уверен Толстой, тенденция переоценивать так называемую самостоятельность великих людей. Так возникает глупое преклонение перед героями в истории, которые на самом деле заслуживают критического разоблачения. При изучении позиций выдающихся личностей мы должны отталкиваться от того, что они не имели самостоятельного значения как исторический фактор.

Понимать историю, по Толстому, — значит чувствовать частицу живой жизни в ее конкретной действительности и бесконечное сложное взаимодействие между ее частями. В своем высшем проявлении это понимание является синтезом научного знания и художественных форм.

В своей *философии искусства* Толстой, помимо исследования понятия искусства, также высказывается о том, какое искусство он считает хорошим, или, иначе говоря, отвечающим просвещенному религиозному мнению нашего времени. По Толстому, хорошее искусство должно быть двух основных видов. Он называет их религиозным и универсальным искусством.

Религиозное искусство учит нас смирению и любви к ближним. В качестве примера хорошего искусства такого рода Толстой называет некоторые романы Диккенса и Достоевского, Гюго и Шиллера. Универсальным в понимании Толстого является искусство, которое объединяет людей в едином простом и доступном чувстве: радости, сострадании, оптимизме, покое. *Универсальное искусство* по большей части не является репродуктивным, подражательным искусством, например геометрический узор, танец, песня, скульптура. К такому искусству также относятся, по мнению Толстого, комедии Мольера, «Дон Кихот» Сервантеса и «Дэвид Копперфильд» Диккенса. Элитарное, рафинированное искусство действует разъединяюще, поэтому оно плохо. Так же и ярко выраженное реалистическое искусство может оказывать отвлекающее от главного негативное влияние. Можно сказать, что Толстой велик как создатель универсального, а не религиозного искусства, если пользоваться его собственными мерками. Ибо великим у Толстого является его союз со всеми силами, которые объединяют человека с человеком: не связанные условностями спонтанные чувства радости и печали, любви и ненависти.

Этическая доктрина писателя носила во многом синтетический характер. Он черпал вдохновение из различных

источников, прежде всего в христианстве. Тезис о непротивлении злу является для Толстого высшим принципом христианского учения о морали. Из этого принципа он формулирует большинство выводов социального и политического свойства. Толстой считает, что насилие никогда не может эффективно бороться с насилием. Подавляемое зло порождает ненависть, а ненависть вызывает новое насилие. Вероятно, менее заметной по сравнению с безграничным злом войн, но гораздо более распространенной формой насилия является государственный правопорядок, считает Толстой. Не только военная власть, но и власть порядка противоречит заповеди о непротивлении злу насилием. Это касается и полицейского, и парламента, и правительства, и главы государства, которые издают законы, на основании которых функционирует эта насильственная система. Толстой не приемлет саму идею о праве как принудительном порядке. Этим он хочет уничтожить важнейшее содержание права в юридическом смысле. На праве как принудительном порядке, в свою очередь, зиждется экономический порядок в стране. Закон защищает мою собственность от грабежа и разбоя. Он не позволяет другим мешать мне использовать власть, которую дают деньги. Таким образом, в любом случае капиталистическая экономика предусматривает закон, который противоречит христианской этике. Основные пункты толстовской критики государства, общественных институтов и экономических порядков последовательно вытекают из его толкования библейских слов «не противься злому». Негативное отношение Толстого к церкви проистекает из того факта, что церковь часто была лучшим союзником принудительного государственного порядка.

Толстой был противником всякой философии, которая претендовала на роль научного мировоззрения. Он выступал не против науки, а против мнимых философских претензий, прикрывающихся ее именем. Толстой говорит, что человек, верящий в то, что наука может разрешить мировоззренческие вопросы, уподобляется тому, кто считает, что если достаточно долго и досконально рассматривать предмет с одной стороны, постепенно увидишь его со всех сторон и даже сможешь узнать, каков он изнутри.

В заключение хотелось бы вспомнить слова одного критика, который сказал о великом русском писателе-философе так: «Если бы жизнь могла говорить, то она говорила бы языком Толстого».

Соловьев: универсальный синтез науки, философии и религии

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — философ, поэт, публицист, критик. Сын историка С. М. Соловьева. Философские идеи В. С. Соловьева представлены как в специальных сочинениях, так и в его поэзии.

На мировоззрение Соловьева оказали влияние мистические традиции Востока и Запада, платонизм, немецкая идеалистическая философия. Но, как писал А. Ф. Лосев, для Соловьева всегда были характерны «самостоятельность и тончайший критицизм», «подведение изученных им философов к своему собственному мировоззрению». Соловьев был ярым оппонентом позитивизма, отрицающего значение философского и религиозного опыта. Достаточно критически он оценивал материалистическое направление и иррационализм А. Шопенгауэра, считая их тупиковыми путями развития философии. Оценивая современное состояние философии как кризисное, выход из него он видел в создании «новой» религиозной метафизики — «универсального синтеза науки, философии и религии».

Принцип *всеединства бытия* стал у Соловьева фундаментальным принципом не только онтологии, но и теории познания, этической системы, эстетики, философии истории. Философия бытия Соловьева наследует онтологической традиции в истории мировой философской и религиозной мысли, обращаясь к опыту античной философии, к патристике, немецкому идеализму. Всеединство бытия Соловьев определяет как связь Бога и мира, божественного и человеческого бытия. В онтологии Соловьева различаются три вида бытия: явления, мир идей, абсолютное бытие; в гносеологии также выделяются соответственно три основных вида познания: опытное, разумное и мистическое. Поскольку в онтологии Соловьева центр бытия человека смещен из его природы в абсолютный трансцендентальный мир, то и в познании соответственно особая роль отводится мистическому (религиозному) опыту. В «*Критике отвлеченных начал*» Соловьев утверждал, что в основе истинного знания лежит мистическое или религиозное восприятие, от которого наше логическое мышление получает свою безусловную разумность, а наш опыт — значение безусловной реальности. В конце жизни в работе «*Теоретическая философия*» Соловьев вновь настаивает на том, что «факт веры

есть более основной и менее опосредованный, нежели научное знание или философское размышление». Для русского философа опыт веры может и должен быть представлен на «суд» всегда критического философского разума. Признание исключительного значения философского познания всегда было характерно для Соловьева. Уже в раннем трактате «*София*» он писал, что одним из важнейших отличительных свойств человека как живого существа является устремленность к истине, «потребность метафизического познания»; те же, «у которых эта потребность отсутствует абсолютно, могут быть рассматриваемы как существа ненормальные, монстры». Следовательно, судьба философии неотделима от судьбы человечества, философия — это «дело человечества». В «Теоретической философии» Соловьев настаивал на том, что невозможно стать личностью вне стремления к Истине (абсолютной, безусловной) и что познающий субъект, не ставший на путь философского восхождения к Истине, есть ничто.

Проблемы нравственности рассматриваются во многих произведениях Соловьева, но наиболее систематически его нравственная философия представлена в работе «*Оправдание добра*». Соловьев верит в абсолютное значение нравственных норм, что и определяет его трактовку этики. Он выделяет три типа нравственных отношений (чувств): стыд, жалость и благоговение. Стыд указывает на надприродный статус человека: человек не может быть равен животному, он всегда выше или ниже его; жалость означает солидарность с живыми существами; благоговение — добровольное подчинение высшему, божественному началу. Все остальные нравственные качества Соловьев считает различными формами проявления основных начал. Однако любовь философ считает не связанной с какой-нибудь отдельною добродетелью, она является неким завершающим выражением всех основных требований нравственности.

Эстетические воззрения Соловьева также в существенной мере определялись идеей «богочеловеческого» преображения действительности. «Искусство должно быть реальной силой, — писал он в работе, посвященной памяти Достоевского, — просветляющей и перерождающей весь человеческий мир». В статье «*Красота в природе*» Соловьев утверждает, что эстетическое начало существует уже в природном, космическом процессе. Цель же искусства «состоит не в повторении, а в продолжении того художественного

дела, которое начато природой». Высшая задача художника, по Соловьеву, — «общение с высшим миром путем внутренней творческой деятельности».

6.4. Русская философия в XX веке

В начале XX в. в русской философии были представлены практически все значительные течения западной философии: от позитивизма и марксизма до феноменологии. Особое место в русской философии XX в. занимает **религиозная метафизика**.

Сложное переплетение философских и богословских идей мы обнаруживаем в «конкретной метафизике» **Павла Александровича Флоренского** (1882—1937). Флоренский учился на физико-математическом факультете Московского университета, затем в Московской духовной академии. После окончания академии становится ее преподавателем. В 1911 г. он был рукоположен в сан священника. С 1914 г. — профессор академии по кафедре истории философии. В 1933 г. Флоренский он был арестован и осужден. С 1934 г. находился в лагере на Соловках, где и был расстрелян 8 декабря 1937 г.

Флоренский был глубоким исследователем и знатоком философии Платона. Он критиковал философский и богословский рационализм. Также он выступал и против субъективистского типа мировосприятия, утвердившегося, по его убеждению, в Европе с эпохи Возрождения. Такому мировосприятию, считал Флоренский, свойственны отвлеченный логицизм, индивидуализм, иллюзионизм. Субъективизму Возрождения он противопоставлял средневековый тип миросозерцания как объективный путь познания, отличающийся органичностью, соборностью, реализмом, конкретностью и другими чертами, предполагающими активную (волевую) роль разума. Этому, в частности, посвящена его работа «*Обратная перспектива*», где автор убедительно доказывает, что мировосприятие средневекового художника было естественным для той эпохи и другим и быть не могло.

Бердяев: творчество и свобода

Николая Александровича Бердяева (1874—1948) можно считать наиболее выдающимся среди русских философов, живших в изгнании после революции. Сфера его интересов касалась в основном проблем философии истории и религии.

Незадолго до своей высылки из Советского Союза в 1922 г. он закончил книгу о Достоевском. В эмиграции Бердяев издавал журнал «Путь», где была опубликована значительная часть его работ.

Две изданные еще в России книги Бердяева — «*Философия свободы*» (1911) и «*Смысл творчества*» (1916) — во многом определили круг философских тем, которыми он занимался в последующие годы. Свобода, по Бердяеву, — это то, что характеризует «царство духа», противостоящего «царству природы». Творчество всегда имеет своей основой и целью свободу. Оно реализуется в опыте художественном и философском, религиозном и моральном, в духовном опыте личности, в ее исторической и общественной активности. Бердяев называл себя «философом свободы». Свобода была для него фундаментальной бытийной реальностью, к которой надо стремиться из нашего мира, мира «мнимостей», где нет свободы и, следовательно, нет жизни. Но позиция Бердяева оптимистична, так как ее пронизывает христианский пафос. Бердяев оставляет человеку надежду на помощь извне, на трансцендентную помощь личностного христианского Бога, а не от «без-основной свободы». И все же судьба бердяевского «свободного» человека во времени и в истории трагична. Это восприятие истории и культуры во многом определяло мироощущение философа на протяжении всей его жизни. С годами оно становилось все более драматичным, чему во многом способствовали события русской и мировой истории XX столетия, свидетелем и участником которых ему довелось быть.

Всю свою творческую жизнь Бердяев занимался также проблематикой, связанной с философским осмыслением влияния техники на культуру. Одна из статей, опубликованных в журнале «Путь» (1933), начинается такими словами: «Не будет преувеличением утверждать, что вопрос о технике стал вопросом о судьбе культуры и человечества в целом. В наш атеистический век, когда не только религия, но и вера в гуманизм прошлых столетий ослабли, единственной верой цивилизованного человека нашего времени осталась вера в технику, в ее силу и безграничные возможности развития»[1].

---

[1] *Бердяев Н. А.* Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147.

Следует признать заслугой Бердяева четкое осознание им того, что проблематичное влияние техники на жизнь имеет в своей основе изменившееся отношение человека к природе. В статье «*Смысл истории*» он пишет, что «в основе исторического процесса лежит отношение человеческого духа к природе и наша зависимость от взаимодействия с силами природы». Причину того, что эти отношения стали проблемой, Бердяев видит в кризисе исторического процесса, который многие философы истории обычно называют переходом от культуры к цивилизации. Благодаря различным техническим приспособлениям люди постепенно отчуждаются от природы и превращаются из детей природы в культурные существа. Поэтому можно сказать, что техника сама является основой более высокой культуры. Как культурное существо человек также органически связан с природой и зависим от нее.

В этой же статье Бердяев отмечал, что «в начавшемся новом периоде начинает колебаться наше прежнее представление как о природе, так и о человеке». Реакция природы на изменения, которые несет технологическая система, хорошо известна сейчас как «экологический кризис». Во времена Бердяева он еще не достиг угрожающих размеров. Примечательно то, что Бердяев вообще упомянул об этом применительно к проблеме загрязнения воздуха. «Человек еще не приспособился к новой действительности, созданной машинной техникой. Еще не известно, сможет ли он дышать загрязненным электричеством и радиацией воздухом. Мы еще не знаем, как проявит себя воздух, отравленный человеком через свои технические изобретения и артефакты. Есть врачи, которые говорят, что он может быть опасным, даже смертельным». Другой его пример касается разрушительных последствий эскалации военной промышленности. Бердяев успел пережить атомную бомбу, и он опасался неслыханных бед, которыми она грозит человечеству.

У Бердяева есть интересные размышления о том, как научно-техническая цивилизация подрывает гуманистический взгляд на человека. Разрушающее действие состоит в том, что «преодоление времени» техникой чрезвычайно убыстряет ритм жизни. У отдельного индивида просто нет времени и возможности, чтобы остановиться на мгновение и задуматься над тем, что происходит вокруг него. То, что мы утратили возможность жить сегодняшним днем, пишет Бер-

дяев, означает, что у нас нет времени и для вечности. «Каждое мгновение должно как можно быстрее сменяться следующим, и все мгновения, таким образом, исчезают в потоке времени и тем самым предаются забвению». Вследствие этого индивид чувствует себя затерянным в мире. «Человеческая психика не может переносить постоянно увеличивающийся темп, к которому вынуждает нас новое время. Это принуждение имеет тенденцию к превращению самого человека в машину. Это очень болезненный процесс».

Бердяев не склонен был придерживаться мнимо романтических идей, что возможно возвращение к формам жизни, характерным для предындустриального и предтехнологического общества. Благодаря техническим знаниям человек смог стать культурным существом, субъектом своей собственной истории. Мечты о возвращении к естественному состоянию — это мечты о первобытном рае, которого на самом деле никогда не было. Человек не должен стремиться к улучшению ситуации, отвергая технические новшества, отрицая развитие. Наоборот, нужно научиться управлять техническим развитием, чтобы преодолеть его вредное влияние как на духовное равновесие человека, так и на окружающую среду.

Возможно ли человеку достичь такого господства над собственными силами? Бердяев положительно отвечает на этот вопрос. Чтобы овладеть ситуацией, человек должен подчиниться власти, стоящей выше его собственного расчетливого разума. Он должен понять, что только так сможет прийти к сбалансированному осознанию как собственной силы, так и собственной слабости. Такой высшей властью, по мнению Бердяева, является Бог.

В своем эссе «*Человек и машина*» Бердяев ссылается на другого русского философа Н. Ф. Федорова, который соединил с христианскими взглядами веру в возможность с помощью науки и техники преодолеть кризис, порождаемый цивилизацией. Но Бердяев не разделял этот оптимизм. Согласно Бердяеву, человек не только существо, которое может сбросить оковы природы. Он стоит также над каждой формой общественной организации. Поэтому нет идеальных для человека общественных или государственных форм. Собственно, христианство Бердяева резко антропоцентрично. Центром религиозной картины мира является, скорее, человеческий индивид, чем трансцендентное боже-

ство. В этом Бердяев верный последователь Достоевского, который больше, чем кто-либо другой, питал философию Бердяева. Можно сказать, что «христианское мировоззрение обоих великих русских мыслителей не является христианством древних отцов церкви или средневековых схоластов и не идентично какой-либо обособленной форме, которые позднее приняло христианство (римско-католическое, ортодоксальное или протестантское). Христианство в духе Достоевского и Бердяева, которое поможет нам преодолеть кризис цивилизации, само является трансформированной формой христианства или новой религией»[1].

Мысли Бердяева о нашем историческом прошлом несколько односторонне связаны с христианской традицией, с отклонением от античных корней нашей культуры. Зато его заслугой является то, что он отметил заниженную оценку средневекового культурного наследия при анализе современной ситуации. В статье «*Новое средневековье*» Бердяев говорит, что он осмеливается «характеризовать наше время как конец современной истории и начало нового средневековья».

Мы рассмотрели далеко не полный перечень русских философов, вклад которых в мировую философию является очевидным. В Советском Союзе на протяжении семидесяти лет философия развивалась по преимуществу в рамках марксистско-ленинской парадигмы.

Контрольные вопросы

1. Когда и в каких условиях зарождалась русская философия?
2. Кем являлись первые русские философы?
3. Каковы отличительные особенности русской философии эпохи Просвещения?
4. В чем сходство и отличие взглядов западников и славянофилов?
5. Какие западноевропейские философы оказали наибольшее влияние на русскую философию?
6. В чем основное отличие анархизма от марксизма? Какой вклад в развитие философии анархизма внесли М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин?

---

[1] См.: *Вригт Г. Х. фон.* Три мыслителя. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.

7. Что говорил о социализме, национализме и будущем России Ф. М. Достоевский?

8. Почему Достоевского принято считать одним из предшественников современного экзистенциализма?

9. В чем суть философии истории, этики и эстетики Л. Н. Толстого?

10. С какими идеями Н. А. Бердяева, касающимися развития технической цивилизации, мы можем согласиться в начале XXI века?

Литература

Основная

1. *Бердяев, Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. — М. : Правда, 1989.

2. *Вригт, Г. Х.* Три мыслителя (Достоевский, Толстой, Бердяев). СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.

3. *Гуревич, П. С.* Философия : учебник для академического бакалавриата. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

4. *Гусейнов, А. А.* Этика : учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. — М. : Гардарики, 2006.

5. *Зотов, А. Ф.* Современная западная философия : учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2005.

6. *Ивин, А. А.* Логика : учебник и практикум для академического бакалавриата. — 4-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

7. *Ивин, А. А.* Современная философия науки. — М. : Высшая школа, 2005.

8. *Ивин, А. А.* Социальная философия : учебник для бакалавров. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

9. *Ильин, В. В.* Русская философия : учеб. пособие. — СПб. : Петербург, 2004.

10. История русской философии : учебник для вузов / под ред. М. А. Маслина. — М. : Изд-во КДУ, 2008.

11. *Канке, В. А.* Философия : учебник. — М. : Логос, 2008.

12. *Никитина, И. П.* Философия искусства : учеб. пособие. — М. : Омега-Л, 2006.

13. *Никитина, И. П.* Эстетика : учебник для бакалавров. — 2-е изд., пер. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

14. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра. — М. : Изд-во МГУ, 1990.

15. *Рассел, Б.* История западной философии. — М. : АСТ, 2010. — Т. 1—2.

16. *Реале, Д.* Западная философия от истоков до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери. — СПб. : Изд-во Пневма, 2003. — Т. 1—4.
17. *Розанов, В. В.* Уединенное. — М. : Эксмо, 2006.
18. *Степанянц, М. Т.* Восточные философии : учебник для вузов. — М. : Академический проект, 2011.
19. Сумерки богов. — М. : Политиздат, 1989.
20. Философия : учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Академический проект ; Триекта, 2005.
21. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М. : Гардарики, 2006.
22. *Фрейд, З.* По ту сторону принципа удовольствия. — М. : Прогресс, 1992.
23. Хрестоматия по философии : учеб. пособие. — 3-е изд., пер. и доп. — М. : Проспект, 2011.
24. *Шопенгауэр, А.* Свобода воли и нравственность. — М. : Республика, 1992.

Новые издания по дисциплине «Философия» и смежным дисциплинам

1. *Бессонов, Б. Н.* История философии : учеб. пособие для академического бакалавриата / Б. Н. Бессонов. — М. : Издательство Юрайт, 2015.
2. *Вундт, В. М.* Введение в философию : учебник для вузов / В. М. Вундт. — 5-е изд., стер. — М. : Издательство Юрайт, 2016.
3. *Гаджиев, К. С.* Политическая философия и социология : учебник для бакалавриата и магистратуры / К. С. Гаджиев. — М. : Издательство Юрайт, 2016.
4. *Гриненко, Г. В.* История философии : в 2 ч. Часть 1. От древнего мира до эпохи просвещения : учебник для академического бакалавриата / Г. В. Гриненко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.
5. *Гриненко, Г. В.* История философии : в 2 ч. Часть 2. От XVII до XXI века : учебник для академического бакалавриата / Г. В. Гриненко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.
6. *Гуревич, П. С.* История философии : учебник для академического бакалавриата / П. С. Гуревич. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

7. *Гуревич, П. С.* Философия : учебник для академического бакалавриата / П. С. Гуревич. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

8. История философии : учебник и практикум для академического бакалавриата / О. А. Власова [и др.] ; под ред. А. С. Колесникова. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

9. История философии XX века. Современная зарубежная философия : учебник и практикум для академического бакалавриата / С. Л. Бурмистров [и др.] ; под ред. А. С. Колесникова. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

10. *Трубецкой, С. Н.* Курс истории древней философии : в 2 ч. Часть 1 : учебник для вузов / С. Н. Трубецкой. — 2-е изд., стер. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

11. *Трубецкой, С. Н.* Курс истории древней философии : в 2 ч. Часть 2 : учебник для вузов / С. Н. Трубецкой. — 2-е изд., стер. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

12. *Шаповалов, В. Ф.* Философия : в 2 ч. Часть 1. Введение в философию. Классическая философия : учебник для академического бакалавриата / В. Ф. Шаповалов. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

13. *Шаповалов, В. Ф.* Философия : в 2 ч. Часть 2. Современная философия : учебник для академического бакалавриата / В. Ф. Шаповалов. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.